

СЕМЕЙКА

В ТОМ ЧИСЛЕ...

Уважаемые читатели!

Взрослые и маленькие!

Альманах для семейного чтения не может не поощрять семейственность - в хорошем смысле слова. Несколько раз мне удавалось представить на его страницах творчество людей, связанных кровными узами. Это и мама с дочерью - художницы Лидия Эпштейн и Татьяна Воронцова; и муж с женой - фотохудожник Алексей Кузнецов и поэт Ольга Бешенковская; и отец с сыном, авторы повести «Веста-2» - Александр Василенко и Антон Митляйдер. В этом выпуске я рад познакомить вас с творчеством сразу троих Кушченко: поэт Владимир и два его сына художника Виктор и Николай.

В предыдущем номере литература для взрослых потеснила детскую. В этом выпуске я восстановил справедливость и сохранил обещанные пропорции: 50 на 50.

Новая рубрика «Переводческий зал» получила хорошие отзывы у читателей. Мне самому она весьма по душе, и я постараюсь вести её постоянно из номера в номер.

Учитывая, что «Семейка-8» выходит в свет зимой, мне захотелось поздравить всех вас с Рождеством и новым 2009 годом. Но в голову ничего, кроме «счастья, здоровья, долгих лет жизни», не приходило. Конечно, слова эти сами по себе неплохи, и я действительно вам всего этого желаю, но, согласитесь, чего-то в моих пожеланиях всё-таки недостаёт. Я даже знаю чего... Страстно желая восполнить недостающее, я обратился за помощью к могущей всё, в смысле к всемогущей Наталье Хаткиной и выклянчил у неё для вас её восхитительных «Волхвов». Читал, умилялся, радовался, даже о всемирном кризисе как-то позабыл - чего и вам, дорогие читатели, желаю!

Составитель

Геннадий СУСУЕВ
Луганск

Давно не читал таких ярких, наполненных буйством жизни стихов!

Обрадовался, когда узнал, что это не только моё ощущение. То же самое почувствовала в стихах Геннадия Сусуева критик Мирослава Радецкая:

«Одна из особенностей Сусуева-лирика - восприятие мира не только в красках или звуках по преимуществу, а всеми органами чувств, иногда несколькими разом. Мир в красках, то ярких, то сдержанно-«глухих»: «желтый лист», осенняя «жёлтая метель», «синь лугов», «серое пальто» вечернего города, «рассвета олова» (и цвет, и тяжесть), «краски смешивала осень». Он воспринимается и через запахи: «от жнивья шёл запах папирос», «в избе гуляет запах пирога». Поэтически мир воспринимается через звуковые образы: поезд «гудит громче труб Иерихона», «Оглушён, контужен тишиной». Богато и вкусовое восприятие мира: «не потому ль так сладок синий дым», «вкус поцелуя». Но есть ещё образы тактильные, осязательные, связанные с прикосновением, на ощупь, с движением: «вечерами веяло прохладой», «задрожал, просыпаясь, вагон». И всеми чувствами воспринимает поэт бытие, когда пишет: «был аромат и даже вкус тепла», «душа уже ликует и поёт»; можно передать цвет розы, но «У обонянья нет в запасе слов своих».

Поэзия Геннадия Сусуева не ведает ни пространственных, ни временных границ, в его стихи легко и органично входит география всей планеты, в сиюминутно длящейся строке запросто уживаются прошлое и настоящее. Размышляя о жизни, он легко и непринуждённо черпает образы и символы из сокровищницы мировой истории, искусства и литературы, каким-то таинственным образом приручая их, делая своими... и нашими. Его поэтические образы, как правило, свежи и непредсказуемы. Преодолеваю сильное искушение процитировать здесь десяток-другой сусуевских сравнений и метафор - думается, будет намного лучше, если читатель сам увидит и оценит их в контексте стихотворного целого.

Улитка

Уж полчаса к незримой метке,
А для неё, возможно, год,
Улитка движется по ветке,
Как допотопный пароход.

Хоть куст раскачивают ветры
Над полушариями клумб,
Вновь километро-миллиметры
Штурмует маленький Колумб.

Когда же, на исходе лета,
Всё отцветёт уже кругом,
Она, состарясь незаметно,
В родимый возвратится дом,

То соберётся вся деревня,
За камень прячась от жары,
И будет слушать с недоверьем
Рассказ про дальние миры.

Как удав, излучина дороги.
В пятнах луж подтаяла слюда.
Вдаль бегут по небу носороги -
Испугали, значит, холода.

Здесь у нас не Африка, однако,
Осень ещё сдерживает злость.
Только ветер - дикая собака
Гложет сада брошенную кость.

Красная разбавленная глина -
Мутное дешевое вино.
Как перо убитого павлина,
Расползлось бензинное пятно.

По грибы

«Я - не первый воин, не последний» -
Не морочу «be or not to be».
Хорошо, что дождь прошёл намедни,
Значит, завтра утром - по грибы.

Покидаю гульбище перрона.
- Где же этот чертовый билет?
Вышел из чистилища вагона
В серый незатейливый рассвет.

«Благорастворение воздуха».
Оглушен. Контужен тишиной...
Я стою, стою, как Пьер Безухов,
Где-то между миром и войной.

Зима с трудом взошла на перевал,
Чуть отдышалась, собираясь с силой.
И в феврале, как кто наколдовал,
Мороз стоял как греки в Фермопилах.

Все поклонялись Солнцу и Огню,
Вдруг сделавшись язычниками снова.
И пили чай - по сорок раз на дню,
А по утрам таращились, как совы.

Народ все ждал явления Тепла,
Но шли, смеясь, лишь наглые метели.
И по ночам, сквозь заросли стекла,
Еще по-волчьи призраки глядели.

Хоть чуть на юг, где синь и облака,
Уже цвели фруктовые деревья,
Мы, всё, ворча, как грош из кошелька,
Вновь вынимали баночку варенья.

А птичий люд готовил чемодан -
Благая весть уже достигла Нила.
Проснулся Сфинкс - и долго великан
Глядел - следил, как ласточка кружила.

Художник Анри Руссо

Вот джунгли. Лев. А ночь так горяча!
Лежит пред ним, как хвороста вязанка,
Закрыв глаза, не в силах закричать,
А может быть, уснувшая цыганка.

Из камня мост над зеркалом воды,
Аэропланы - пойманные рыбы.
А в глубине свирепствуют сады,
И здесь опять деревья встали дыбом.

Вот леопард - кошмарное пятно.
Здесь папоротник - словно изваянье.
Когда б твоё узрели полотно,
Тебя, Анри, забрали б марсиане.

Но не робей, Таможенник Руссо!
Рисуй. Пиши. Не обращай на слухи.
Вертись, Земля, как в парке колесо -
Пускай визжат и охают старухи.

Детство

Не замолкает цокот молотка,
Хотя ещё не кукарекал кочет.
У изголовья кружка молока.
За занавеской бабушка хлопочет.

В избе гуляет запах пирога,
Заходит дед, похожий на Софокла.
Как мамонты огромные, стога
Заглядывают в крохотные стёкла.

М. Малахуте

Кончилось лето. Закрыли главу.
Старый каштан, покачав головой,
Всем заявляет - дарю булаву.
Гетманом может быть ныне любой.

Но, «оселедец» разгладив, ковыль
Дрыхнет, на славу махнувши рукой -
В городе скука сплошная и пыль.
Будь моя воля - и я ни ногой.

Все б гайдамаком гулял по степи,
Вместо того - исключи выходной -
Словно собака сижу на цепи:
То - на работу, то - снова домой.

Ветер, ни с той поднимаясь ноги,
Вымел из хаты весь мусор и сор.
Осень купила себе сапоги -
Скоро похвастаться выйдет во двор.

Слушая сада печальный мотив
Терпкого яблока чувствуешь вкус.
Входит, с бахчи возвратившись, Юдифь
Спелый к груди прижимая арбуз.

Отъезд

Пустые комнаты. Плита.
Пустая ванная.
А впереди - как встретит та -
Обетованная?

В иных краях «мы новый наш...»
С другим названием ...
Сдадим в багаж - что не продашь -
Воспоминания.

Всё прочее - за горсть монет.
Рассвета олово.
Лишь стул и пепел сигарет -
Посыпать голову.

Ненавижу пыльные музеи -
Что случится, знаешь наперед!
Я бы компас выдал Моисею,
Чтоб не мучил праведный народ.

Или сам прикинулся халдеем,
Те тогда уж знали звездам счет,
И привел их прямо в Иудею,
Пожиная славу и почет.

Вся пошла история иначе!
Не распяли бедного Христа.
Был и я доволен и удачлив,
Не марая чистого листа.

Оттепель

Вчера мело, а нынче как из крана
Льют небеса, выплёскивая злость.
Пал снеговик, в наряде ку-клукс-клана,
Изрешеченный пулями насквозь.

Взгляни на тот огнем горящий лист
Среди еще вполне зеленных листьев,
Поэт всегда бунтарь и террорист
Среди довольных жизнью глобалистов.

Сам не живет и не дает другим -
Нет от него покоя человеку.
Он даже дома, словно пилигрим,
Что перепутал с Ватиканом Мекку.

Он заявляет вечно невпопад
И говорит, о чем никто не просит.
Он виноват, что дождь и листопад,
Что холодает, наступает осень.

Секрет поэзии

В. Спектору

Поэзия - секрет?
Ну что быть может проще!
Ведь это - тень и свет,
Дорога или роща,

Беспечный мотылёк,
Грусть на лице мадонны,
Тяжёлый молоток
И скульптора ладони,

Слепого старика
Старинная шарманка,
Предсмертная строка,
Бессонницы служанка.

То шум весёлых игр,
То лист, летящий мимо...
Как уссурийский тигр -
Почти неуловима.

В. Дунину

Ты не лукавь, пиши, поэт, пиши,
И не кляни в сердцах периферию.
Ведь Дух Святой в немыслимой глуши
Сумел найти и возлюбить Марию.

И Галилею выбрал неспроста,
Как говорится, не бывает дыма...
Кто бы услышал проповедь Христа
На площадях ликующего Рима?

Не спешите писать,
Вас никто не неволит -
Не затянут аркан.
Не спешите писать,
Как с утра алкоголик -
Опрокинуть стакан.

В самых горьких слезах -
Миллиграмм, даже менее, соли,
Остальное - вода.
В самых лучших стихах -
Только видимость боли,
Да и то - иногда.

**Светлана ФЕЛЬДЕ
Хеннеф**

Светлана Фельде - журналист и писатель, редактор альманаха
«Пилигрим», давний автор «Семейки».

В конце прошлого года у неё вышло сразу две книги прозы, одна из
которых - в переводе на немецкий, с чем я Светлану и нас, читателей, от
души поздравляю.

БАБУШКА

«У тебя зеленые глаза, значит, волосы должны быть русыми или
рыжими. Так загадочнее», - сказала она мне, когда я в двадцать лет
перекрасилась в черный цвет. И я не спорила, потому что понимала: она
была модницей и знает толк в таких вещах.

У нее в шкафу сохранился малинового цвета лаковый ридикюльчик времен ее молодости, а в серванте за стеклом в берестяных шкатулках лежат духи «Быть может», украшения из яркой и разноцветной пластмассы, несколько брошей, потемневших от времени, золотое кольцо с продолговатым светло-желтым камнем.

В тумбочке, на которой стоит телевизор «Горизонт», хранятся спицы и вязальные крючки, коробочка с изумительно пахнущими губными помадами, апробированными мною, семилетней, на вкус: странно, такой чудный запах, а гадость самая натуральная, не проглотить.

Рядом с крючками и спицами – темно-зеленая большая коробка с письмами и вырезками из газет. Конверты слегка пожелтели и пахнут, как мне кажется, нафталином.

Выцветающие чернила. Выцветающая краска. Выцветающие ярко-голубые глаза.

Мы с ней часто ходили гулять в березовую рощу. Она останавливалась, поднимала блекнувшие глаза к небу, и, когда опускала голову, казалось, что глаза ее поголубели, вернулись к своему изначальному, небесному цвету. Мы рассматривали солнечный свет, запутавшийся в березовых ветвях.

Смотри, подберезовик, радостно говорила я ей, заядлой грибнице, способной различать грибы на ощупь, даже по запаху – всегда безошибочно – я сама проверяла. Она смеялась: это поганка! К грибам у тебя нет таланта. Но ничего, это не страшно. У каждого есть свой собственный талант. Найдется и у тебя...

Я вздыхала, вспоминая ненавистную математику и химические формулы, от которых хотелось плакать.

Из березовой рощи мы шли гулять в поле. Колокольчики, васильки, бело-розовый клевер, желтенькие цветочки зверобоя, малиново-белые – иван-чая.

Мы ложились на спину, замолкали, она перебирала натруженными руками тонкие травинки. Господи, какая благодать, – тихо говорила она, – посмотри, каких только трав и цветов тут нет!

На портрете, где ей сейчас примерно столько же, сколько мне, она – ослепительно красива распутившейся женской красотой: настоящая корона уложенной вокруг головы косы, белый строгий воротничок оттеняет утонченность лица и нежность губ. В глазах – свет и тепло.

И мне не верится, что я видела эти глаза другими: опустевшими от болезни, утратившими даже легкий отсвет голубизны, забывшими всех нас.

Нет, я лучше буду помнить другое.

...Как я верила, что в моей комнате живут гномы. И когда я сплю, они приходят поиграть с моими куклами.

Вечером, тайком от мамы, я приносила блюдце с печеньем и кружку молока. А возле кружки ставила деревянный кубик: известно ведь, что гномы

невеликого роста. И чтобы добраться до молока, им нужна подставочка. В кружку с молоком я опускала две тоненькие соломинки.

Что этот у тебя тут такое, спросила она как-то утром.

Это для гномов, объяснила я ей. Понимаешь...

Она смотрела не меня серьезно и кивала головой.

Потом я попала в больницу и пролежала там два месяца. Не беспокойся, говорила она мне, я каждый вечер ставлю гномам молоко и печенье.

И я уверена, что она говорила правду.

...Как она приносила мне на тарелке клубнику, как крошила на зиму капусту, откладывая в сторону кочерыжки – для меня и сестры, как уговаривала меня, шестилетнюю, надеть противную белую панамку, а я капризничала и кривлялась: не хочу, сама носи!

И она надела эту панамку, чтобы рассмешить меня, присела на корточки. И я увидела, что глаза у нее совсем грустные.

...Как мы сидели под теплым июльским небом на даче, и я спросила у нее: бабушка, когда ты умрешь, ты все равно будешь видеть меня?

Конечно, засмеялась она.

Почему, спросила я у нее.

Потому что я тебя люблю, и буду беспокоиться о тебе.

А откуда, спросила я, откуда ты будешь смотреть на меня?

Оттуда – и она подняла руку к небу, в котором сияли звезды, совсем незаметные в городе.

И она надела эту панамку, чтобы рассмешить меня, присела на корточки. И я увидела, что глаза у нее совсем грустные.

...Как она рассказывала мне о своих поклонниках и о своем муже, моем дедушке, которого я никогда не видела. Думаю, она любила его всю жизнь. Но когда я спросила об этом, промолчала, только улыбнулась и поцеловала меня.

Но он любил тебя, приставал я к ней, и ты его любила, значит, все в порядке, почему ты осталась одна?

Она вздыхала: девочка моя, жизнь не всегда похожа на сказку. Но верить в сказки все-таки стоит, постарайся помнить об этом, когда станешь взрослой.

...Как улыбнулась, заглянув в личико своего правнука, моего сына. Он открыл глаза, сморщился, чихнул, заплакал, и она взяла его на руки, бережно поддерживая слабую младенческую головку, и глаза ее цвета выцветшего неба снова стали ярко-голубыми.

...Она любила спать с открытым окном. Даже в прохладную погоду. А я иногда забиралась к ней под одеяло, слушала ее шелестящий смех и в зыбкой темноте убаюкивала ее историями собственного сочинения. Которые всегда заканчивались грустно и трогательно.

Вскоре она начинала посапывать, а я никак не могла уснуть, ворочалась: мешала огромная луна.

Бабушка просыпалась, задергивала темно-зеленые шторы. Гладила меня по голове. От ее рук пахло тем, что называется родным запахом. Она целовала меня в голову, шептала: спи, все будет хорошо.

Я спрашивала: откуда ты знаешь, что все будет хорошо?

Она улыбалась в темноте: знаю, спи, маленькая!

Звук закрывающихся штор.

Запах рук.

Синее небо над головой, откуда она смотрит на меня. Потому что любит. И все действительно будет хорошо.

ЧАСОВЩИК ИЛЬЯ

В 1935 в цирк дядю Мишу не взяли. И пришлось ему срочно думать, как на жизнь зарабатывать: папа с мамой лежали на городском кладбище, пенсий по инвалидности таким, как Миша, тогда не полагалось. Пожалел его старый часовщик – взял к себе учеником, а когда умер, завещал мастерскую. Больше некому было: своих детей у старика не имелось. Дядя Миша проработал в мастерской почти пятьдесят лет. Да нет, прожил, можно сказать. Если задерживался допоздна, оставался ночевать, спал на диванчике, укрывшись старым пальто. Утром кипятил воду в кастрюле – плитку сам смастерил – пил чай с сухарями, сахаром вприкуску, потом забирался на стул, включал настольную лампу, раскладывал на столе винтики, болтики, колесики.

Хорошим мастером был. До сих пор почти в каждом доме города звучат разными голосами его часы: одни – как у Британского парламента, другие – как в церкви Святого Михаила, третьи – аббатство Святой Марии в Лондоне. Если все собрать, точно музей открывать можно.

Хорошая у меня работа, говаривал он, шум времени слышно.

А какой он, этот шум, спрашивал Илья, ничего кроме тиканья, жужжания, поскрипывания не различавший. Ну, улыбался часовщик таинственно, поживешь – услышишь.

Илью тоже в цирк не взяли – как-то особых талантов не оказалось. А пенсию по инвалидности хоть и платили, да разве ж на нее проживешь. Вот и пошел он учеником к дяде Мише. Тому тоже некому завещание писать оказалось: завести детей с женой они так и не рискнули. «Все тебе оставляю, Илья, – сказал он, вернувшись от нотариуса, – знаю, ты в цирк хотел. Да кто угадает наперед, может, ты в этой мастерской счастье свое найдешь. Все что ни делается – делается к лучшему.

Илья поменял потом только вывеску на двери, а так все осталось как прежде: настольная лампа, диван, пальто. Правда, позже пришлось электрический чайник купить: перегорела плитка, не вечно ж ей служить.

Один из клиентов, которому Илья отремонтировал командирские часы его прадеда, помог квартиру получить. Повозиться в ней пришлось изрядно: обои новые клеить, двери красить. Спасибо, соседи помогли, пожалели инвалида – нелегко ему на белом свете живется: чтобы включить свет, приходится вставать на стул. Когда выходишь из дома, с собой нужно носить что-нибудь тяжелое. Кирпич, например, чтобы лифт поехал, а то ведь он часто отказывается везти слишком легкий груз. Весу-то всего сорок два кило. Да и с одеждой проблемы: в «Детском мире» рубашки то с гномиками, то с воздушными шарами. Стыдно взрослому такое носить. С брюками детскими тоже история: в длину – годятся, в бедрах – узкие.

Опять клиенты выручили: жена у одного – портниха. Вот она и обшивала.

Много всякого приходилось переносить: в автобусе если и поможет кто взобраться, вечно в пуп дышишь. В парке у песочницы не посидишь, дети зовут играть, а когда Илья поворачивается и уходит, вслед кричат: «Выбражала, выбражала...»

Но самое противное – тетка из мэрии, из отдела по работе с инвалидами. Раз в год пришлет «повесточку» – тогда-то и в такое-то время. Пунктуальная – сроду не опоздает. Три раза в дверь позвонит, промарширует в комнату, поставит Илью на стул, достанет сантиметр из сумки. И приговаривает: не дай вам Бог вырасти. Пенсия положена только тем, кто не выше метра двадцати. Не вздумайте расти, не то лишим, лишим!

Тетка уходила, лилипут сползал со стула – она все время забывала снять его – садился на велосипед «Орленок» и ехал на работу.

Большой мастер Илья, говорил грузин Рафаэль, державший на углу овощной ларек, все может. Он вам самые старые часы так починит, любой «Сейка-мейка» по сравнению – тьфу, дрянь последний.

В такие минуты Илье, и правда, казалось, что он большой.

Иногда, когда в парке не оказывалось детей, только взрослые, он разглядывал их, пытался представить, как живет человек, если в нем не метр двадцать роста? Представлялось с трудом. Можно сказать, вообще не представлялось.

А уж как жить, если в тебе почти метр девяносто – просто загадка. Это ж сколько тебя всего в высоту, как этой высотой распорядиться – вот о чем подумал часовщик Илья, когда к нему пришла баскетболистка Аня. Мне вас Рафаэль посоветовал – сложилась она почти пополам, чтобы заглянуть Илье в глаза. Кстати, глаза у него были шоколадного цвета. И вообще, парень – хоть куда: ловкий, стройный, волосы густые. Да и баскетболистка красивая тоже, между прочим: коса русая, глаза синие, талия тонкая, крепкая – как грецкий орех.

Все городские газеты писали потом об этой свадьбе: «Почти двухметровая невеста наверняка станет носить будущего мужа на руках...»

Бывало, кстати, и носила. На работу - если снега по колено наметало. Ее, конечно, колено. Ну, не совсем на руках, а на закорках. Вы не поверите, но глядя на нее, можно было легко поверить в одну старую примету. Дядя Миша часто говорил: если дотронуться до маленького человека, станешь счастливым. Наверное, потому и разрешал многим гладить себя по рукам и голове.

...А детей у них родилось четверо.

И все они теперь - в цирке: акробат, жонглер, дрессировщик, конферансье. И если папа приходил на представление один, то никто не верил, что эти двухметровые парни - его сыновья.

Но люди вообще во многие вещи не верят. А они все равно случаются.

Татьяна ИВЛЕВА

Эссен

Родилась и окончила школу в Казахстане.

С 13-ти лет внештатный корреспондент областной чимкентской газеты «Южный Казахстан», где, будучи ещё школьницей, публикует свои первые стихи, эссе, заметки о культурной жизни города и республики. Стихи Татьяны были также опубликованы в толстом казахстанском литературном журнале «Простор».

Диплом филолога получила в Одессе (Одесский госуниверситет имени Мечникова); там же работала в Русском драматическом театре имени Иванова.

После Одессы — Минск, где, работая в комитете Белорусского радио и телевидения, Татьяна знакомится с представителями творческих музыкальных коллективов, таких как «Песняры», «Сябры», «Верасы», а также с другими музыкантами разных направлений музыки. Появляются первые песни, написанные на стихи молодой поэтессы. В исполнении белорусской певицы, солистки «Песняров» Людмилы Исуповой, по радио и телевидению звучат песни молодого талантливого композитора Валерия Иванова на стихи Ивлевой. Одну из песен — «Ты уж прости...» с успехом показала на пятом Всесоюзном фестивале артистов эстрады тогда ещё начинающая джазовая и эстрадная певица Лариса Долина, получив диплом Лауреата.

В Германии с 1987 года. Работала преподавателем русского языка, переводчиком, а также в различных театрах Рургебита. Сотрудничала с известным театром «Theater an der Ruhr» (Мюльхайм), принимая участие в большом интернациональном проекте «Шёлковый Путь» (под эгидой ЮНЕСКО) в качестве переводчика и личного консультанта Роберто Чулли - философа, режиссёра и основателя этого театра, деятельность которого была отмечена «Красным Крестом» - самой высокой наградой немецкого правительства за заслуги в области культуры и искусства.

Многие барды: Татьяна Синицына, Людмила Барон, Марина Меламед, Анжелика Миллер — обращались к её поэзии. Созданные в этом творческом союзе песни и баллады получили признание любителей авторской песни.

Татьяна Ивлева является участницей Франкфуртской книжной ярмарки, различных фестивалей бардов и поэтов.

В Германии печаталась в литературных сборниках, поэтических альманахах и журналах «Век XXI», «Литературный Европеец», «Мосты», «Муза Лорелея», «Edita», «Средиземье», «Гул былого...», «Ступени», «Голоса», «Сердце в ладонях», «Четвёртое измерение» и других. В 2005 году получила премию журнала «Литературный Европеец» за поэтическое мастерство.

Свою первую книгу «Берег дальний» Татьяна Ивлева выпустила в 2003 году во Франкфурте, получив хорошие отзывы и высокие оценки критики. Сейчас одновременно готовятся к выпуску три следующих сборника Т. Ивлевой - «Талисман», «Казахстан. До востребования», «Татьянин день».

ПОСВЯЩЕНИЯ

Валерию Христофорову

Так легко, так незнакомо
Пахнет первая сирень.

Из-за Волги, из-за Дона
Журавли ко мне летят.
Валерий Христофоров

Мне уже не догнать, не окликнуть тебя даже издали -
Где-то в мире ином затерялся неясный твой след...
Но остались стихи - те, что были и не были изданы,

И - углём на картоне - твой незавершённый портрет.

Жив ещё домовый - тот, которого хлебушком потчевал,
Домовой стал бездомным - дома подчистую снесли...
Схоронили сирень... И в чужую, но лучшую вотчину,
Из-за Волги и Дона подались твои журавли.

Только строки стихов с твоим обещающим именем
На страницах газет, коим будет в обед по сто лет...
Да обрывок письма: «Я поэт, дорогая... люби меня,
Ну, хотя бы за то, что так недолговечен поэт...»

Елене Фроловой

Пришла одна, которая поёт,
как могут петь богини и сирены,
пришла и увлекла меня в полёт,
открыв границы и раздвинув стены.

Крылатый голос глубже, чем наркоз,
фатальней, чем ошибка обещанья,
в нём соль-диез невыплаканных слёз,
в нём си-бемоль прощенья – на прощанье...

Зачем, Сирена, ты явилась мне –
в мой лабиринт без выхода и света,
где я жила, смирившись, в полусне,
уставшая от поисков ответа?

Кто я? Откуда? Из каких времён?
И где моей галактики свечение?
Мой путь земной – зачем запутан он?
В чём на Земле моё предназначенье?

Когда сквозняк рывком окно открыл
и луч звезды вселенского значенья
вдруг высветил прозрачность рук и крыл,
ослепла я от этого свечения.

Высокой пробы нежная свирель
внушала мне невинное желанье
тебя вдыхать, как майскую сирень –
предмет моей любви и обожанья.

Какую весть мне хочешь донести –
неужто пали славной Трои стены?!
Чей вздох? Чьё августейшее «прости»
из заточенья с острова Елены?..

Я, как и ты, из тех былых времён,
я тех героев знала и любила:
один – Парис, другой – Наполеон...
...А третьему я сына подарила...

Я и тебя узнала в первый миг!
Мы жили в те века в одной вселенной,
один питал божественный родник
два голоса, две почвы вдохновенных.

Людмиле Барон

Минорный лад - тебе он не годится,
Мажорный лад - он не в ладу со мной...
И всё ж, не улетай, певунья-птица
С гитарой между крыльев за спиной.

Настрой лады - тебе открою душу,
Насыплю вместо зёрен горстку слов...
А улетишь - я твой покой нарушу,
Вспугнув ночным звонком твоих птенцов.

Я разбужу в тебе стихами звуки -
Слова мои, а музыка твоя.
Спой о любви, возьми гитару в руки -
Всё позабыв, готова слушать я...

В наш век раздора без любви не выжить,
Как деревцу не выжить без тепла...
Лети, лети, певунья, выше, выше,
Расправив два серебряных крыла!

Лети туда, где праздничное лето,
Где нет косых дождей и холодов,
Ни зависти, ни злобного навета -
В край певчих птиц, мелодий и стихов.

Заклинание свечи

(Памяти Ольги Бешенковской)

Ну а душу - как бы ни пинали,
Всё равно, упрямая, жива.

Пусть моё бесхитростное имя
Станет маркой новых сигарет.
О. Бешенковская

Отпечалься, свеча, до рассвета,
До побудки задир-петухов -
За упрямую душу поэта,
За смертельную дозу стихов.

Дотянись голубым полыханьем
К бездорожью путей неземных,
Где, согрет стеарина дыханьем,
Как дитя, зарождается стих.

Ясным бликом коснувшись портрета,
Освети только главного суть.
У поэта в руке сигарета
Коротка, как земной его путь...

В «Беззапретной дали» поднебесья
Затеряется призрачный след,
Чтобы книгою стать или песней...
Или маркой его сигарет...

*5-го сентября 2006.
Штутгарт - Эссен*

Семейный портрет

Во дворе трава,
На траве дрова.
Скороговорка

У калитки стоит скамейка -
Крепко сбита, видать, скамья...
На скамейке на той - семейка,
Та семейка - моя семья.

Сердце слева - и мама слева.
Справа папа - он прав во всём...
В центре ангел - с горбушкой хлеба
И крахмальным воротничком.

Стародавний снимок, похоже. -
Мне исполнилось ровно пять.
Как давно это было, Боже!

Были живы отец и мать.

Вопреки сквознякам разлуки
Георгины в стекле цветут.
Семиструнной гитары звуки
За столом гостей соберут.

Жизнь мелькнёт лоскутом линиялым.
Скорый мчится, как заводной...
Серп и молот на флаге алом -
Над семьёй и над всей страной...

Крепче надо бы нам обняться,
Чтоб друг друга не растерять
В мире яростном, в веке адском,
Дорогие отец и мать!..

Серп и молот давно на свалке.
Сквозь быльё проросла трава.
...Но страну и семейку жалко...
Жаль скамейку - теперь дрова...

Почерневший от вечных странствий,
Неприкаян, как Вечный жид,
В бесприютном чужом пространстве
Мой крахмальный ангел кружит.

Канджи *

Стою на вершине горы,
а рядом -
холодный и частый,
как искры бенгальских огней,
звездопад.

Вот - на лесной полянке уют.
Одинок - как пророк.
Поклоны бьёт,
головой кивает

* **Канджи** – (кит.) знак Жёлтой реки; человек; иероглиф

и без конца повторяет:
«Уйдёт...
Уйдёт...
Всё уйдёт»

Ручей убегающий!
Тебя не догнать...
И я остаюсь.

Солнца закат
похож на скатившийся со стола
оранжевый апельсин...
Подставляю ладонь.

Две цели
в едином стремлении пересеклись. –
Так рождаются люди...
И, может быть, звёзды.

Уже без тоски
смотрю на гусей,
покидающих озеро...
Мне некуда больше лететь.

Иду по полю ржи –
колосья кланяются в пояс...
Хотя – им поклониться я должна.

Покой над полем...
Лишь облако плывёт – как будто
светящийся в нирване Будда.

Хрустнула льдинка в руке,
неудержимо растаяла
и перестала
быть тайной...

Вот уж который год
не возвращаются ласточки,
свившие гнёзда под крышей
рядом с моим окном...
С тех пор я не знаю,
когда разразится гроза...

ВИКТОРИЯ – ЗНАЧИТ ПОБЕДА*

Посвящается Сосо Буачидзе

Помню, в детстве мне отчаянно хотелось, чтобы побыстрее наступил коммунизм. Бабушка объяснила мне однажды, что при коммунизме все люди станут жить богато и счастливо. И тогда я подумала, как это было бы здорово. Потому что вокруг я видела только нужду и страдание. Просыпаясь по утрам, я первым делом, спрашивала: «Ну что, коммунизм уже наступил?». И каждое утро бабушка отвечала: «Нет, еще не наступил». «Ничего, завтра, - утешала я себя. - Завтра коммунизм победит. Потому что добро всегда побеждает».

Так проходили дни и месяцы. А мне уже было восемь. Надо было что-то предпринимать.

- Чего же мы ждем? - вскричала я одним майским утром, всерьез обидевшись на человечество. - Почему не соберемся все вместе, чтобы построить этот самый коммунизм?!

- Была уже однажды такая попытка, - сказала бабушка и на всякий случай перешла на шепот. - В 1921 году коммунисты выгнали из Тбилиси англо-французские войска. И захватили власть в свои руки. Но, как это часто случается, идея оказалась далеко от реальности. Ленин, а за ним и Сталин, исковеркали саму сущность коммунизма. Их интересовала власть ради власти.

- Значит, надо устроить еще одну революцию, - сказала я.

- Твой дедушка тоже так считал.

- Вот видишь! - возликовала я, гордая собой.

Решения лежат на самой поверхности, надо только видеть их.

- За это его и расстреляли. - безо всякой интонации сказала бабушка.

Я призадумалась.

- Бабушка, Сталин был коммунистом?

- Да.

- А дедушка?

- Тоже.

Какие-то странные вопросы растревожили мое воображение. Взрослый мир пугал меня своей нелогичностью. Конечно, и дома, что дома мне чего-то не договаривают, а в школе - просто лгут. И эта ложь была как ловушка.

- Ну, а сейчас вставай! В двенадцать у тебя экзамен по сольфеджио.

После таинственных разговоров, эти слова звучали особо и не прозаично. Я вздохнула уныло. Скучно жить! Я даже заскрипела зубами. Люди революции делали, в ссылке книги писали, а ты - сиди, учи сольфеджио. Как глупо! Я застонала. Может бабушка наконец поймет и сжалится над моими страданиями. Но бабушка уже не смотрела на меня. Она собирала в папку мои нотные тетради.

Уроки музыки я ненавидела, закономерностей сольфеджио не понимала, да и не пыталась понять. Слух меня явно подводил. «Если на этот раз, я провалюсь на экзамене, - мечтала я, - то они, может быть, перестанут таскать меня на эту треклятую музыку». За окном зашумел дождь, обрушиваясь на металлический подоконник. Я вскочила посмотреть на ливень. Это так замечательно! Зазвенел телефон. Бабушка подняла трубку.

- Да...да...это я, - и вдруг, ее голос задрожал. - Здравствуй, Лелечка!

Я обернулась и увидела, как она изменилась в лице, и это было странно: бабушка человек крайне сдержанный. А потому, увидев ее искаженное лицо, я испугалась. Взрослые думают, что мы, дети, ничего не понимаем в их взрослом мире чувств. Они ошибаются. Мы не сводим с них пристального всепонимающего взгляда. И только из любви к ним делаем вид, что не замечаем, как они плачут или обидевшись поджимают губы.

Я была уверена: это не простой телефонный звонок. За ним стоит какая-то тайна. Бабушка называла имена, которых раньше при мне не упоминала. Но, в то же самое время, и была уверена, что уже слышала их. Может вычитала и учебниках по истории, может в папиных книгах. «Умер, - говорила бабушки в трубку. - Умерла». Мне хотелось спросить: кто эти люди, почему умерли. Но я не спросила. У детей тоже есть свои принципы,

Бабушка молчала весь день. Я на экзамене не провалилась. Колесо страданий продолжало вертеться. Готовить к какому-то загадочному событию меня начали на следующий день. Лица у взрослых были таинственными.

- На праздники к бабушке придет ее давняя приятельница, - сказала мне мама. - Они не виделись почти десять лет.

«Это было еще до моего рождения», - констатировала я.

- Тетя Леля и бабушка... вместе... э-э-э... отбывали в лагере.

Так бы и говорили сразу! Но взрослые любят ходить обходными путями. Улаживать деликатные дела в нашей семье обычно поручали маме. Не думаю, что это ей нравилось.

Во время обеда папа принялся рассказывать о сталинских репрессиях. Мама вспомнила, как тяжело ей жилось после бабушкиного ареста. Ее взяла к себе бабушкина сестра - тетя Анна. Соседи писали на тетю доносы в НКВД. За то, что она «держит в доме дочь врага народа». И каждый раз после вызова в органы, дядя требовал выгнать мою маму вон. Тетя выгнала его. Жить стало еще трудней. Они почти голодали. У тетиной трехлетней дочери появился рахит. Дядя пытался отсудить ребенка.

- Царствие ему небесное. - сказала мама, крестясь. - Очень уж я его ненавидела.

- Совершенно напрасно, - возразила бабушка. - Приютив тебя, он и Анна рисковали своей жизнью.

- Разве он был против коммунистов? - спросила я, пытаюсь прояснить что-то для себя.

- Напротив. Он был коммунистом с 1912 года, - ответила бабушка.

- Вот так система! - вскричала я, вконец возмущившись.

- Не кричи! Тут виноват не коммунизм, а люди, - сказала бабушка строго. - Коммунизм - идея замечательная. Только к власти приходят неподходящие люди.

- Почему? - спросила я.

Мой вопрос повис в тишине. Вообще я заметила, что взрослые затруднялись отвечать даже на самые простые вопросы. Некоторое время слышалось царапанье вилок о тарелки да звон бокалов. Дверь скрипнула, Ганя принесла суповник с сациви. Молча она разлила благоухающую подливу.

- Я все думаю, Наташа, об этой Леле, - вдруг сказала она. - Помнишь, какой красавицей она была?

- Если бы она была уродкой, с ней не произошло бы то, что произошло, - мрачно заметила бабушка.

Это было открытием.. Значит и бабушка попала в лагерь за красоту? Я посмотрела на нее. Глубокие морщины залегли у ее рта и разлетались от глаз. Кожа покрылась пигментными пятнами. А волосы мама помогала ей красить хной. Трудно представить себе бабушку красивой.

Пока я задумчиво тыкала мчади в сациви, бабушка принялась рассказывать про свою приятельницу. Я слушала вполуха, думая о своем. Муж этой Лели был политруком II Грузинской Армии, тогда как мой дедушка был ее командующим. Дедушку и его расстреляли, Лелю и бабушку сослали под Ташкент. Я подумала, что в этой истории есть уязвимые места. Но спрашивать было страшно. Чем больше я узнавала о той жизни, тем страшнее становилось. Я продолжала слушать.

Моей маме повезло, и ее взяла к себе тетя Анна. А детей Лели отдали в интернат. Когда после двадцатилетней ссылки она вернулась в Тбилиси по амнистии 1956 г., то первым делом, принялась искать сыновей. Искала годы по всему Советскому Союзу. Но они не нашлись. Первое время, Леля и бабушка были неразлучны. Потом Леля стала пропадать - на неделю, на месяц. И вот, не давала о себе знать целых десять лет.

История с загадочной Лелей заинтриговала меня так, что несколько дней подряд, я даже перестала задавать свой неизменный вопрос о коммунизме. Инстинкт подсказывал мне, что эта старинная бабушкина приятельница - ключ к разгадке. Надо только набраться терпения и ждать.

Когда, наконец, долгожданный день наступил, я достигла апогея. Впервые военный парад не доставил мне удовольствия. Даже когда командующий армией, появился в кабриолете и произнес в мегафон: «Товарищи военнослужащие, поздравляю вас с праздником победы над гитлеровской Германией!», и рядовые пролаяли: «У-р-ра!», я осталась совершенно равнодушной. Хотя обычно именно этот момент и был самым трогательным для меня. Потому что сорок лет назад вот так же рядовые кричали: «ура» моему дедушке. А он сидел на белом коне: элегантный и холерный, и радостно улыбался. Конечно, праздники были другие.

Но сегодня все было иначе. Сегодня я ждала Лелю. Силком тащила я папу домой. Как назло нам все время встречались папины друзья и сослуживцы. И почему-то всем хотелось рассказать об успехах своих детей, о радикулитах родителей и о своих докторских диссертациях. Я изнемогала.

...Мы добрались до дома и отворили дверь. В квартире пахло пирожками и бульоном. Это мама орудовала на кухне. Из гостиной слышался приглушенный разговор. Не сняв плаща, я бросилась смотреть на гостью. И застыла на пороге. Слова приветствий не шли с языка.

- А вот и она! - сказала бабушка.

И я поняла, что они говорили обо мне.

- Ну, иди, познакомься с Лелей.

Я со страхом приблизилась.

- Совсем как мой Славик, - сказала Леля, качнув головой неестественно вправо и вниз. Ее давно нечесанные волосы были похожи на воробьиное гнездо. И казалось, жила своей собственной, независимой от Лели, жизнью.

- Славик?! - спросила я, потому, что надо было что-нибудь сказать, а что - я не могла придумать.

- Мой младшенький, - объяснила Леля. Ее глаза, вдруг, словно зажглись. - В этом году ему исполнится восемь. Такой послушный мальчик...

Я уже готова была объяснить ей, что ее сыновья потерялись, но тут, заметила, как бабушка делает какие-то знаки глазами, и решила, на всякий случай, промолчать.

- ...почти совсем его не вижу... - лепетала Леля. - Домой боюсь ходить... Наташенька, а что если они опять за мной придут?

- Кто? - спросила я.

- Гэбэшники. - прошептала она доверчиво. - Не могу больше шпалы таскать. Руки к ним прилипают. Отдираешь, а на шпалах - куски мяса.

И она уставилась на свои руки.

- И кровь не идет. Замерзает. Все замерзает. Как не мерзнуть, если на дворе - -50°C .

Я тоже посмотрела на ее руки. На первый взгляд ничего необычного в этих руках не было. Были какие-то рубцы и красные пятна. И у бабушки они были.

- И ты... - прошептала я, но бабушка смотрела на подругу.

- Я думала, он у тебя. Хотела...

- Кто?

- Берия. Он всегда у вас по воскресеньям бывает, - она умоляюще смотрела на бабушку.

- Он придет, - сказала та. - Зашел еще с утра. И Сосо увел с собой. Да ты не бойся, они вернутся. Просто пошли смотреть футбольный матч.

Я хотела закричать им: «Это тот матч, с которого дедушка уже никогда не вернется. Потому, что Берия сам проследил за его арестом. Я знаю! Бабушка описала это в своей книге!». Но бабушка смотрела на меня серьезно. Как на друга, от которого ждут помощи. И я промолчала. Хотя была не согласна с ней.

- Если я его упрошу, а, Наташенька? Если я его упрошу: пусть со мной что хочет делает, а детей и Василия пусть не убивает. Зачем?

И она схватила бабушку за руку.

- Зачем?! Ну смеялась я над ним: все знали, что он - импотент. Все смеялись... ведь правда, все смеялись...

Казалось, что это и было самым важным в ее жизни.

- Да, все смеялись.

Тогда Леля залилась счастливым смехом.

- Ганя! - позвала бабушка. - Принеси нам, пожалуйста, чаю.

Мы сидели за большим ореховым столом и пили чай. Если этот стол раздвинуть, то вокруг него могут усесться человек восемнадцать. Но нас было трое. Мы пили чай и молчали. Вдруг, Леля сказала:

- Помнишь, Наташенька, как мы под Гори остановились? Там, как раз, деревья были свалены. Целые стволы. Конвойные разрешили нам на них посидеть. И мы с тобой на одном бревне черепком вырезали... Подожди, я вспомню. - она закрыла свои выцветшие глаза. - Ты написала: «Жива. Люблю. Наталья Чхаидзе» и дата: 10 мая 1937 года. А я написала: «Отправлены в неизвестном направлении. Дети...» Наташа, а ведь они этого никогда не прочтут!

И заплакала, склонив свою голову-гнездо на аккуратное бабушкино плечо.

Плакала тихо, светло. Ее маленькая белая рука с почти незаметными шрамами комкала цветастый нашейный платок. А бабушка гладила ее по щеке и твердила: «Прочтут, Лелечка! Обязательно прочтут!».

С той ночи, я перестала ждать наступления коммунизма. Не спрашивайте, почему. Просто перестала и все. Навсегда.

Ильдар АХМЕТСАФИН

Любеке

Он приехал из России в Германию в 1994 году. Преподает в музыкальной школе. Лет десять назад начал писать стихи, которые публиковались в российских и германских журналах и альманахах «Башня», «Дальний восток», «Литературный европеец», «Мосты», «Литературный календарь». Является автором нескольких поэтических сборников.

Татьяна Ивлева в своей рецензии на новую книгу Ильдара Ахметсафина «Сердца поплавок», выпущенную в 2007 году во Франкфурте-на-Майне Библиотекой журнала «Литературный европеец», справедливо отмечает у автора одухотворённую метафоричность, поиск своей, незаёмной образности:

Там будем мы глядеть на поле,
На столбик кирхи – отдалённый
И острый, точно карандаш.

Ночь – патлатый цыганёнок,
В ухе – месяца серьга!..

Листва, что битая колода
Карт...

Вот и в корочке строчки –
Раны красный цветок!..

От себя добавлю: может, потому, что душа Ильдара Ахметсафина, по его утверждению, реагирует чутко «на движенье – малейшее – жизни!», он в попытке ухватить и запечатлеть эти малейшие движения иногда жертвует осмыслением и воплощением целого. Стихи его порою клочковаты, шероховаты, что, впрочем, не вредит лучшим из них, побуждая привыкшего к гладкописи читателя притормозить, задержаться глазом на той или иной непривычной детали...

Июнь. Неделя первого покоса!
В заречье запах вяленой травы.
Цветы бегут с весельем по откосам,
И солнце на верхушке синевы...

И жаворонки мелко сыплют ноты
В раскрытую ладонь моей души.
А на губах солёный привкус пота,
И срезанные строки хороши!

Вот и скошен ромашковый луг, пахнет сеном.
Точно негры, черны пастухи.
Вот и летушку-лету каюк! И полено
Золотистого солнышка жжёт лопухи,
Но не выпьет до доньшка реченьку-речку,
То бишь будет ещё веселей!
Вот и ласточка-пулька да кузя-кузнечик –
В ювелирной кольчуге своей!

А вслед удушливой жары –
Свеж, резок, в ре-диез мажоре,
Прозрачной музыкой звеня,
Журча асфальта жирной кожей,
Гремя по жести жёсткой дрожью, –
Джаз долгожданного дождя!

Дождь

Дождь бил наотмашь, он лупил,
Он разогнал всех по подъездам,
Он женщину одну любил,
И кто-то был у ней проездом.
Он с грохотом срывался с крыш,
С дрожащей шпагой, бледнолицый,
Он у последней был черты...
Чудак, поэт, самоубийца.

Вечером ранним
Осени поздней -
Будто на грани -
Странно. Тревожно.

Ржавчиной сосен,
Солнцем над пашней
Завтрашний ответ
Или вчерашний?

И иду я - дурачок.
Лес сосновый да еловый.
Пал, что голубь на плечо,
Красный острый лист кленовый.

Сердце счастья не оценит,
Всё страданиями полно.
Мышь тихо цепенеет,
Золотое точит дно.

Пляшет осень в сарафане.
Невесёлые частушки.
В туче, словно в саркофаге,
Солнце едет вдоль опушки,
Леса, пашни, околотка...
Я и сам сейчас, кажись,
Заору осевшей глоткой:
«Здравствуй, прожитая жизнь!»

...снег выпадет:
Галки с перепугу -
Сорвутся,
Закрутят такое сальто -
Над пустырём,
Точно чёрная вьюга!

Заслышав шорох снега в поле,
Закрыв глаза идти навстречу,
Навстречу белому заречью
С предсмертным в горле...
А там сороки бьют картечью
И крылья лебедя над речкой.

На ладони твоей руки
стебельком поднимается линия Солнца,
потому-то и сыпешь тихонько лучи,
и когда ты грустишь,
и когда ты смеёшься...

Kirmes

Приодеться, прошвырнуться,
Заодно полакомиться
Кружкой пива с рыбкой в тесте
Да орешком в сахаре.
Да залезть на Riesenrad -
Поглазеть немножко,
Как немецкий городок
Пляшет под гармошку
Черепичных рыжих крыш
В кнопочках-окошках!

Я как-то козырнул стишком
Про дядю Колю, что под мухой трошки.
А он вот нынче бабочек сачком
Гоняет по заоблачной дорожке.

В две тыщи пятом - год как в отпуску!
А под забором - бабы голосистей -
Орёт своё советское «ку-ку»
Россия. Самогонщица. Убийца.

Вот оно – слово,
Русское слово.
Слово с весёлой болью
Жизни потешной моей!
Мне оно, словно...

Белое золото снега,
Воздуха серебро...
Родина, полная света,
Мне разбивает окно!

Глаз на ней стопорят
Мужички втихомолку.
У неё, говорят,
В женихах полпосёлка.

Напрошусь на ночлег,
А для пущей бравады
Прихвачу лёгкий снег
И тоску листопада.

Среди ночи проснусь:
Рядом – матово-белым
Будет пиковый туз
Её голого тела!

Вся душа,
словно памятник зодчества,
опустела,
окаменела.
Ты прости мне своё одиночество,
ты, что справа,
и ты,
что слева.

Ель в десять юбочек -
Китайской башенкой.
Парк, точно рукопись.
Дождь - математик.

А ты - само желание -
За рамки, мерки, метки!
Тебя не угадаешь.
Ты - шарик на рулетке.

Даже словом «любовь»
Мне не выразить, как ты близка.
Между мной и тобой
Не поместится эта строка.

Соломон ЯГОДКИН

Штутгарт

Известный фотохудожник Алексей Кузнецов, он же Соломон Ягодкин - автор иронических фраз. На счету Соломона несколько книг. Не останавливаясь на достигнутом, он подготовил новую, руководствуясь своим же принципом: «Иногда так хочется пошутить, что хоть волком вой, ну и шутишь, чтобы окончательно не озвереть...»

Перед вами, дорогие читатели, избранное из ненапечатанного или, говоря красиво, эксклюзив.

ПАПУАСЫ И МАМУАСЫ

НЕ ТЫРЬ ЯБЛОКИ...

«История Человечества» - Краткий курс: «Не тырь яблоки...»

В своей первобытности не сомневался, ему все говорили, что он - подлинное дитя Природы!..

После того, как китайцы изобрели порох, они стали усиленно размножаться, так как солдат с каждым годом требовалось всё больше и больше...

Встретились два мнения - Ошибочное и Безошибочное. Безошибочное поехало дальше, а Ошибочное поплелось своей дорогой...

Над пустыней гордо развевалось знамя Прогресса...

ЧЕМ ИМПЕРИСТЕЕ ИМПЕРИЯ...

Во имя Свободы убивать можно только себя, а иначе свобода какая-то убийственная получается...

Русские не хотели войны, но их никто не спрашивал...

Если пушки производят, значит они должны стрелять, а иначе экономика так никогда и не станет экономной...

Цель не оправдала средства, и ее заменили, а средства - списали...

Патриоты Волги! Очистим ее священные воды от инородных притоков!..

Если война превращается в источник доходов, наиболее удачливых надо отправлять на фронт...

Главное - раздобыть Вождя, а Народ всегда найдется...

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ...

Пока копила на шубу, зима уже закончилась, а шуба только началась...

Пришла пора, и он тоже, как и все, стал потомственным дворянином...

Господ нет-с, они ещё со смены не вернулись...

Я бутылку не возьму, чьи-то детишки без молока останутся, ибо все мы плывём в одной лодке, только вёсла у нас разные...

Никогда не покупайте ничего бесплатно, наверняка обманут, а уж сдачу точно не дадут...

Человек что пружина, сначала его не согнуть, а потом - не разогнуть...

Никакое государство не может долго быть демократичным, мышцы затекают...

Никогда не мешайте людям делать вам добро, а то у них может плохо получиться...

КУПИТЕ МАШИНУ

Парадокс человека в том, что человеком он рождается, но, в отличие от братьев наших меньших, далеко не всегда им становится...

Иные настолько заняты, что им просто некогда быть людьми, всё дела да дела...

Вера живёт в душе человека, а религия обретается в его желудке, так что они почти что соседи...

Не убивать можно и без веры в Бога, и он за это не то что не обидится, а совсем даже наоборот...

Деньги без религии ещё можно себе представить, а вот религию без денег - ну никак, хотя и хотелось бы очень...

МИЛОК, ЭТО ПАРИЖ?

Если на ваш вопрос: «Милок, это Париж?» вам отвечают: «Ага, это Париж!», значит, что это - действительно, Париж...

В сказке добро всегда побеждает зло, но на то она и сказка, а иначе бы это была самая что ни на есть гнусная быль...

Можно всё возносить, можно всё поносить, а можно и хоть что-то понимать, так что выбор есть всегда...

Не все такие умные, как некоторые, которые всё никак не могут этого понять...

В этом мире всё не по-человечески: животные - в клетках, а те, кто их туда посадил - на свободе...

Почему-то одним - всё, а другим - всё остальное, и ещё за всё это изволь платить...

С умными вечная напряжёнка: их всегда меньше, чем нужно, и больше, чем можно...

На человечество обижаться не стоит, ему и так достаётся от нас, от людей...

МЫСЛИ ГНЕТУТ МЕНЯ...

Мысли гнетут меня, одна глубже другой...

Остановился у окна и вижу: внизу - помойка, наверху - Космос...

Я никогда ничего не говорю до конца, потому что конец - это всегда так печально...

Я часто бываю свидетелем того, как люди сообща дурью маются, но как люди могут вместе думать - этого я понять ну никак не могу!..

То, что я хочу сказать, я и так прекрасно знаю, мне здесь всё написали...

Чем больше размышляешь о Вечности, тем скорее она наступает, причём всегда в самый неподходящий момент...

Если я кого-то повторил, разрешаю повторить это обратно...

СЕРЖАНТ ШОВЕН И ЕГО ДЕТИ...

Первыми шовинистами были ещё пещерные люди, они же ими и остались...

Когда вижу озверелые лица, я уже знаю заранее: сейчас будут говорить о благе Народа...

Был у древних знак Солнца, но однажды ничтожество прикоснулось к нему, знак остался, а Солнца не стало...

Если пройтись по всем пивнухам, можно наскрести не одну политическую партию, опыт имеется, и немалый...

Если ефрейтора вовремя не сделать унтер-офицером, он может стать Генералиссимусом...

Для туриста из Папуа и парижанин - туземец...

По национальности был еврей, а по убеждениям - и того хуже...

«Протоколы сионских мудрецов» им, видите ли, не нравятся... А что, «Протоколы сионских дураков» были бы лучше?..

Люди не могли бы додуматься до Освенцимов и Гулагов, это были кто-то другие...

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ В ТРАМВАЕ...

Трамвайный антисемитизм - это ещё не фашизм, но маршрут выбран верный...

Им настолько внушили, что они - лучше всех, что они в это искренне поверили, но от этого лучше не стали...

Жлобы напрасно думают, что нежлобы - не люди, нежлобы - тоже люди, хотя и не жлобы...

Коричневые могут быть любого цвета, в том числе и красного, например, «красные кхмеры»...

Чтобы стать фашистом, совсем необязательно им называться, вполне достаточно фашистом быть...

Где народ, там всегда и инородцы, и их надо только вовремя отцедить и обезвредить, а вот то, что в ведёрке на самом дне остаётся, это и будет Народ!..

Когда разрешили просто так убивать, это оказалось так просто!..

Незнание своей Истории не освобождает от стыда за неё...

ПАПУАСЫ И МАМУАСЫ

Всё, что ни происходит, происходит или по воле Всевышнего, или по просьбе трудящихся...

Даже в нас с вами дурости хватает, а что же говорить обо всех остальных?..

Не умеешь делать добро - будь лентяем...

Выше головы прыгать не надо, иначе она окажется где-то там, внизу, а это явно не её место...

Если вы перейдёте на молоко, у вас будет больше оставаться на водку...

Если ткачиха повышает надои, изобилие считай что уже в кармане...

Если всё хорошо, то тогда и никаких вопросов, а когда никаких вопросов, то и отвечать на них - одно удовольствие...

Если вы убедились, что смеются не над вами, пускай себе смеются, значит людям весело, и это - хорошо...

Все мы когда-то становимся папуасами и мамуасами, но для этого нам надо сначала встретиться и друг другу улыбнуться...

СЕГОДНЯ ЧЕТВЕРГ...

Человек прекрасен главным образом как идея...

Не надо стесняться своего животного происхождения, надо стыдиться своего животного продолжения...

Если плохой человек хорошо воспитан, он лицемер, а если хороший человек плохо воспитан, он - демократ...

Эмансипация дошла до того, что все люди стали сёстрами...

Когда всё индивидуальное становится массовым, прогресс Человечества идет вперёд, а само Человечество - назад...

Я не верю в деньги, но всё же я не настолько атеист, чтобы их не любить...

Чем закончился прогресс Человечества, никто так и не узнал...

СКАЗКА О НАРОДЕ

Народ - это Лев Толстой, а всё остальное, в лучшем случае - его ленивые и неблагодарные читатели...

Если идеи нуждаются в «сильной руке», значит это - несильные идеи...

Казалось бы, уже по-хорошему и договорились, но тут завезли патроны...

С народом будьте просты, но не до такой степени, чтобы народ забывался, ему же потом хуже будет, когда полезет обратно на свой шесток...

Народ корми - не корми, он всё едино есть просит, значит выгоднее - не кормить...

Сжигают одного, а тепло - многим...

Без людей, что делать, не бывает и Народа, хотя такие попытки уже делались, и не раз...

СЛАБ ЧЕЛОВЕК...

Слаб человек, а то бы он ещё и не такое наворотил...

Хочешь думать о людях только хорошее, а они постоянно тебя поправляют, что это не так...

Это бездарь прекрасно вписывается куда угодно, а талант, он мешает всем, так что всё в наших руках, чтобы никто и никогда нам не мешал...

Ладно, не ведать страха, но не ведать сомнений, это уже патология вдвойне, хотя чего бояться, если ты всегда прав...

Лев Толстой всей душой ненавидел Власть и Государство, хотя как граф, должен был бы всей душой их любить, значит, плохой он был граф...

Если сегодня государству не нужны художники и поэты, значит, завтра никому не нужно будет такое вот государство...

Единица измерения Человечества всё-таки не народ, не класс, а всё тот же маленький, щупленький человечек, а то ошибки в расчётах пойдут с самого их начала и дойдут до самого их конца...

ТАНТАЛОВЫЕ МУКИ

Танталовы муки: у соседа есть, а мне – не надо...

Попробуйте объяснить человеку, что он неправ, а я посмотрю...

Ну купишь, ну съешь, потом опять купишь, потом опять съешь, и так всю жизнь? А где борьба? Где поэзия?..

Я теперь понимаю извечную любовь Власти к простому человеку: чем проще человек, тем проще о нём заботиться...

Чем богаче люди, тем больше недовольны они жизнью, даже не знаю, как им и помочь...

Я не знаю, какое животное самое умное, но зато я знаю точно, какое животное – самое принципиальное...

Кто как, а я голосую за корову, у неё глаза добрые...

У каждого из нас в жизни есть и свои взлёты, и свои падения, надо только не перепутать, где что...

ТРИ ГОЛОВЫ – ХОРОШО...

Обнимались как на рекламе, целовались как в фильмах... Почему же дети такие?..

Грязные мысли – грязные слова, а иначе был бы нужен ещё и переводчик...

«Летучий Голландец» прошёл по графе «Неучтённые объекты»...

Небо было такое синее, как будто бы у него не было никаких других забот...

Гости сидели важные, как абажуры...

- Три головы хорошо, а две лучше... – подумала каждая из оставшихся голов Змея Горыныча...

По настоянию родственников Люцифера крестили, но получилось чёрти что...

Очень нехороший человек – нехороший человек – не очень хороший человек – хороший человек – очень хороший человек... Зазнался, пришлось всё начинать сначала...

Евгений КАГАН
Дортмунд

Казалось бы, где он уже – этот пресловутый, Миллениум?..

Когда на второй день нового тысячелетия почему-то не случился предрекаемый конец света, все, с облегчением вздохнув, быстренько забыли и о несбывшихся предупреждениях провидцев, и о самом Миллениуме. Все, кроме, пожалуй, поэтов. Как заметил живущий в Вуппертале, известный бард Владимир Туриянский: «Умер век, но его отголоски, нам покажут ещё, что по чём». Уже показывают, увь... Может, потому поэт из Дортмунда Евгений Каган, написавший в своё время единственные в его жизни «датские стихи» на эту тему, снова вспомнил о Миллениуме в конце уходящего, наполненного рецессиями, кризисами, инфляциями, дефляциями и прочими ужасами 2008 года?! Жанр и того давнего, и нового стихотворения поэт обозначил как «шутка». Ну-ну...

ПОЗВОНОЧНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, или НОВОСТИ ТЕХНИКИ:

шутка с элементами анатомии и физиологии

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

И еще набухнут почки.
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

О. Мандельштам «ВЕК»

К 2000 году все компьютеры должны были поменять, по крайней мере частично, своё программное обеспечение (поскольку датировка их работы была принципиально рассчитана и заложена на функционирование в XX веке; точнее – именно до 2000 года).

Склеить позвонки тысячелетий
дисками компьютерных программ
в неизбывных гулах междометий
не предвидел даже Мандельштам.

И однако мудрому совету
не преминул внять больной эфир:
всё-таки должно случиться это
при посредстве иностранных фирм.

В век глобализаций и эрзацев
шмон тысячелетий на носу.
Каждый мнит, вестимо, «отвязаться»
благо – есть на хлеб и колбасу.

Только рядом подаянья кто-то просит;
кто-то стонет – инфицированный «ВИЧ».
Как нам с этим быть, почтенный Осип,
уважаемый, родной Эмильевич?

Первый человечеству «звоночек» –
век двадцатый – на исходе дней!
У тысячелетий позвоночник
должен быть значительно мощней.

Может, и «пружинки» в виде «чипов»
строят этот позвоночный столб.
Словно Рамазан (Абдулатипов?)¹
держит натиск разъярённых толп...

Пусть он будет не «зверино-гибким» --
эластичен должен быть хребет,
чтоб людскою доброю улыбкой
сообщать прощенье и привет.

Ноябрь 1998

¹Рамазан Абдулатипов – видный российский политический и общественный деятель и учёный, занимающийся, в частности, проблематикой межнациональных и межконфессиональных отношений. Был министром национальностей России, главой соответствующих комиссий в российском парламенте Представитель солнечного Дагестана.

Имя Рамазан в мусульманской традиции связывается с мифологическим персонажем – символом героизма и воительской справедливости.

**НАПЕРЕГОНКИ, или «КТО – КОГО?!»: ВАЖНЫЕ ВЕЩИ.
ПРЕДНОВОМНОГОГОДНЯЯ и ПРЕМНОГОРОЖДЕСТВЕНСКАЯ
СКАЗКА-ШУТКА-МИРООЩУЩЕНИЕ**

(«Отголосок Миллениума», или «РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПИРОГ». Из цикла:
"Вкусные стихи")

Посвящается светлой памяти Андрея Арсеньевича Тарковского

Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?

...Ты вечности заложник

У времени в плену.

Борис Пастернак

- Ну и как вы собираетесь проводить время в Третьем тысячелетии?

- Преимущественно - в гробу...

Из интервью в преддверии Миллениума

1

...И вот настала вновь зима.

На фоне долгого письма
напоминает жизнь сама:
пора задуматься о ЛЕТЕ...

Там, - впереди, - тысячелетье?..

Обозреваю - не весьма!

...Хотя б - о СТИКСЕ. В лоно Рек
войти заведомо несложно
не-членам всех масонских лож;
но:
хоть полотно и непреложно, -
Тулуз-Потрек... не - велотрек.

Собака ль, кошка ль, человек, -
а всё быстрее мчится время.
Живём мы в 21-й век:
на треке - он (в его дворе - мы!).

И - всё быстрее мчится время -
внутри! - отмеренного века.

Не только бедного еврея
оно догонит, - имярека.

...Я - как военный самолёт
в радаре тепловой ловушки.
И - обязательно! - собьёт
меня ракета. Я - на мушке.

...Да, - как военный самолёт.
Хоть мало знаю я про это.
Но - всё равно ведь, - всё равно! -
ах! - всё равно - найдёт! - ракета.

...Я - как военный самолёт?
А может, - ровно Кушнарёв?² -
в кольце охотников на лоне
природы, - враг ли достаёт
иль дура-пуля, рок-шнурок
(стенокардии кувырок);
"жизнь" - в пломбированном вагоне;
РАЗУДУХУТВАРЁННЫЙ³ - прок;
шип в презентованной короне?..

Я - оптимист! Но... до ста лет, -
а то: вперёд на лет пяток
(не то - иной похожий срок), -
со сменой масок, вех и тог, -
и это всё - не паранойя! -
неукоснительно - догонят
(хотя: не всё! - произойдёт!):
петля, берданка ль, пистолет,
канцероген ли поролон,
соседский - бешеный ли? - дог;
Кот Бегемот или Фгагот;
смертельной страсти ли - курок;
невосполняемый урон;
неисправляемый урок;

² Кушнарёв Евгений Петрович (1951 - 2007) - игравший весьма активную и значительную роль во внутренней политике страны видный и авторитетный украинский политический и общественный деятель, депутат Верховной Рады, бывший глава президентской администрации (при президенте Л.Кучме), неоднократно глава г.Харькова, в последние годы - близкий соратник и попутчик Виктора Ф.Януковича, - смертельно раненный друзьями-соратниками-депутатами на охоте (официальная версия: несчастный случай).

³ РАЗУДУХУТВАРЁННЫЙ = *разодухотворённый* плюс... всё остальное.

а может, - и "тоска по Родине", -
какую - не загонишь в стойло, -
вообрази себе, милос
(да - нарисуй портрет, дружок)...

А - ностальгия - "вне закона" -
и - "просто неблагопристойна", -
поскольку... вовсе не посконна, -
любовь - равно: как - не Платона, -
не плебса, люмпена, планктона...
Её и - поминать! - не стоило -
при жёстком дефиците строк.

...Итак, - нас фатумы догонят,
свернув резьбы-судьбы виток, -
скрутив спиралей всех моток
в столь предсказуемый итог -
безжизненный бараний рог!

А лучше бы - хоть в сена стог!

Иль человек (уж - не игрок! -
вчера сновавший здесь челнок;
но... - "всё-таки"!..), - когда он сдох, -
чего-то нового исток?

Аж - обретаешься в иконах;
да - от икон - уводит рок!

(Засим на этом лохотроне -
не жребий! - суть. Суть - эпилог).

2

...Когда студенты, - славя Б-га,
зимой осилили семестр, -
всех поздравляют с Новым годом.
В Европе празднуют... „Сильвестр“⁴.

4

Практически только так реально и называют Новый год в Германии, Франции — в связи с «ночью св.Сильвестра» и в рамках сложившейся (и имеющей в истории, конечно же, религиозное, главным образом, происхождение, но и - полностью сохраняющей своё соответствующее значение), - традиции...

При сравнении с размахом и масштабом как подготовки, так и непосредственно - проведения - самих торжеств как таковых при праздновании соответственно Рождества и "Сильвестра" - Нового года (и всё это - как на государственном/общественном, так и на сугубо частном, - уровнях), быстро, - хотя и с некоторым, поначалу,

"Угодник" наш - их Николаус.
Наш Дед Мороз - их Санта-Клаус.
Одно лицо? - в одном районе? -
в своей Лапландии - на троне;
где почва - сахар, соль, творог?..

Да... кто ж? - в Отечестве! - пророк?!..

И здесь - без северных тревог,
вдали от собственных берлог -
через долготный лаг и лог -
предновогодья - свой! - порог.

...Где Николауса - пролог,
и - Санта-Клауса залог, -
не яд? - рождественский пирог?

В войне "холодной" - снег - намок! -
и - то ли выпал, то ли - "слёг":
кипит (где всё - кишит!), да - стонет, -
как будто песто⁵, - в минестроне⁶, -
как бы, не снег уже, а... смог,
что - сохранить себя не смог!

"Сильвестр" здесь тоже занемог
в упадочническом уклоне;
в юнНАТОВском полунаклоне
Пизанской башни (не - колонны!);
в УГОДНИЧЕСКОМ НЕБОСКЛОНЕ -
прониколаусском настрое

недоумением вследствие разной специфики соотношения упомянутых праздников в традиции (по крайней мере, - на протяжении большей части, например, минувшего века), с одной стороны, - своих собственных, с другой же - именно "местных" (европейских, западных) - культур, - убеждаешься, насколько превалирует здесь, "в Европе" (во Франции, Германии, Великобритании и т.д.), "удельный вес" как раз первого из этих двух праздников. Кульминационный пункт последнего, кстати (что, - как представляется, - по-своему, безусловно, небезынтересно), - у французов и, особенно, немцев - 24-е, тогда как у англичан - 25-е декабря.

Вышеупомянутое же доминирование составляет в этом отношении явственное отличие ("в целом", разумеется), - от России, Украины, Белоруссии и т.д., - т.е. так называемого "постсоветского пространства". Здесь, как кажется, ситуация со значением этих праздников, в свою очередь, пока - всё ещё! - скорее, обратная; а может быть, - ещё и долго будет такой оставаться...

⁵ Одна из разновидностей великолепных итальянских соусов. В основном, грязно-зелёного цвета. Добавляется, в том числе, и - в минестроне (см. ниже) в процессе приготовления последнего. Весьма любопытно напомнить в этой связи и в данном контексте также и о том, что по-немецки Pest (чит.: пест) - чума.

⁶ Блюдо итальянской кухни, - лёгкий суп из сезонных овощей, зачастую с добавлением пасты, риса, соуса "песто".

(что - в Кёльне, что - в одеколоне!) -
экуменической колонии.

Граница - снова: как - замóк!

...Не у Снегурочкиных ног;
ни - у Снегурочки на лоне! -
Морозу... - траурный венок, -
будь он хоть сам Сильвестр Сталлоне!!!

А посему - под карк вороний -
ожив от ЁЛКИХ благовоний, -
опять позвал куда-то рог, -
пусть не бараний, так - олений
(чай, - тот был - Сталин, этот - Ленин,
со штаб-квартирой в Мавзолее), -
и - посреди антимиров,
чревовещающая, как Бобок,
завлёк, завихрил, уволок,
но - отвратил! - от вящей лени.

Я в мазохистике дорог -
от западных дождей промок
и - проективных построений,
в чьих кредо... души... устарели
(и... где-то... до ста стоят... евро)⁷ -
вернулся в дом непосторонний
за переправой паромной;
украдкой бросил взгляд нескромный, -
и... отвести его не мог:
и - там... рождественский пирог!
Ещё какой! Такой огромный!

...И - будто шанс свой подстерёг, -
но - не приемля грубой схемы, -
соединив болты и клеммы, -
сказал Сознания Поток,
отринув рой смурных морок:
"Как род литературных премий

вне межконфессиональных прений, -
употребляй всё без проблемы, -
употребляй светло и смело:
он - твой общественный паёк!

Как представители богемы,
богема ведь не есть: "порок", -
так - сэкономим до ста рэ мы,
а заодно, хоть и вне темы
(что? - спиричуэлсы-Гарлемы?!), -
под чтение оды и поэмы -
зачем нам страхи да Големы?! -
тем скоротаем вечерок;
да - так и будем делать впрок!

...Так - что? - имеем на столе мы? -
помимо догмы и дилеммы
на месте путеводной геммы:
не - чипы, Чопы, да Унгены;⁸
не слёзы Крокодила Гены, -
в ней - отражались - Вифлеемы!..

...От них остались, - как агенты! -
не только мифы да легенды:

имеем! - на ладони! - гены!⁹

Пусть выявляют их рентгены! -

не застоится! - крепкий грог!

Держись! - рождественский пирог!

...А - свой ли стол; на стороне ли
(гляди: креветки вон - гарнели!);

8

Чоп, Унгены - знаменитые пограничные пункты и станции, на которых всегда - особенно же в советское время - осуществлялся известный во всём мире специфической своей скрупулёзностью (за)предельно жёсткий пограничный и таможенный контроль...

9

Для всех наиболее подозрительных и особо нуждающихся (с каждой из - всех! - имеющихся или возможных! - т.е. собирающихся иметься! - сторон!) автор специально и сознательно напоминает, что речь идёт здесь в данном случае как бы о Рождестве, т.е. пока что - о рождении, а не смерти и/или Вознесении (не о Пасхе, стало быть!)... И - хотя тема, - тем самым, - в том числе и детская! - но это-то как раз к столу не имеет ни малейшего отношения!.. (Как, впрочем, и в контексте Пасхи не должна бы иметь ни малейшего отношения равным образом...).

да: отчего? – висят?! – гантели? –
и, наконец: "Мы – кто?"; "Мы – те ли?"
(засим идут мифологемы!) –
не говоря уже про: "Где мы?" –
смекнут! – как Дарреллы и Брэмы! –
скорее, – Брэдбери да Лемы!

Но – к ёмкой форме теоремы –
сведёт... ну, разве, – некролог..."

И тут последовал... пинок.
Поток сознания — примолк.
Листву прибрежную — одело.
...Лишь ненароком взял я в толк:
то — Святополк. Снимался полк.
Бальзам прогорк. Заныло тело.
Лёг синячком на кожи шёлк
невнятный говор. Говорок.
Такой приятный тенорок:
«В Европе плавится сырок!»...
Тебя, мол, я предостерёг,
да от беды не уберёг.
Не хватит всем сестрам серёг, –
«законнорожденный» сынок
("Россия, мол, я Твой сынок!..")¹⁰—
иль — приблудившийся щенок
о паре рук и паре ног?..

«...Лишь знай: включён беды станок!
Как мой початый котелок, —
Европы плавленный сырок, —
не эфемерен — "мотылёк", —
безбрежна впредь беды система...

И — разделяя весь твой шок, —

10

Реминисценция одной из принципиальных строк одного из небезыntenесных стихотворений («Русь») Феликса Зигельбаума из г. Бад Эмс, Германия... В связи с относительно небольшим объёмом этого произведения считаем необходимым привести его здесь целиком: – для создания у читателя более ясного представления, о чём, бишь, сыр-бор, и с согласия и разрешения автора (а также с сохранностью орфографии и пунктуации последнего: см., например, <http://stihi.ru/2008/07/01/563>):

"Это я.., Моя Русь! У плетня Серый гусь, Тонкий блин, Хлеб ржаной И графин (Без одной...)! Я к тебе, Вальс берёз, Сонм в избе Русых кос, И баян, И дудак, Долгих бань Белый мрак! Я люблю! Я горжусь! Русь моя! Дух мой — Русь!.. Островок тополей, Я сынок твой, Еврей!" (Феликс Зигельбаум, «Русь»).

когда: ни — слово, и — ни: дело
(у многих есть такой грешок), —
кота не прячу я в мешок...

...Так — выпьем же на посошок! —
наслав молдавский танец "Жок"
(он сделал в сторону прыжок)
на вероятность беспредела:
они сотрут нас в порошок!

И — надоело! Наболело!..»

Кто? - полтергейст или Бобок;
ПИНОКкио или Видок -
в иные сферы перешёл -
границы смысла пересёк?..
Наш Колобок иль — Азazelло? -
кого? - кто? - ловит на крючок? -
не Сатана ведь и не Б-г
(ну... разве... - так какой божок?..), -
ты - знаешь ли ответ, дружок?

Мозгами пораскинь чуток...
Вот - Западной Двины приток.
По эту Польшу - Бялосток...

...И - озарение, - как ток:
на Запад гонит пусть Восток,
оставя Грозный и Моздок!..

...Там, в броне, - спрятался мосток...
Всего полдюжины постов, -
и ты, - последний из послов
незатухающих костров, -
сквозь дебри буков, букв и слов
(не говоря о джунглях строф), -
прибился к стае оголтело!..

Люблю! - Росток я и Ростов!
Вези туда меня, браток!
Люблю Ростов я и Росток!
Возьми меня туда, браток,
туда свези меня, браток,

доставь меня туда, браток,
переведи меня, брателло!..

...Засим стал слог его высок,
и всё стучала кровь в висок,
и всё стекал с берёзы сок,
и всё текла вода в песок...

А вы: «рождественский пирог»...

... Да и поляна - опустела.

Сегодня - это: Мезозой...

Но - осеняемый звездой, -
продукт - и вправду! - был рождён, -
мукóй, и мýкой, и - трудом, -
в не иссякающем горниле -
с огнём, горевшим и на Ниле
под нескончаемым дождём.

А... нет ли в пироге ванили?!..

Пирог рождён, сопровожждён ...

Кто не голоден... подождём.

Свернись - калачиком. Ужом...

...Но тут по хэнди позвонили,
ввернув злорадное: «Ужо!
Тебя мы ставим под ружьё».

3.

Окэй!.. Два раза не войти
стихом в одну и ту же реку!
И - как бы - с рифмой по пути
под самолётные винты, -
вступая с техникой в интим
речитатива взаперти, -
тебе, себе ли - имяреку, -
чего-то не накукарекать:

и так - вне поприща идей, -
а ведь они - помочь! - могли бы! -
хоть Дед Мороз - не прохиндей, -
до половины всех людей -
не только - буши да талибы, -
больны подспудно тяжким гриппом, -
диагноз ставят наугад
и переносят - на ногах! -
уразумев отнюдь не сразу,
какую вирус-наногад
несёт им страшную заразу;

не говоря об остальных
(мы действий, в сущности, и ждём — их!) -
безвинно - ими - осуждённых;
хоть так вопрос и не стоит!

А надвигается - майн готт! -
и Старый русский Новый год,
где собирается народ
к по-эту- - и: потусторонний;
хоть: не - Флагот да Бегемот!

Там - недалёт, здесь - перелёт...

Все хорошо! Наш путь - далёк!

Писатель-то - как раз - не лох, -
в преддверьях - дат и Тат-агонии!..

В печи - мерцает огонёк.
В камине - тлеет уголёк.

Мудры - дельфин и осьминог.

Но... могут не простить иронии.

А потому - хорош! - хохмить!
Мистифицировать - негоже!

Военный самолёт - как мы! -
в пике да небе Колымы:

"не зарекайся от сумы,
ангаров плоских да - тюрьмы!"

Ракета ж... всё равно - догонит! -
среди повседневной кутерьмы.

"Живём мы в 21-й век"...

А впрочем, - что я задолдонил?

Ведь видно всё - как на ладони
(да и - знакомо всё до боли):

пусть имярека век догонит!

ЕГО! - ДОГОНИТ! - ИМЯРЕК!

27 сентября; 7-27 декабря 2008.
Дортмунд

Наталья Хаткина
ВОЛХВЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Когда из хвой и мандаринной корки замесит время запах Рождества, мы все - из-за угла, нет, из-за шторы, нет, прямо на пороге! - ждем волхва. И, карту будня снежной кистью смазав, как школьники в каникулы - гурьбой, сюжетики для святочных рассказов уже галдят в мозгу наперебой.

1. САПОГИ

Томим надеждою, что святки хоть немножко родительское сердце умячат, мальчишка просит подарить щеночка, пускай дворняжку, - то есть без затрат. «Какой щенок?! - в ответ рыдает мать. - Я третий год коплю на сапоги!» В расчете сумму нужную набрать пацан уходит в ночь колядовать. Метет метель и не видать ни зги.

За три часа набрал рублей пятнадцать, пора, пожалуй, к мамке возвращаться, и нету сил уже для новой пробы... Вдруг чей-то плач услышал из сугроба. Щенок! Щенок! Или, скорее, крыса: розовоглазый, белый, полупысый, сопит за пазухой, обласкан и угрет, ведь он же пропадет, не скажет мамка «нет!».

Еще в одну квартиру – и домой. Там новый русский, говорят, крутой. Из-за двери несется крик: «Холера! Кому в питомнике купил я бультерьера? Такие бабки! Потерял, урод! Вот пусть идет, пусть ищет, пусть найдет!» Сынок крутого смотрит в потолок. Вдруг – на пороге гость, за пазухой – щенок...

Об остальном вы догадались сами: торгует новый русский сапогами, и вся квартира в этих сапогах, одну из пар приносит мальчик маме, она, ночной свой памятуя страх, являя милосердие и отвагу, в дом разрешает привести дворнягу, и та, изгваздав лапами постель, грызет исподтишка рождественскую ель.

2. БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ

Вот инженер – три года без зарплаты – нашел себе халтуру в фирме «Свято», с мешком и в красной шубе – Дед-Мороз! – с утра звонит в намеченные двери, ну, типа, всем подарки я принес. Соскакивает на ходу с трамвая, детдомовское детство вспоминая, мол, кто его мамаша, кто отец, и где затерян брат его близнец...

И входит в дверь, и раздает подарки, и пропускает праздничные чарки и торта обязательный кусок, как будто бы наестся можно впрок.

Заказ последний. Новорусский дом. Луи Каторз, и шик, и позолота. У Дед-Мороза, как назло, икота, и текст забыл, и на ногах – с трудом. Какой позор! В испуге плачут дети. Жена шипит, что он за все ответит, хозяин ржет – знать, добрый и простой. А Дед-Мороз садится прямо на пол, который мокрой шубой весь закапал, и слезы вытирает бородой.

– Сбрось бороденку и умой-ка рожу... Пстой, пстой! Да мы с тобой похожи! Ты не детдомовский? – и в зеркало глядят, и крепко обнимает брата брат.

Об остальном вы догадались сами: был бедный Дед-Мороз снабжен деньгами, обучен жизни и приставлен к делу... Теперь глядит он в будущее смело, не говоря о том, что оба брата с тех пор вдвоем владеют фирмой «Свято».

3. «ПРИДИ В МОИ ОБЪЯТЬЯ!»

Не то чтобы совсем на чердаке, в каморке тесной пятого этажа художник – бедный не для эпатажа – живет, но жизнь его на волоске. Свет отключен, а также отопление, и напрочь отключилось вдохновение, и веры нет, что ждет его подъем. Он жизнь свою готовится неловко снять с волоска, подвесить на веревку и так себя поздравить с Рождеством.

Уже ногами влез на табуретку (ах, если б на прощанье сигаретку!) и вспомнил лик ушедшей в ночь жены. Художник прежде был в зените славы и думал, что, корыстной и лукавой, жене лишь деньги от него нужны.

Оскорблена подобным подозрением, супруга скрылась в голубой дали, он попросил бы у нее прощенья... «Ах, если бы мы встретиться могли!»

Вдруг белое авто – белее снега! – затормозило (видно из окна), и вот, слегка запыхавшись от бега, в дверях стоит она, она, она! В глазах дрожит слеза: она простила. Снежинки тают на манти (шиншилла), и синее, в каких-то блестящих платьях, и аура духов, и щеки овал... И он вскричал: «Приди в мои объятия!», и сам в ее объятия упал. Пока она без мужа прозябала, представьте, честно новой русской стала.

Об остальном вы догадались сами: супруги крест поставили на драме без споров, кто же прав, кто виноват. Теперь они друг дружкой дорожат. Она владеет модной галереей, в ее руках – элитных мнений нить, и все спешат дороже и быстрее картины ее мужа закупить.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Когда огнями дразнят нас витрины, и скидку объявляют магазины, и всюду распродажа Рождества, мы в чудеса – как будто дети – верим, глядим в глазок: «Кто это там за дверью?» – и прямо на пороге ждем волхва.

Увы, бедны фантазии миры у бедных: все нам мнится, сквозь ненастье три новых русских на Звезду несчастья несут свои волшебные дары.

Переводческий зал

Гертруда КОЛЬМАР

Имя Герруды Кольмар (Gertrud Kolmar) известно германистам хорошо. Она считается лирической поэтессой одного уровня с Анеттой фон Дросте-Хюльсхоф и Эльзой Ласкер-Шулер, однако ее работы, которые во времена национал-социализма были сохранены от уничтожения ближайшими родственниками, остаются до сих пор относительно неизвестными любителям поэзии. Не так давно в книжных магазинах Дюссельдорфа появилось хорошо комментированное критикой издание, где впервые собраны все циклы стихов Герруды Кольмар без изменений и сокращений.

Родилась поэтесса в 1884 году в Берлине. Кольмар – псевдоним, взятый по старому названию французского городка; ныне это Эльзас. Жизнь Герруды Кольмар была трудна, и судьба ее похожа на изломанную линию. Энергетика ее поэзии близка цветаевской, интонация незаурядна, а мощь образов поражает воображение. Она не оставила после себя потомков, только прозу и стихи, много стихов...

В 1943 году Гертруда погибла в концентрационном лагере Освенцим.

Среди российских переводчиков ее стихи постепенно находят трудолюбивых поклонников. Одним из первых начал переводить Кольмар

на русский язык Владимир Микушевич (Москва), а сейчас и я могу представить русскоязычным читателям несколько своих работ.

Сразу оговорюсь: это пока только первые попытки понять и освоить сложный поэтический язык оригинала. Переводить Гертруду Кольмар нелегко, она писала стихи, как полотна, не жалея красок, точность рифм восхищает, но и усложняет задачу переводчика: как можно точнее передать смысл того или иного стиха; ритмы, которыми она пользовалась, интенсивны и разнообразны, а язык богат. Словарные издания не включают в свой лексикон старонемецкий, значение иных слов порой трудно определить. Но, как сказал Буркхарт Мюллер (рецензия в «Южногерманской газете»): «Неповторимость кольмаровского стиля в удивительной способности стирать границы между читателем, автором и стихотворной тканью, так что произведение превращается в связующее звено между «дающим» и «берущим». Он убежден: Гертрудой Кольмар написаны одни из самых прекрасных стихов 20 века».

Марина Гершенович

HEXE

Die Monde gehen auf, die Monde gehen nieder;
Mein Tag ist immer noch der gleiche Tag.
Du liebes Angesicht. Dich kränzen bunte Lieder,
Der Meise blaues Läuten, schwarzer Amselschlag.

So sammetschwarzer Amselschlag, du helle,
So silberweißer Flötenjubiläum, dunkles Bild,
Waldmädchen du. Die Moose hüten deine Schwelle.
Zu deinem Brunnen bückt das Wild

Die braunen Häupter mit den sprießenden Geweihen.
Und deine Nächte sind
Ganz angefüllt mit seltenen pfauenfarbigen Schreien
Und ginstergelbem Flüsterwind.

Smaragdeidechse. Kleine goldenbraune Schleiche,
Um die noch Glanz des Laubes schwärzt,
Das sommermüde verfällt in Elsen Spiegel, Teiche
Und mit Schweigen abwärts fährt.

Mein einziger Besitz. Dich kann ich immer wandeln,
Verzaubern dich. Ich kann dir Hexe sein.
So werd in meinem Park ein Strauch mit süßen Mandeln,
Auf meinem Tische Glas mit bernsteinklarem Wein.

Durchsichtig reife Erde. Komm, ich will dich trinken,
Dich Kraft. Und eine Mauer sehn,
Die schwere bronzene Löwenklau der Pforte klinken
Und wieder unterm Baum des Paradieses stehn.

ВЕДЬМА

Одна луна взойдет, другая станет тенью.
Однообразны дни, и жизнь моя проста.
О, драгоценный лик, тебя венчает пенье:
синицы синей трель и черного дрозда.

Дрозд черно-бархатист, напев его разумен,
И флейты голос чист во тьме и невредим.
Лесная дева, знай: среди замшелых гумен
Сбегается зверье к источникам твоим.

Коричневы их лбы с растущими рогами...
А у ночей твоих
Павлинья красота цветет в редчайшей гамме,
И шёпот или крик колеблет их.

Рептилий изумруд. И россыпь насекомых
Вкруг лезвия ножа уклеики золотой.
Упадок летних сил в зеркальных водоемах,
И тишина приходит на постой.

Владения мои! В путь отправляюсь дальний;
Я волхвовать могу, могу колдуньей быть.
Да будет сад цвести и зреть орех миндальный,
Янтарное вино, коль захочу я пить.

Прозрачная земля, от жажды умираю!
Ты зреешь... Силы дай, чтоб я смогла понять,
Как ручку повернуть у врат тяжелых рая,
И снова в том саду под деревом стоять.

NICHTS

„Du wirst dein Los in Gottes Wage sehn“

Der Engel schwieg und zeigte himmelwärts.

Da sah ich wolk'ge Schalen wechselnd gehen.
Die eine zog herab mit schwerem Blinken,
Hoch blieb die andre, arm und farblos stehen.
Und in die arme, rechte glitt mein Herz.
Sie neigte sich und konnte doch nicht sinken;
Ein Hermelin lag schimmernd in der linken
Und Gold und Blei und blutbetropftes Erz.

НИЧТОЖНОСТЬ

«Ты узришь свою участь на Божиих весах»

На небо ангел молча указал.
Две чаши в облаках я разглядела.
Одна осела тяжело, сверкая,
Другая, цвет теряя, вверх взлетела,
В ней мое сердце вознеслось птенцом,
Забилось, высоту преодолевая;
Мерцала царской мантией другая,
Кровавой медью, золотом, свинцом.

SCHENKEN

Eines Morgens ging das arme Mädchen
Zu dem schwarzen, schlauen, flinken Männchen.
„Macht mich reich, Gevatter, macht mich reich!
Naschwerk will ich schmausen, Seide tragen,
Bis er kommt: und wenn er wieder geht,
Tanz in seinem Sack der gold'ne Haufen,
Eß' ich hartes Brot im Bettelkleid“ –
Schaut der Zwerg im Zaubertiegel nach,
Schüttelte den langen Bart und sprach:
Du bist arm, bist wahrlich arm, du Mädchen;
Aber du bist reich, weil du so liebst“

Mittags ging das unscheinbare Mädchen
Zu der alten, güt'gen, weisen Hexe.
„Macht mich schön, ach Muhme, macht mich schön!
Mag der Wind mich küssen, Sonne Herzen,
Bis er kommt: und wenn er wieder geht,
Blättern müd' in seiner Hand die Rose,
Lächelt dennoch sanft ihm, der sie brach“
Schlug die Hex im Zauberbuche nach,

Hob den dürrn Finger auf und sprach:
„Du bist hässlich, wahrlich hässlich, Mädchen,
aber du bist schön, weil du so liebst“

Als die Nacht kam, lag das schlimme Mädchen
In der schmalen Stube auf den Knien.
„Mach´ mich gut, o Herrgott, mach´ mich gut!“
Meine Tugend will ich streng behüten,
Bis er kommt: und wenn er wieder geht,
Wird er stolzer, herrischer sich recken,
Froh, da er der Jungfrau Reinheit nahm“
Ihrer Stimme zog ein Raunen nach,
Leises, zartes Raunen, das ihr sprach:
„Du bist schlimm, bist wahrlich schlimm, du Mädchen,
Und bist immer gut, weil du so liebst“

МИЛОСТЬ

Как-то поутру пришла сиротка
К мужичку проворному с бородкой:
«Крестный, помоги богатой стать!
Лакомкой хочу быть, в шёлк рядиться,
До поры, пока он не ушел:
Ем я черствый хлеб, ношу обноски,
А в его мошне монеты пляшут».
Глянул гном в волшебный чугунок,
Бородой потрянув, ответить смог:
«Ты бедна, и впрямь бедна, сиротка,
но богата ты в своей любви».

Как-то в полдень подошла дурнушка
К доброй старой седенькой колдунье:
«Сделай меня, тетушка, красивой!
Пусть целует ветер, солнце нежит,
До поры, пока он не ушел:
Под его рукою зреет роза,
И смеется та, что он сорвал».
Ведьма, книгу мудрости закрыв,
Отвечала, пальцем погрозив:
«Ты дурнушка, ты и впрямь дурнушка,
но прекрасна ты в своей любви».

Ночь пришла, и скверная девица
На колени встала в тесной спальне:
«Помоги, о Боже, честной стать!
Соблюсти хочу я добродетель,
До поры, пока он не ушел:
Будет горд он и блаженно счастлив,
Что невинность он девичью взял».
И в ответ ей шепот прозвучал,
Тихий, нежный голос отвечал:
«Ты и вправду скверная девица,
Но чиста вовек в своей любви».

OPFERGANG

Ich wusste, dass auch ich geboren bin.
Es ist ein Buch, da steht mein Name drin.

Ich war mir selbst zu einen zwanzig Jahr,

trug schwer an mir; da fand ich den Altar

Und hab' auf seinen Stufen scheu mein Ich
Um eine Güte Gott geschenkt: für dich.

Und legte meines Ichseins Glück dazu
Und wurde reich, da mir nichts blieb. Nur du.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Я знала, что я тоже рождена.
Вот книга, и в нее я внесена.

Себе принадлежа все двадцать лет,
Нашла алтарь средь тягостей и бед.

И Я своё у алтаря в мольбе
На божью милость отдала: тебе.

И всё отдав, не знала нищеты,
Хоть не осталось ничего. Лишь ты.

DAS GROßE FEUERWERK

Das Große Feuerwerk ist nun verpufft.
Und, tausend losgespritzte Fünkchen, hängen
Noch kleine Sterne in Dunkels Fängen.
Die Nacht ist lang.

Ich lehn' am Baum und sinn' am Himmel hin
Und sehe wieder dünnen Sprühgoldregen
Dem Teich enttanzen, sich vertropfend legen.
Die Nacht ist lang.

Weiß ist mein Hut, mein Kleid ist leicht; mich friert.
Bleich blühten Chrysantemen ob den Wellen,
Zerrieselten in sieben ros' ge Quellen.
Die Nacht ist lang.

Ich such' die Bank und warte, hart geduckt.
Es duckte sich die Schlange, pfiff im Sprunge
Und zischte rasend auf mit glüher Zunge.
Die Nacht ist lang.

Ich wärme meine starren Hände nicht.
Aus Schwarz und Schimmer stieg ein Palmenfächer,
Der zückte Silberspeere auf die Dächer.
Die Nacht ist lang.

Mein Auge schläfert, aber unterm Lid
Kreist noch das Sonnenrad mit leisem Singen,
Und grüne Ringe gehen aus Rote Ringen.
Die Nacht ist lang.

Das große Feuerwerk ist lang verpufft.
Zwölf Schläge tut es irgendwo im Weiten –
Ich geh' wohl heim, weil so die Füße schreiten.
Du kommst nicht mehr.

ФЕЙЕРВЕРК

Едва лишь вспыхнув, гаснет фейерверк.
Но сотни искр кружатся в хороводе,
Как россыпь звезд на темном небосводе.
А ночь длинна.

Прижавшись к дереву и глядя в небеса,
Я вижу золотистых струй движенье,
В пруду оттанцовало отраженье.
А ночь длинна.

Я в легком платье, в шляпе; зябко мне.
Волна дробит до радужного света
Цвет бледных хризантем, волна ли это...
А ночь длинна.

Ищу скамью, в комок сжимаясь, жду.
Змея перед броском, что кольца сжала.
И в бешенстве её трепещет жало.
А ночь длинна.

Окоченевших рук не отогреть.
То пальмовая ветвь во мраке или
Над крышами серебряные шпили...
А ночь длинна.

Мой дремлет глаз, но где-то в глубине
Под веком солнца кружит колесница.

Зеленый круг на красный круг ложится.
А ночь длинна.

Давно уже погас тот фейерверк.
Двенадцать. Даль озвучена часами,
Домой дорогу ноги знают сами.
Ты не придешь.

Перевела с немецкого Марина Гершенович

Дора ТЕЙТЕЛЬБОЙМ
(1914-1992)

ПОЭТЕССА, РДЯНЫЙ ЦВЕТОК...

Москва, осень 86-го, Большой зал Центрального Дома литераторов.

Кресла, приставные и откидные стулья, в проходах — молодежь, еврейские лица, русские лица, гости из Франции, Латинской Америки, Израиля. На сцене – Дора Тейтельбойм, ее облик точеный, словно в отблесках звонких стихов, улетающих в зал, минуя серебряный кубок микрофона на блестящем гипногенном штативе, бликующие глазки телекамер.

Штейт ойф, берг! Рукт оп зих фун ди вегн,
ун мит вайн-гертнер ойф ди акслэн
ди зин ун тэхтэр гейт анткегн...

Дора Тейтельбойм, всемирно известная поэтесса, автор облетевшей шар земной «Баллады о Литл-Роке», читает стихи — на идиш, на этом фантастическом языке неубиваемого, несгорающего, не отрекающегося от себя еврейства Восточной Европы. Дора – не знающая возраста чаровница, в движениях рук, во взлете лица – вдохновение, вольный жест свободолобной американки, утонченная сдержанность парижанки. Дора – в черном вуальном платке: несколько недель назад проводила в последний путь мужа...

Долгие и проникновенные, то есть не ернически оглушающие, аплодисменты. Теперь мой черед, мне теперь читать Дору по-русски. В зале – я знаю – Шарль Добжинский, поэт кометной светимости в современной французской словесности, переводивший стихи Доры на язык самой Поэзии – на язык Рембо, Бодлера и Элюара. Страшновато, но я выхожу к микрофону...

Поэзия Доры Тейтельбойм – это нежность и сладость еврейского ощущения бытия, вечная Песнь Песней, но и гневная, огненная, вулканическая мощь гимна Деборы, дух мироборчества, словно рдяный цветок, пылающий в сердце народа и в душе поэтессы, в душе, так опасно, осторожно несомой людям на долгом пути к человеку. «На пути к человеку» – назвала одну из книг своих Дора. Человек – непреходящая ее любовь. Вот почему читают Дору французы, читают вьетнамцы, англичане, китайцы. Вот почему

восхищенные отзывы о ее творчестве встречаем у Сартра, у великого, на мой взгляд, поэта Авраама Шленского, переложившего книгу ее стихов на иврит. А какие восторженные слова сказал о ней Нобелевский лауреат Астуриас... Еврейская нежность и гневность – заряд, лепестковая взрывоопасность этой лирики, но обращенность поэзии Доры – не в одном еврейском лишь направлении, адресат – человечество. И однако пишет она на еврейском, на ярчайшем из еврейских на протяжении тысячелетий языков, на идиш.

«Да постыдятся беззаконные в туне», – сказал великий наш псалмопевец Давид. Да постыдятся те, кто сегодня, как и вчера, кто в Европе, в Америке, в России или Израиле пренебрежительно именуют идиш «жаргоном», предрекая – который уж век подряд – смерть, изъятие из многоголосья планеты звучного этого, мудрого и полного любви к человеку напева: да, напева, на идиш не говорят, а поют, что приятственно бывает порой даже врагам его. А поэзия Доры – букет на просторном ветру запевающих и живых во всякий сезон роз, огромных ромашек и всяких цветов полевых, раскрывшихся чашечек и бутонов еврейского логоса.

Как и многие любители Поэзии, Дору Тейтельбойм я прочитал в первый раз – по-русски, в начале шестидесятых, когда переведена была и опубликована в СССР «Баллада о Литл-Роке». Потом я услышал ораторию на этот текст – одаренного композитора Анатолия Бычкова. Потом – спустя уже много лет, как переводчик ее стихов, – на идиш. Уверенный без оговорок, что русскому и еврейско-русскому ценителю высокого Слова просто необходима лирика Тейтельбойм, я подготовил большую публикацию ее стихов в московском журнале «Иностранная литература», где много лет, после «Баллады», ее помнят и любят. Появления публикации этой я не дождался, уехал...

На громадной, бескрайней, как кажется, когда стоишь на ней, ЦДЛовской сцене был я не новичок. Но на сей раз, читая стихи Доры по-русски, ощутил я с первого слова: меня слушают. Лица – а не профили или краешек уха видел я, почти удивляясь, зная пресыщенный, скептический нрав московской публики. А еще здесь были приехавшие из Подмоскovie, из Смоленска и Киева, из Молдавии, Прибалтики, Зауралья...

Вставайте, горы, поднимайтесь в путь,
взвалив на плечи сад и виноградник,
пусть светит вам лучистый многогранник,
пусть воздух мира вам наполнит грудь.
Ты, море Средиземное, ровесник
сынов Бар-Кохбы...

Меня слушали – и было понятно: слушают Дору. Великолепную поэтессу – Дору Тейтельбойм.

Лев Беринский. Тель-Авив. Ноябрь, 1991

Из цикла «Железное дерево»

ГОРЛИЦА С ГЛАЗАМИ КРАСНЫМИ

За окном моим на ветке
красноглазая сидит –
в душу горлица глядит.

Хищный ястреб черной ночью,
разодрав свою добычу,
брызнул кровью ей в глаза.

Что за птица! мне не спится,
красный взор в моем окне
не дает покоя мне.

Черных крыльев, красных пятен
мне зловещий смысл понятен –
он пылает вдалеке.

Там полями, по заречью –
день крадется мне навстречу,
острый нож зажав в руке.

КАМЕНЬ

Базальтовый, жесткий
камень —
дитя
лавы, некогда плотью выкипевшей.
Ребенок,
покинутый и не знавший
материнской нежности, пения
над колыбелью,
дыхания,
губ ее прикосновения.
Память, в которой воспоминанья
землею засыпаны.
Гнездо, где сожженные птицы.
Молчанья
спрессованные пласты.
Горы лет. Немоты.

Окаменевший вопль. Геологический срок.

Камень, безмолвствующий веками,
гневно рождает, в объятии с камнем,
огненный рдяный цветок.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Сутки

- день и ночь - летят как птицы
из сгоревших гнезд.

Тянутся,
бездомные, по небу
к прошлому, к желанным берегам.
Где в пути далеком, как убитые,
падают устало на забытые
острова, и спят на островах
в неоглядных времени морях.

ЭШЕЛЬ*

Посередине

пустыни,
окруженный огнем песков и мерцанием искр,
как верблюд с исхудавшим, обвисшим горбом,
стоит тамариск.

Сушь и жажда вокруг.

Бесконечность и звон.

День да ночь - два порожних ведра
повисают над миром и звякают поодиночке.

То солнце клюет его ветви, то коршун,

а он

- между небом застыв и землей - распускает сочные почки.

Из ствола или ветки

крепкую вырежу палку -

и ударю по сердцу пустыни рассветной порой,

чтобы отныне и впредь,

и во веки веков

здесь струился родник голубой.

* Дерево (разновидность тамариска), которое патриарх Авраам посадил в Безр-Шеве в знак примирения с Авимелехом, царем Герарским. Из этого же дерева был выструган чудотворный посох Моисея.

ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕРЕВО

Белой ветреной ночью, в туманном и трепетном
марева,
когда плещется память в запаянном зыбком
аквариуме, -
я брожу по глухим берегам,
по мшистым слепым временам,
возле резервуаров слез и долготерпения
и кораблей в многошумном порту, где одно за другим
поколения,
как старики,
взвалив на плечи мешки,
поднимаются к сокровенной надежде,
вверх,
к невидимой башне,
туда, где с ненавистью вчерашней,
как с водородом, смешан сегодня любви кислород -
и вот
не глоток родился воды, а река - Миролюбия!
И сидит у реки, босиком, как всегда любомудрая
Вечность - юная дева, чуть старше она, чем природа,
и ракушки обточенные подбирает, век за веком, по
после каждого
рода.

Белой ночью бессонной, когда поворотом ключа открываются тихо,
как двери,
и явью становятся тайны, -
я в окне моем вижу черные эти фонтаны
с головами демонов,
блестящая ртутная пыль
дробным дождиком с них
так чарующе каплет на землю.
Ах, блестящая ртутная пыль
всю окрестность Вселенной
покрыла, похоже,
металлической кожей
в эту ночь - в эту белую ночь просветления,
в час, когда я стою на всех трапах и лестницах
моего поколения.

Как звезда, распаляется сердце мое,
как звезда посреди небосклона.
и над городом падая, рассыпается сотней огней,

озаря в окне мое дерево -
мое древнее,
родословный его, в горле целой Вселенной
 застрявший, как кол,
белой ртутною пылью покрытый
 металлический ствол.

Ветви медные.
Листья свинцовые.
Бронза – соцветья.
И скрежещет оно, осыпаясь. И тянутся вверх
полированных сучьев голодные рты –
пожирая,
поедая птенцов в своих собственных гнездах и птиц.

Белой ночью, когда на меня налетает
ветер времени, стены проламывая – и в пролом
шип цветка металлического проникает,
мое тело пронзает,
как стрела, а потом
крона дерева, ржавыми жерновами скрипя и вращая,
опадая, как в осень, и тяжелое небо креня,
накрывает меня
металлическим гулким листом.

ЖЕРТВЫ

Жертвы вырастают по ночам
до небес –
и звезды зажигают.
И про то никто, никто не знает.

Жертвы ходят тихо по ночам,
босиком, чуть ноги волоча.

В дождь, и в снегопадах по колени,
тени их, безвидные во мгле,
обходя стоянки поколений,
по ночам блуждают на земле.

Вновь и вновь, путем непроторенным,
к городищам, кровью обагренным.

Тыль стирают с времени, бормочут
давние, умершие слова,

снов цветы срезают с веток ночи,
косят травы – это смерть-трава.

Жертвы по ночам растут, их души –
башен свет для путников заблудших.

КРИК

Час ночной. Тишина.
На полу спит Луна.
Неподвижные стрелки часов.

Замурован в стене,
смолк сверчок в тишине.
Никаких не слышать голосов.

Попугай в своей клетке
непривычно молчит –
сам с собою не говорит.
Только огненный рой
мотыльков – за собой
тянет сеть световую, кружит.

Ночь тиха. Тишина
из бездонных темнот
поднимается и растет...
И в какой-нибудь миг –
неожиданный крик!
Это кто же так в полночь орет?
Это – прерванный сон,
одинокости стон,
это явленный, истинный ад

пред глазами души
в час, покуда в тиши
сновиденья и призраки спят.

СОН

Сон –
волшебный цветок
вечной тайны и метаморфозы,
тихо плавает где-то
в подводных течениях
грезы.
В лабиринтах запутанных,
в спутанных кем-то сетях
среди красок и запахов
лилий на длинных корнях,
нераскрывшихся клейких бутонов,
повисших стеблей,
словно струны на скрипке, распущенных.
Из-под зыбких пластов и теней
прорывается
сон,
пробивается ощупью – прочь
из подводной пещеры,
наружу,
наверх,
где всю ночь
два алчущих глаза
во мгле, все объявшей, как спрут,
разом
всплывшего чудо-цветка –
сна волшебного
ждут.

ФОНАРИ НА ВЕТРУ

В поздний час,
когда в простынь ночную
завернувшись, спит город,
а ворон
в моем сердце прикроет глаза,
слышу:
гитара,
гармошка,
недопетые
давние песни...
голоса...
До утра

на ветру,
как фонари,
гаснут
и вспыхивают они.

ПАУК

Днем и ночью
в темном
месте
притаившийся
паук
что-то ткёт
и вяжет
в двести
то ли ног,
а то ли рук.
Из себя
он тянет нитку
и такой узор
плетёт,
что в гнездо его
на пытку
кто не хочет –
сам придёт!
Он работает
нескушно,
вить умеет
да узлить,
да сластить
ту нить
искусно –
чтобы жертву заманить!

СЕСТРА ЛУНЫ

Ночь – старый заржавленный колокол
раскачался, как пьяный.
Небо – раскрытый собор.
Настежь – ворота и дверь.
Зажженные свечи, лампы.
Мир не спит. Накрывшись газетами,
спят клошары.
Фиаты – пустые и лупоглазые,

как звезды на камне.

Бродит Луна по горбатым, извилистым улочкам,
черный шлейф одинокой монашенки вьется за ней.

Шажками коротенькими ступает, неслышными,
и бормочет молитвы, и поджигает
черный двор, и еще один черный двор.

Осмотревшись вверху,
опасливо, благочестиво заглядывает
во все окна,
тоскуя, грустя по греху.

Луна погулять приглашает меня
по терпким, просмоленным улицам
Марселя.

Я ей не мешаю быть провожатой моей.

Молча, как тень, иду я за нею, под ней.

Рыбаки, словно рыбы, запутавшиеся в сетях,
трепещут на берегу.

Матросы в беретах пьют в обнимку, вдвоем –
на брудершафт – с уличным фонарем.

Чайки им отвечают испуганные,
распуганные на песке.

Луна меня водит
по чужому бессонному городу,
и все беспокоится: не отстала бы я от нее.

Надо мною склоняется и свою поверяет мне тайну:

– Как и ты – я такая ж бездомная

и одинокая

бесприданница.

Как и ты – над всемирною бездной
скитаюсь, вечная странница...

Млечный Путь. На нем – Незрячий
с посохом своим.

И Луна крадется, плача,
следышком за ним.

Одиночества платочек
машет до утра.

Не догонит, как ни хочет,

тень свою сестра.

О Луна, сестра родная,
слез не превозмочь.
Слез не лей своих, рыдая,
захлебнется ночь.

Перевел с идиш Лев Беринский

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Вячеслав ПАСЕНЮК

Дзержинск

Складываешь, а потом раскладываешь
карты мира с картами страны:
всё знакомо, что ж ты не угадываешь
той, где жить и верить, стороны?

То ли именуется по-новому,
то ли вместе с сором увезли,
и не стоит зря туманить голову:
ставшее с тобою уясни.

Не пустеют пыльные запасники.
Травленую душу не трави:
у любой эпохи будут пасынки,
бледные наследники твои.

Наклонись и подбери название,
что-нибудь в округе застолби:
воздуха приветное касание
или тихий голос из толпы.

Да, юность страшная пора,
великая до жути.
Это сейчас бредёшь с утра,
а всё стоишь по сути.

А в той поре любой пустяк,
шаг влево или вправо –
и дело двинулось не так,
и вообще коряво.

И ты уже совсем не ты
спустя лет тридцать с гаком,
и в небе мало высоты,
и пьёшь, не морщаась, с гадом.

А эта наша юркость,
а эта беглость рук?..
Куда глядела юность,
когда звала на круг?

И мы бросались словом,
легко пускались в пляс,
хотя уже ознобом
прохватывало нас.

Это лето – пышное, густое,
с головой ушедшее в дожди.
Посреди сплошного травостоя
ты стоишь, и некуда идти.

То есть никуда идти не надо:
здесь и стол, и ладная скамья.
Зарастает в дым ума палата,
недоступная для воронья.

Это лето, будто напоследок,
взявшее себя за образец,
миллиардом животворных клеток
забивает пасмурный свинец.

Уходи, а лучше оставайся:
здесь никто не бьётся головой
оттого, что ни тебе аванса,
ни тебе порядочной пивной.

Пустота заполнена с краями –
губ остекленелых не криви:
может быть, ещё вращёшь корнями
в золотые сумерки любви.

Ирма ЛАНЦМАН
Бонн

ДОЖДЬ

Решают люди –
 быть, не быть...
А дождь, задумываясь косо,
Решал вопрос: лить иль не лить?
Ведь у дождя свои вопросы.

Струился майский воздух-шёлк,
Но пухла туча грозовая,
И дождь подумал –
 и пошёл –
Работа у него такая!

СНЕГ

От моих шагов чёткий след,
Всё бело –
 улицы, переулки.
В Бонне выпал роскошный снег,
Как в Петербурге.

А Нева так далека.
Питер, ты мне с рожденья дорог.
И у Бонна своя река –
Рейн течёт через город.

Снег для Бонна -
не частый гость -
из российских наитий.
Пятый год, как живём мы врозь -
Я и Питер.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

За спящею зимней рекою
Неспешно закат доалел,
И вечер морозной рукою
Коснулся притихших аллей.

Как будто незримые пальцы
Надеты на снежный уют,
И стужи хрустальные пальцы
Узоры затейливо ткут.

Темнеет.
Сливаются дали.
И чудится, будто мороз
Доносит то звуки рояля,
То синюю музыку звёзд...

С высоких сводов Кёльнского собора
Хорал восходит прямо к небесам.
Звучит орган.
Раскатистый, с напором
Густеет звук и входит в души нам.
Зовёт хорал -
Торжественно и строго -
Возвыситься над суетностью дней.
Бах музыку творил во имя Бога,
А оказалось -
Создал для людей.
Звучит орган.

Изменился характер с годами,
Я на жизнь философски смотрю,
И теперь до рассвета ночами

Над стихами всё реже корплю.

Невзирая на будней укусы,
Часу каждому радуюсь я.
...А стихи о тебе, словно бусы,
Нанизала на нить бытия.

Владимир КУЩЕНКО
Донецк

Жаркий май. Сумасшедшие горлицы
Во дворе разрытом сипло гудят.
Там голубка с голубем гулко знакомится,
Пыльный пух с тополей – и глаза зудят.

«Что глаза наши знали, вспомним ли?» –
Поворот головы к облакам огромным.
Тополя и дома – по спирали в небесное лоно.
Взгляд, теряющий край или ком земли...

И вот наступает нечто унылое очень...
Ночь продлена, а день укорочен.
Лету виден конец. Листья пылью набрякли –
сокодвижение долго протянется вряд ли.
Смысл просёлка в пыли обозначен как трактор –
это ещё один, кстати, унылости фактор.
Время уборки капусты и корнеплодов –
всего, чем питается в зиму «семейство народов».
Ходят упорные слухи, что надвигается голод,
что обогреться в морозы поможет лишь молот.
Зычно орёт на пропойцу соседская Нина.
В этих местах очаги образует свинина.
К осени свадьбы бешено прыгают польку
перед паденьем ячейки в семейную койку.
Впрочем, порой население доходит до драки,
и кое-кто видит, где в зиму находятся раки...

Ожидание нашей встречи – больше нашей разлуки.
Долгой жадой длятся чужие минуты.
Пустота больная в груди, и глухие гулкие звуки
Бьющих в сердце секунд, тоскливых и смутных.

Как пережить этот пасмурный вечер до нашей встречи?
Одиночество мокрых холодных улиц и шум трамваев...
Всё проходит, но остаётся во тьме бесконечной
Неодолимая тяга мгновений к зовущему краю,

Где царит безраздельно сила любви и желанья,
Где больной пустотой без меня тяготится застывшее время,
Где безумие встреч невозможных, любовный пожар узнавания,
В окнах мокрые ветви, цепочки огней: разрывы и звенья.

Я услышал во сне электронную речь,
Но её наяву не сумел я сберечь.
Электронная память чуть слышно шуршит.
Электронный ответ по экрану бежит.

Электронного облака – гаснущий свет.
Электронного воздуха – бьющая весть.
Да простит Майкрософт электрический бред.
Да сотрёт Майкрософт электронный ответ.

Электронная жизнь, электронная боль,
Электрический Мир – Интернет, Интернет...
В электронных лучах прозябающий ноль
Через лес единиц. Вот мы есть,
вот и – нет...

Александр ТОВБЕРГ
Красноармейск

Словно только что
вылупившиеся из куколок бабочки –
ещё необсохшие –
замерли листья деревьев –
говорят –

оставьте в покое нас -
мы высохнем -
и взлетим!

АВТОПИЛОТ

Я работаю автопилотом -
управляю большим неуклюжим
лайнёром тела
Однажды я потерплю катастрофу -
С неба - на крыши -
на стены -
на камни -
на город -
в асфальт -
в мягкую тёплую землю -
в траву -
и расколется череп -
и раскатятся мысли -
и никто не станет искать -
для того чтобы расшифровать и узнать -
отчего - почему - и зачем я разбился -
чёрный ящик моей головы

ЛЮДИ С КРОЛИЧЬИМИ ГЛАЗКАМИ

Люди с кроличьими глазками
Красными от фотовспышек
Длительных ночных бессонниц
И с уставшими телами
И с остывшими желаниями
И с высосанными мозгами -
Расположенными как бы
Вне границы здравых смыслов
Их бессмысленные позы
Ходят как часы в которых
Два различных механизма
Крутят стрелки - часовую -
Вправо - минутную - влево -
И никто понять не может -
Что случилось
Что случилось
Что случилось ввообщсче
?

НАШ ЛЮБИМЫЙ КРОВАВЫЙ БОГ

мы вчера принесли в жертву кровавому богу
самую красивую девушку племени
но сегодня со страхом смотрим в ревущее небо
там - большие железные птицы
у них - острые железные перья
у них - злые железные клювы
у них - страшные железные когти
у них вместо глаз - горящие жёлтые стёкла
у них из клоак вылетают огненные газы
в их утробе - почти двести кг мбзгов
в которых нет ни капли разума
эти тяжёлые птицы летают и ищут жертву
зловещая нервная тень приближается к нашим хижинам
мы падаем ниц и молимся молимся молимся
любимому кровавому богу
прости нас кровавый бог
прости нам нашу жадность
отведи от нас злую железную птицу
и мы принесём тебе в жертву
всех младенцев и женщин и ещё
три килограмма спелых сладких кореньев
отведи от наших хижин
злую железную птицу
наш любимый кровавый боже!

Вениамин ВЕЛЕРШТЕЙН
Бохум

МЫ БОЛЕЕМ

Радуюсь: «уроки вчера не успел выучить, а теперь в школу не надо»
и печалюсь: «опять билеты на концерт отдавать придется»,
бранюсь: «чертова болячка...»,
сожалея: «ах, как не вовремя»,
ехидничая: «пусть теперь без меня покрутятся»,
жалостливо: «горлышко болит»,
с юмором: «я на вас всех чихал!» -
Болеем.
Болеем днем и ночью, болеем во сне и на работе... На футболе и
кеглях...
Болеем от зависти и за кого-то...

Болезнь – плохо: высокая температура, испарина, нет сил даже телек посмотреть, все плывет, кашель – достал... кости ломит...

Болезнь – классно: на работу не надо, можно детektivчик наконец-то дочитать,... глядишь – больному чего-нибудь вкусенького принесут или сготовят,...

А главное – покой! – Все ушли, бедные, кому на работу, кому в школу...

Но есть такие тихие болезни. Они подкрадываются незаметно...

И ты узнаешь о них только из скользящих по тебе жалостных взглядов и неоправданно веселым разговорам друзей в твоём присутствии.

... Они уже в курсе...

И вот тогда мы начинаем Жить.

Бардклуб

Марк АКСЁНОВ

Москва

Родился в 1948 году в Москве. Закончил Московский горный институт. В качестве проектировщика, а затем горнотехнического инспектора объездил весь Союз от Ужгорода на западе до Иркутска на востоке, от Воркуты на севере до Чимкента на юге.

С 1964 года – поклонник и исполнитель бардовской песни. Первые осмысленные стихи написал в 1971 году. А музыку и песни начал сочинять в 2002-м.

Автор книги стихов «Мой Зурбаган» и пяти песенных дисков. Участник и лауреат фестивалей авторской песни. В качестве художественного руководителя творческого объединения «Мотив» поставил 3 литературно-музыкальные композиции: «Возвращение Гумилева», «Я не уеду из России», «Параллели».

МОНАХ

Что за подвиг – отречься от мира
Для того, кто в миру одинок?
Не звучит ему светлая лира
И любовь – лишь соблазн и порок.

Мало смысла и радости мало
В пестрой смене житейских картин,
Может, мать его недоласкала,
Может, рос он в приюте один.

Или он уж таков от рожденья?
Здесь теперь его кров и семья,
И теплится в тени заточенья
Чуть заметный огонь бытия...

Как загадочна эта дорога,
Что приводит в священный острог!
Неужели лишь тот любит Бога,
Кто дарами его пренебрег?

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

«Быть иль не быть?» -
Вильям Шекспир спросил
Устами принца датского когда-то.
Его вопрос немного изменил
Психолог Фромм в названии трактата.

«Что делать?», «В чем же смысл?»,
«Кто виноват?» -
Извечные российские вопросы.
Решают их который век подряд
То гении, то прачки, то матросы.

От главной темы отделяет всех
Вопросов частных мутная завеса.
Мир крутится, как белка в колесе
Несущегося к пропасти прогресса.

Добро иль Зло, крошечный мрак иль свет -
Вот главная дилемма мирозданья.
Все остальное - суета сует,
Или Добра и Зла иносказанья.

Меншиков в Березове Из цикла «Третьяковка»

Сердце от холода сжалось,
Снежная заметь в окне,
Вспомни, как все начиналось
Там, на родной стороне,

Вспомни о шалостях юных,

Вспомни, как бит был отцом,
И про подарок фортуны –
Дружбу с великим мальцом,

Громы победных баталий,
Щедрость царевых наград,
Вспомни, как флот создавали,
Строили северный град,

Друга нелегкий характер,
Пьяный кутеж на заре...
Где-то на Ревельском тракте
На постоялом дворе

Старую ведьму с клюкою,
Странные речи её:
«Всё, что накопишь, – чужое,
Все, что полюбишь, – своё».

Ты ведь спросил про другое,
Ну а она про своё:
«Всё, что своруешь, – чужое,
Все, что полюбишь, – своё».

Так оно всё и случилось,
Как говорила она...
Эх, Александр Данилыч,
Поздно гадать, чья вина

В том, что теперь ты в опале,
В том, что на старости лет
Все у тебя отобрали,
Да и любимой уж нет.

Нынче, когда над судьбою
Слышится крик воронья,
Небо еще не родное,
Но и земля не своя.

Москва, июнь 2006 г.

СОЛО НА ЗАКАТЕ

Запомни этот вечер и закат
С горчинкой ускользающего лета,
Тускнеет скверов лиственный наряд,
И осени рекламные буклеты

Разбрасывает ветер на ходу
По столикам пустым в кафе открытом.
Любовь свою, мечту свою, беду
И всё, что этим летом пережито,

Запомни навсегда, перевернув
Еще одну печальную страницу,
И посмотри, как, медленно вспорхнув,
Взлетает припозднившаяся птица.

Казалось бы, давно пора устать,
Тропитан воздух табаком и пылью,
А ей зачем-то хочется взлетать
И падать в темноте, ломая крылья.

Запомни, как задумчиво глядят
На небо крыши, купола и вышки
И медленно смакуют свой закат
В кафе напротив старые мальчишки.

Москва, август 2006 г.

ИЗМЕНА

Подражание А. Вертинскому

Вроде ничего не изменилось,
Те же встречи, тот же разговор.
Но душе нечаянно открылось
То, что было тайной до сих пор.

Вместо глаз восторженно-счастливых
Вежливый и отстраненный взгляд,
Пара жестов нервно-торопливых,
И ответ бездушный, как трактат:

«Даже если что-то и случилось,

Нам уже давно не двадцать пять,
Успокойся и скажи на милость:
Разве можно так переживать?»

C'est la vie, как говорят в Париже.
Холоднее стали вечера.
Все, как прежде, только солнце ниже,
Да луна постарше, чем вчера.

Нам в этой жизни не впервой
Терять и находить.
Что предначертано судьбой,
Того не изменить.

Пусть невозможно угадать,
Что станется в пути,
Но лучше с добрым потерять,
Чем с подлецом найти.

ЭХО ВОЙНЫ (Из цикла «Тенерифмы»)

В маленькой кафешке в Эль Медано*
Фотография далеких дней:
Поле, стрекоза аэроплана,
Группа офицеров перед ней,

Узкоплечих и широкозадых
От не в меру пышных галифе...
Где-то здесь, у бухты Ла Пилада
Или в городишке Санта Фэ,

В те лохматые сороковые
Тоже собирались на войну.
Возле пляжей точки огневые
Щурились сурово на волну

И, прижав к прикладу подбородок,
Стражники Канарских берегов

* Городок на юге острова Тенерифе.

Ждали появления подлодок,
Гидропланов или крейсеров.

Время то умчалось, ну и ладно,
Амбразурам перекрыли свет
Банки «Тепси», смятые нещадно,
И пустые пачки сигарет.

Дзот ослеп, и даже то, что близко,
Различает тяжело через сор.
Лишь порою юная нудистка
Радует его уставший взор.

СЛЕД В НЕБЕ

В открытках старых теплится душа
Того, кого уж нет в помине,
Сойдя с пера или с карандаша,
Она пришла к нам и живет поныне.
А что от нас останется, мой Свет?
В Сети посланье долго не хранится,
А «эсэмэс» в душе, как в небе птицы,
Не оставляют след.

И почтальон не нужен нам с тобой –
Писать, как прежде, просто нереально,
Теперь все наши письма виртуальны,
Их, словно ветром, носит над землей.
Увы, мой свет, чем дальше мы идем,
Тем чаще в этом цирке под луною
Материя, устав быть веществом,
Становится волною.

Но то, что раньше плыло по волнам
Блаженства и страданья неземного,
То нынче превратилось в старый хлам,
В затертое и выцветшее слово,
В нем буквы те же, только смысла нет,
И даже секс стал фитнеса разделом...
Душа тоскливо с клавиши слетела
И вышла в Интернет.

ЭКОЛОГИЯ ПО-НАШЕМУ

Земля моя, ты многими воспета,
Но тем, кто пел, навряд ли был знаком
С утра в подъезде запах туалета,
Почтовый ящик с выдраным замком.

Что город, что село, картина та же!
В какие бы ни занесло края,
Приметой новорусского пейзажа
Становятся «отходы бытия».

Огрызки, банки, ящики пустые
Бросает под себя двуногий скот.
Чем больше я люблю тебя, Россия,
Тем меньше понимаю твой народ...

ВАГАНЬКОВО

Здесь нет давно свободных мест,
Могила лепится к могиле,
Одни всю жизнь несли свой крест,
Другие на него копили.

ЭПИЛОГ С ПАРАШЮТОМ

Все мы, в сущности,
парашютисты, спускаемся медленно с неба
рожденья на землю собственной смерти. Для кого-то
падение тянется долго: жизнь снабдила его парашютами
крепкого сердца, спокойного нрава, регулярного спорта и секса,
а также благополучной семьи. Другие летают пронзительно быстро,
забывая про кольца и про парашюты здравого смысла, наслаждаясь
полетом и поплеывая с высоты на всех пролетающих ниже и на тех,
кто уже на земле... Но и те и другие порой приземляются больно,
ломаю при этом брентное тело, страдая душой за себя и за
близких, а кому-то до тягостной встречи Тела с землей
удается раскрыть парашютик склероза или маpазма,
и тогда приземление для него становится мягким,
совсем незаметным... Каждый год в декабре я
смотрю на свои парашюты, вижу дырки на
шелковой ткани и узлы на потрепанных

стропах, вижу рядом парящих друзей
и родных, помню тех, кто уже
приземлился... А на землю
смотреть не решаюсь.

Да и что на нее
с м о т р е т ь ?

Разве мимо

нее про-

летишь

?

ЛЁД И ПЛАМЁНЬ

Светлана ФЕЛЬДЕ

Хеннеф

КОВЁР ИЗ ЦВЕТНОГО ПЕСКА

Однажды писатель Евгений Ключев, сказки которого в Королевстве Дания сравнивают с андерсеновскими, написал роман. Он назывался «Книга теней» и был опубликован в журнале «Постскриптум». «Книгу теней» выдвинули на премию Букера.

Евгений Ключев окончил филфак Тверского госуниверситета и аспирантуру факультета журналистики МГУ, занимался журналистской и преподавательской работой, выпустил несколько художественных книг и учебников по лингвистике. Пять лет был деканом факультета журналистики Университета Российской академии образования (УРАО), который благополучно существует до сих пор и в который раз в год он приезжает читать лекции.

В Дании писатель живет с 2000 года. Он выучил датский и свободно владеет им, правда, с небольшим немецким акцентом (первый иностранный – немецкий), из-за чего многие признают в нем немца, но никак не русского.

Если вам – случайно, вдруг – еще неизвестно имя Евгения Ключева, то вот коротко на тему, что о нем говорят и пишут: «Познакомиться с по-настоящему интересным человеком в несовершенном нашем мире, переполненном тенями и отражениями, практически невозможно – таких людей слишком мало, и они, как правило, не спешат открывать общественные приемные во всех городах мира. Хорошо, что у нас остается в запасе старинный, дедовский еще, патентованный способ прикоснуться к мыслям и чувствам таких уникалов – их книги.

Книги Евгения Ключева не похожи одна на другую по форме и содержанию, единственное, что их объединяет, – это уютная атмосфера, располагающая к доверительному общению, но при этом не допускающая фамильярности. Автор – вот он, перед нами, говорит спокойно, чуть насмешливо, попивает кофе, трубку покуривает, покачивает ногой в такт словам. И при этом не заглядывает в глаза, не пытается пальцами залезть к читателю прямо в душу. Благодаря такой сдержанной, чуть отстраненной, позиции, автор снискал уважение и любовь людей, привыкших мыслить самостоятельно, без оглядки на авторитеты.

Евгений Ключев по профессии лингвист – и этим ничего не сказано. Обычно человек, знающий о буквах, словах и предложениях все или почти все, теряет к ним всякий интерес: его книги только кажутся живыми, и то лишь на первый взгляд, потому что за колоннами выверенных фраз не видно ничего, кроме отстраненного любования собственной техничностью. Евгению Ключеву удалось сохранить в своей душе искренний интерес к тому, что он пишет. Он вовсю наслаждается сюжетом, каждым его поворотом, каждым виражом, он позволяет героям самовольничать и диктовать себе условия, потому что они, герои эти, совсем живые, настоящие, такие настоящие, что автор и сам, залюбовавшись ими, то и дело появляется на страницах своих книг, чтобы принять участие в игре. Он морочит порой голову не столько читателю, сколько самому себе, он живет в своих книгах, а не играет в солдатики, переставляя с места на место стройные шеренги одинаковых букв...».

Евгений Ключев – один из самых неординарных сегодняшних русскоязычных писателей, автор нашумевших романов, живущий в Дании, – герой этого интервью...

– Евгений Васильевич, расскажите, если не возражаете, о причинах вашей эмиграции в Данию.

– У меня не было эмиграции как осознанной стратегии, а стало быть, и причин для эмиграции не было. У меня был – и остается – интерес к другим странам... и в Данию я приехал просто в гости. Вообще говоря, я ведь так и не считаю себя эмигрантом и очень не уверен в том, что когда-нибудь мне понадобится эта характеристика. Для себя я решил, что нахожусь в долгом путешествии.

– Когда вы почувствовали, что привыкли к этой стране?

– Я, видимо, не привыкаю к странам. У меня не было привычки к России – не возникает и привычки к Дании... Судя, во всяком случае, по тому, что я не переставал и не перестаю удивляться происходящему вокруг меня. Тем, собственно, и живу.

– Что вам наиболее симпатично в местных жителях?

– Пожалуй, именно отсутствие в них – на мой взгляд – каких-либо сильно бросающихся в глаза местных признаков, заставляющих приезжего подстраиваться под определенную форму поведения. Я живу в том же

европейском пространстве, что и прежде, – и от меня, слава Богу, не требуется внутренней трансформации.

– Ощущаете ли вы разницу в менталитетах?

– Пожалуй, нет. Иногда я ощущаю разницу в приоритетах, но эта разница едва ли обусловлена национально, скорее всего, она представляет собой результат сознательного выбора предпочтений на данном этапе исторического развития страны.

– Что такое, по-вашему, «русский менталитет»?

– Я стараюсь не пользоваться категорией «менталитет» вообще, поскольку не очень хорошо представляю себе ее смысловые границы. Если вы спрашиваете меня о том, что отличает русского от нерусского, то я, наверное, скажу так: то же, что отличает, например, француза от китайца или туркмена от гренландца, – исторический опыт. Иными словами, некий специфический объем исторической памяти. В памяти русского человека заложены, скажем, принятие христианства, татаро-монгольское иго, последующие войны и революции... – все то, через что не выпало счастья/несчастья пройти каждому народу и что, в конце концов, сформировало особый – в данном случае русский – способ приспособления к действительности. А именно способ приспособления к действительности, как мне кажется, и отличает разные народы друг от друга.

Впрочем, о принципиальных отличиях здесь речи идти не может. Я никогда не взялся бы характеризовать один народ как, допустим, «идеалистический»/ «альтруистичный»/ «интеллектуальный», а другой – как «практический»/ «эгоистичный»/ «поверхностный» и т.п. Ни один народ на протяжении всего времени своего становления не существовал настолько изолированно, чтобы развить в себе какие-то совсем крайние признаки, – отсюда и так называемая общность базальных национальных черт. Что касается отличий, то я бы назвал их весьма и весьма тонкими градациями одних и тех же признаков «человеческой расы», описание которых требует невероятной осторожности, поскольку тут уж приходится держать в руках просто аптекарские весы. Среднестатистический русский (а есть ли такой?) на этих весах окажется чуть более эмоциональным по сравнению с датчанином или немцем, с одной стороны, но зато чуть менее честным – с другой. Но, к счастью, я не аптекарь.

– Как вы относитесь к такой идее, что наш мир – это как бы отражение другого реального мира, прекрасного и чистого. А творческие люди просто умеют видеть и подчеркивать «лучики» того мира, которые пробиваются к нам?

– Как к одной из самых старых разновидностей романтического описания отношений между искусством и жизнью. За описанием этим стоит представление об искусстве как форме деятельности, направленной на изменение – «исправление» – жизни, на приведение ее в соответствие с «должным». Но, вообще говоря, определять «должное» есть задача властей,

а не искусства. Их же, властей, обязанность – применять исправительно-карательные меры по отношению к тем, кто не ориентируется на «должное».

Что касается искусства, то ему подобные обязанности приписывать просто опасно, хотя искусствоведы, увы, именно так часто и поступали. Это как раз благодаря им искусство стало рассматриваться в качестве своего рода «нормативной реальности»: делай так, как учит искусство, – и будешь прав. Мало какая из человеческих мыслей принесла людям больше несчастий...

Да и сам по себе взгляд на искусство как на отражение того мира оставляет не слишком много иллюзий по поводу мира этого... в то время как мне, вообще говоря, хотелось бы оставить за собой право формировать мир, в котором я живу. И тут я, поверьте, делаю все возможное, чтобы мир вокруг меня был «прекрасным и чистым». Думаю, что так же поступают и другие.

– У какого писателя больше шансов остаться в литературе?

– Я, видимо, не возьмусь рассуждать о механизмах писательской популярности – ни среди современников, ни среди потомков. И не возьмусь прежде всего потому, что так же мало доверяю вкусу первых, как и вкусу последних: быть потомком не означает для меня непременно иметь более совершенный литературный вкус. Поэтому я, кстати, не уверен и в том, что «остается в литературе» всегда самое лучшее, – иначе, например, не было бы такого понятия, как «неведомый шедевр».

Но в любом случае я полагаю, что тем, кто пишет, задумываться о подобных вещах ни к чему – как ни к чему и радоваться собственной популярности или сокрушаться по поводу отсутствия таковой. Первое означало бы для меня попасть в рабство к собственному «успеху», второе – в рабство к собственной «непризнанности»... ну, и – отныне не столько писать, сколько соответствовать отведенной тебе роли.

Что касается меня самого, то мне вполне и вполне хватает время от времени возникающего у читателей интереса к написанному мной, а вот «останется» ли оно в литературе... видите ли, я даже не знаю, хочу ли я, чтобы осталось. Когда дзэнские монахи навсегда считают маленькими метелочками только что выложенный ими ковер из цветного песка, дабы показать бренность всего существующего, – это ведь тоже позиция.

– Утверждается, что на писателя нельзя выучить...

– Выучить, по-моему, можно на кого угодно – и в каждой стране существует что-нибудь вроде литературных курсов. Другое дело, что никакой диплом сам по себе не гарантирует высокого уровня владения соответствующими профессиональными качествами. В этом смысле плохой врач и плохой писатель – одинаково унылые явления. Впрочем... первое опаснее второго – хотя бы потому, что встреча между плохим врачом и плохим писателем явно не имеет перспектив закончиться в пользу второго.

– Каковы ваши литературные приоритеты?

– В зависимости от того, что понимать под приоритетами. Если это те имена, на которые я ориентируюсь, то... наверное, их нет. Я никогда не

ставил перед собой задачи «писать как N», да оно и невозможно. Если же вы имеете в виду писателей, чьи книги я предпочитаю книгам других, то это те писатели, которых я время от времени перечитываю – по третьему, четвертому, пятому разу. Их не так много: Лесков, Платонов, Булгаков, Бабель... – просто чтобы обозначить направление моих литературных пристрастий. Иными словами, писатели, сама языковая фактура книг которых дает мне возможность «забыть» о том, что передо мной уже читанный-перечитанный текст. И тут уж я иду по тексту совсем медленно – испытывая радость от встречи с каждым речевым оборотом, который я проглядел при последнем прочтении.

– Многие в эмиграции начинают писать. Поэзию, прозу. Как вы считаете, в чем причина этого массового стихотворчества и писательства...

– Может быть, в потребности как-то «красиво закончить» свое пребывание в прежнем пространстве жизни: ведь понятно, что, эмигрируя, некоторые тем самым подводят черту под своим «российским прошлым»... Наверное, отсюда и желание как-то обобщить полученный ранее опыт. Есть люди, которые начинают писать в старости, есть и такие, кто начинает писать после только что пережитого сильного потрясения – это, по-моему, явления одного и того же порядка. И объясняются они (хотя, конечно, только отчасти) желанием вербализировать впечатления, которым вдруг приписывается новая ценность. Ну, и... что же, это ни в коем случае не предосудительная мотивировка.

– Пользуетесь ли вы понятием «литература эмиграции»?

– Этим понятием я не пользуюсь: может быть, потому, что однажды слишком буквально понял прустовское «с писателем следует быть знакомым только по его произведениям». Когда я читаю книгу, мне обычно не требуется никаких сведений извне – в частности, безразлично и то, где живет писатель: в Вологде или в Санкт-Петербурге, в Канаде или в России, – на качестве книги как таковой это не может сказываться. Другое дело, что есть писатели, превращающие собственную эмиграцию в главную тему своего творчества... тогда мне этого обычно многовато: все равно как читать романы о сапожном мастерстве, написанные сапожником.

– Как вы определяете литературное мастерство?

– Я его не определяю, видя его как одну из «неуловимостей» искусства. Да и право определять такие категории у меня не обязательно должно быть: его, это право, надо очень и очень заслужить. Не думаю, что я уже заслужил.

– Везение ли для художника быть состоятельным? Спрашиваю потому, что, как правило, такое нонсенс...

– Так ли уж часто в человеческой истории художник имел высокий социальный статус? Крайне редко, в то время как чиновники – всегда. Необходимое условие для получения высокого социального статуса – быть выразителем господствующей политической доктрины, что, кстати, обычно влечет за собой материальное поощрение: только в эту сторону данный

механизм и работает. Но в этой стороне от художника в художнике, как правило, остается уже не так много. В том-то, как все мы хорошо помним, и была трагедия так называемых придворных поэтов, писателей, музыкантов, живописцев... но речь у нас, как я понимаю, не о них.

- Как вы думаете, обязаны ли находиться в гармонии личность и ее творчество, или дисгармония скорее может поспособствовать созданию «шедевра»?

- Не знаю, может ли вопрос быть поставлен таким образом: слишком уж в разных системах координат следует искать повседневное «я» писателя, с одной стороны, и его художественное «я» - с другой. Отношения между этими двумя «я» напоминают отношения между актером и ролью, но, не углубляясь в данную аналогию, я просто позволю себе сослаться на новеллу Борхеса «Два Борхеса», заканчивающуюся, как известно, признанием: «Я не знаю, кто из нас двоих пишет эти строки».

- Ваша книга «Между двух стульев» - пожалуй, самая известная. Она постоянно переиздается. И все равно исчезает с книжных прилавков молниеносно. Казалось бы, ну все - уже напечатано нужное количество «стульев», всем хватит. Ан нет! Снова и снова появляются те, кому не хватило книг, - причем всякий раз это новые читатели. Удивляет фабула: вы отправили молодого человека по имени Петропавел прямо из его комнаты гулять по Чаще всего. И в ней, как в Зазеркалье, все не так, как в жизни. Но именно там, пообщавшись с дюжиной удивительных существ, главному герою предстоит понять то, что он не в силах осознать в реальности. А когда вы почувствовали себя... знаменитым?

- Видимо, я не помню: чувство это, скорее всего, не было ни острым, ни мгновенным... если вообще было. Потому что обо всем таком я время от времени читаю в газетах и журналах или слышу от моих друзей и знакомых, но и тогда мне кажется, что это не обо мне.

- Как выглядит ваш обычный день в Дании?

- С девяти до трех на работе, дома - около четырех-пяти: в зависимости от того, сразу ли отправляюсь домой или заезжаю куда-то. Ну и... - если нет каких-нибудь срочных дел - остаток дня за компьютером, с перерывами на прогулки (это когда надо всерьез о чем-нибудь думать: иначе чем на ходу не умею), на чтение и на телевизор (обязательно новости, в девять часов, и, если повезет, - хороший фильм, что, кстати, очень большая редкость).

- Простите за нескромный вопрос: чем вы зарабатываете на жизнь?

- К счастью, не литературой (этого я не делал никогда), а - как вы бы, наверное, определили это - «чиновничеством»: я отвечаю за все административные аспекты обучения иностранцев датскому языку при муниципалитете Баллерупа, место моей работы - Лингвистический центр.

- Самая фарсовая ситуация, случившаяся с вами в эмиграции?

- Видимо, все-таки сам факт того, что ко мне относятся как к человеку, находящемуся в эмиграции!

- Самая грустная?
- Думаю, что та же.
- Считаете ли вы вашу эмиграцию успешной?

- Понимать бы мне еще, что такое «успешная эмиграция»!.. Должно быть, успешной надо считать такую, при которой человек чувствует себя эмигрантом. Я не чувствую – ergo: моя эмиграция не успешная... и тут я улыбнусь.

- Есть выражение: мы не эмиграция, мы – русские, выехавшие за границу. Ваш комментарий?

- Создание антонимичности на пустом месте: «русский» и «эмигрант» – понятия не противопоставленные. Эмигранты – то есть люди, уехавшие и уезжающие из России по убеждению и с конкретной целью: поменять ее на другую страну, – составляют среди русских ничуть не меньший процент, чем среди представителей других национальностей. Но есть и люди, чей отъезд никак не связан ни с убеждениями, ни с обозначенной только что целью: это в основном поколение тех, кто воспользовался предоставленной 90-ми годами свободой перемещения и отправился по свету – либо побродить по разным странам, либо в ответ на предложение интересной работы, либо зачем-нибудь еще... Тогда отъезд в другую страну не воспринимался уже как «эмиграция», поскольку не предполагал «прощания навсегда».

- В одном материале о вас написано: «Евгений Васильевич Клюев – писатель, переводчик, поэт, преподаватель, драматург, доктор филологических наук, ученый-лингвист – феноменальное явление в российской литературе. Его знаменитые сказки входят в школьные учебники, а искрометная книга абсурда «Между двух стульев» год за годом занимает верхушки рейтингов крупнейших электронных библиотек, переиздавалась несколько раз и раскупалась в считанные дни.

Держась в стороне от литературной шумихи, никоим образом не продвигая свои книги, уехав даже из России в Данию заниматься социальной и научной работой, Клюев получает круглосуточные овации – от благодарных читателей всех возрастов. Может быть, потому, что Клюев не совсем пишет, Клюев — играет. С героями, с читателем, с самим собой и, главное, – со Словом». Вы действительно играете? И что для вас эта игра?

- В известном смысле – известном, например, культурологам и социопсихологам – все мы играем. Но только в этом смысле я и играю. И мне весьма и весьма отрадно, что в качестве заголовка для интервью со мной журнал «Русский репортер» выбрал из всего, что я наговорил, не абы какую фразу, а очень значимое для меня признание: «В литературе все смертельно серьезно». Даже несмотря на то, что акцент в этом интервью сделан прежде всего на абсурд как одну из моих литературных координат.

- Каков круг ваших читателей в Дании?

- Это в основном дети, для которых три года назад здесь был издан сборник сказок под названием «Истории на ночь» – на датском и немецком,

поскольку издание рассчитано на двуязычных детей, живущих по обеим сторонам границы: в Дании и в Германии. Что касается моих русскоязычных читателей тут, то их, вероятно, совсем мало: я всегда предпочитал не особенно широко распространяться о «литературной составляющей» моей жизни, поскольку не очень – совсем мягко говоря – люблю всякого рода публичность. А Дания, слава Богу, дает возможность выбрать ту форму социального поведения, которая предпочтительна для тебя.

ВОЛНА И КАМЕНЬ

Владимир АВЦЕН
Вупперталь

«КРЫМ И РЫМ» - В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ СЛОВА

На днях мне повезло: я узнал секрет успеха в иммиграции. Надо привезти с собой мешок шерсти...

Секрет этот я вам, дорогие читатели, обязательно раскрою. Но сначала приглашаю вас в машину, которая мчится из Дюссельдорфа в Дортмунд. В ней на творческую встречу с местными художниками едут Августина и Олег Герберы, Марина Белоцерковская, ну и я с диктофоном наперевес.

Мы говорим Герберы, подразумеваем RW-TV

Редактора «Русской волны» - RW-TV - Августину Гербер хорошо знают и телезрители, и читатели «Партнера». А вот имена тех, кто помогает ей делать «Русскую волну», - вряд ли. Обычная ситуация для кино и телевидения. Поэтому понятна та радость, с какой руководитель RW-TV представляет свою свиту, которая, как известно, играет короля.... Включаю диктофон.

- Я бы даже уточнила, - играет с королём! Начну с операторов. Любимец команды, многие годы работавший с самим Владимиром Кобриным Миша Камионский, которого мы приглашаем только на самые ответственные съёмки. Мастер съёмки и монтажа Витя Лурье, с которым мы здесь начинали и очень долго делали все программы вдвоём. Профессиональный видеоинженер и оператор с Питерского телевидения Володя Артемюк, способный в одиночку управиться с ПТСом (передвижная телестудия на несколько камер). Володя Мовшиц, благодаря которому у нас единица надёжности - «один мовшиц». Серёжа Поляков - технарь, рисковавший так никогда в жизни и не узнать, что у него... редчайшая операторская стойка (снимать без штатива - с плеча и над головой). То есть

на сегодня мы уже можем, что называется, по щелчку, поставить за камеры сразу пять-шесть операторов.

Монтажеры!!! Поэты телекройки и шитья: медик Рита Гербер, физик Света Матеха, экономист Дима Жураковский, компьютерщик Саша Шумахер. Переводчики – врач Гидеон Хайтов и юрист Карина Бахмутская.

Я не только ради святой справедливости так подробно о нашей команде. Это уникальное явление совершенно новой реальности – русской культуры в диаспоре, счастливое и обнадеживающее. Мы – живое доказательство того, что нашим творческим людям любых (!) профессий и возраста только дай шанс, только начни учить (что мы и делаем), и они на такое способны!..

Но продолжаю: режиссёр ЦТ Раиса Малова, известная зрителю по молчановской «До и после полуночи», питерская журналистка Лена Щербатова. И, наконец, мой зам и правая рука – абсолютно творческий человек Марина Белоцерковская. Два высших – психолог и биолог, автор пиратских книжек (не в смысле, что издательская нелегальщина, а интеллектуальные флибустьеры) а также известная «что-где-когдашница» и бардесса... и телевизионщица ещё по «той жизни». А ещё коллеги и партнёры – известные московские кино- и теледокументалисты – Игорь Романовский и Эмма Игаунис. Не считая помощников и сочувствующих...

И отдельной строкой – Олег Гербер, наш генеральный продюсер, только благодаря которому мы все вместе и существуем.

Неподдельные тепло и нежность в голосе... Да тот ли это человек, которого Марина Белоцерковская не без оснований, хотя и любя, перекрестила из «главред» и «главреж» в «глав-вред» и «глав-вреж»?!

В Германию Августина Гербер приехала около семи лет назад. За спиной – факультет журналистики МГУ по специальности телевидение и радио. В итоге: годы профессиональной журналистики и – никаких иллюзий по поводу реализации в иммиграции. Поэтому и привезла с собой (внимание, читатель!) мешок шерсти, чтобы «коротать за вязаньем у телевизора остаток жизни». Но уже через полгода она делает на одном из местных телеканалов передачи для русских иммигрантов, а в мае 2005 Герберы создают собственную студию «Русская волна».

RW-TV сегодня – это единственное общественное русское телевидение в Германии с постоянным профессиональным эфиром (кроме, разумеется, коммерческого берлинского, у которого несравнимые финансовые возможности). И это команда, которой под силу работа в любом жанре, будь то собственный эфир, фильм, реклама или клип.

Маленький, но упорный коллектив заметили и германские, и российские коллеги. Два комплекта профессионального съёмочного оборудования и студийный свет – подарок от WDR. А Международная Академия телевидения и радио, возглавляемая такими титанами телемира, как Анатолий Лысенко и Леонид Золотаревский, приняла Августину и Олега в действительные члены Академии.

Участие в первом же для RW-TV международном фестивале прошлым летом в Ереване приносит лауреатство фильму «История в лицах». Другой фильм - «Крым и рым» - становится победителем в обеих номинациях третьего Международного фестиваля документального кино и телевидения «Ялта - бархатный сезон». Именно этот фильм и везут на творческую встречу в Дортмунд его создатели.

Десять дней, которые...

Фильм «Крым и рым» - о судьбе и фантастических путях истории и культуры, о том, как распалась бы связь времён, если бы не чудачки. И еще это фильм о самозваном директоре Алупкинского Воронцовского дворца-музея Щеколдине, который дважды спас его от разрушения - сначала чекистами, а потом фашистами. За что... Нет, не стану пересказывать то, что лучше видеть. А ведь этот замечательный без преувеличения фильм мог запросто не появиться на свет. Словно кто-то испытывал его создателей на прочность. Были здесь и смена темы на полном ходу, когда оказалось, что того, за чем приехали на съёмку, на деле не существует. Были и операторские проблемы, и... Впрочем, лучше об этом из первых уст.

- Что я точно привезла из Ялты, так это свою давнюю идею снять фильм о народе, разошедшемся со своей историей и культурой. К которой крымская земля, кстати, особо располагала. Кометой проносились здесь волны истории, бесследно испепеляя всё живое, и каждый раз - всё с нуля... В общем, философская, неснимабельная, как мне казалось, тема. Плюс судьба Щеколдина, пару интервью и кое-какие пейзажи и интерьеры. Вот на этом мы с Мариной Белоцерковской и засели за работу, и постепенно стала «обрастать мясом» идея, вырисовываться сценарий, строиться режиссура. Но через месяц, когда фильм был практически готов, сгорает наш студийный компьютер, а вместе с ним и результат труда всей творческой группы! Мы уже были готовы отказаться от участия в фестивале, но его организаторы в виде исключения разрешили привезти фильм прямо к открытию. Последние десять дней мы в прямом смысле дневали и ночевали в студии. Закончили за 40 минут до самолёта! И уже в Ялте обнаружили, что у фестиваля, кроме нашей номинации «Взгляд с другого берега», есть еще одна - «Жизнь замечательных людей». И что наш «Крым и рым» идеально подходит под обе. В общем, его порознь оценивали два независимых жюри и оба единогласно присудили победу. Через три дня фильм уже показали по украинскому телевидению, а потом отрывки с разговорами. Ну и, разумеется, интервью для телеканалов и прессы.

Мешок шерсти в гараже

- Августина, от тебя я услышал чью-то шутку про то, что телевидение имеет свою огромную аудиторию, а надо ее не иметь, а просвещать и развлекать. А какие задачи у вашей «Волны»?

- Вообще-то это была не шутка, а такое вот представление нашего фильма на Ереванском фестивале бывшим главным редактором программы «Время» и с тех пор уже нашим добрым другом Виктором Любовцевым. Концепт же канала у нас принципиально эгоистический. Мы делаем то, что интересно и полезно нам и таким же людям, как мы сами, которые живут здесь, растят детей и боятся, что их дети с чужим языком уйдут в чужой мир. Хотим помочь себе и нашим зрителям найти и не потерять себя, а также рассказать, что среди немцев много людей, которые очень интересуются нашей жизнью и культурой и по долгу службы, и по личному душевному влечению готовы прийти на помощь. Что и делают!

- Вас смотрят пока что только в двух германских городах - Дортмунде и Эссене. Не мало ли? И нет ли желания выйти на немецкого телезрителя?

- Мало! Но, знаешь, когда нас принимали в Академию, а я старалась объяснить почтенным академикам, сколь мы малы и, мягко говоря, нетипичны, то, кажется, Лев Николаев (канал «Цивилизация») произнёс: «Вы - существуете!» Конечно, мы за расширение аудитории, и, уверена, со временем это произойдёт. Пока же есть проблемы. Телевидение - дело совершенно особое, и хотелось бы, чтобы хотя бы наши люди это осознали. А вот ты знаешь, что бывших советских только в нашей земле Северный Рейн - Вестфалия 780 тысяч?! И если бы каждый из них прислал нам всего один евро в год (!), мы бы все имели круглосуточный земельный русский канал с русской и немецкой звуковыми дорожками, о чём нас уже давно просят. Германское телевидение не против сотрудничества, но для этого надо переводиться на идеальный немецкий, что нам пока не по карману. Впрочем, несмотря на это, если мы считаем, что передачу должны увидеть немцы, переводим. Пока же расширяем свою аудиторию за счёт таких вот творческих встреч, на какую мы сейчас с тобой едем в Дортмунд, за счёт участия во всевозможных фестивалях, распространения дисков со своей продукцией.

- И последний вопрос. Что с мешком шерсти, который ты привезла в иммиграцию?

- Да валяется где-то в гараже... Здесь, в иммиграции я поняла: у нас огромная свобода выбора. Можно жить прошлым, жаловаться, стенать и обижаться. Можно - будущим, в чём у нас огромный опыт по прошлой жизни. А можно - настоящим! И искать пути реализовать себя в том, что любишь и умеешь. Лично у меня был выбор: провести остаток жизни либо по эту, либо по ту сторону телеэкрана. И я выбрала.

В общем, «мы выбираем, нас выбирают»...

Спасибо тебе и твоей большой «Семейке» за дружеские интервью и любознательность и, на всякий случай, наши контакты: 0211 9723766, 0179 4864899

E-mail: rwtv@gmx.de

ВЕРНИСАЖ

Виктор КУЩЕНКО.

Донецк

Родился в 1988 году. Окончил Донецкую художественную школу. Студент четвёртого курса Архитектурного факультета Донбасской Национальной Академии Строительства и Архитектуры. Увлечения: художественная керамика, живопись, графика, граффити. Работы выставлялись в Макеевском художественном музее. Лауреат международного керамического фестиваля в селе Опошня (2006, 2007).

Николай КУЩЕНКО
Донецк

Родился в 1984 году. Архитектор. Окончил Донецкую художественную школу. Увлекается скульптурой и аэрографией. Работы выставлялись на выставке в Донецком художественном музее.

ОНИ СОШЛИСЬ

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ
Бохум

ТЫ НУЖЕН ВСЕМ
Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мысль выдать свою маму замуж пришла в очередной раз Володе во вторник вечером, после звонка из милиции.

Допрыгалась, добегалась по митингам и пикетам мамочка! Уже платили ведь штраф — мало!

— Володя, я из милиции звоню, — мама говорила смущенно и чужим голосом. — Меня тут, возможно, оставят на несколько дней. Ты не переживай... Суп — в холодильнике, картошка есть, минтай жареный... И позвони на работу, если что... — Она заторопилась и уже собственным

голосом добавила: — Будь умницей, Вовик, води себя в школе хорошо! С контрольной у тебя как?

Но разговор прервался, поэтому мама так и не узнала, что у него-то с контрольной все в порядке -- не то, что у некоторых мам. Володя долго еще сидел в прихожей у телефона, перебирал знакомых мужчин — за кого из них можно было бы выдать маму замуж, чтоб успокоилась.

* * *

Вообще-то мужчинам мама нравилась. Даже очень. Вид у нее был молодой и несерьезный. Володя это с удивлением обнаружил давно.

Года четыре назад, когда он перешел во второй класс, мамина поликлиника наградила их путевкой в Анталью. Там уж на морском турецком берегу, на пляже, некоторые только и делали, что без конца хотели с ней познакомиться. С первого дня, даже с первого часа.

Едва они, не раскладывая вещи, прибежали из отеля на пляж, только сели на мокрую теплую гальку у самой воды, как сразу подошел к ним загорелый веселый молодой дядька, сел рядом с Володией, обнял его слегка и попросил:

— Познакомь-ка меня со своей сестренкой!

Володя обрадовался, что маму называли сестренкой, и давай знакомить. Если бы не мама, все подробности их жизни выложил бы.

Но мама посмотрела своим строгим взглядом и неожиданно поднялась.

— Пойдем, Вовик, для первого раза хватит, нам вещи надо раскладывать.

— Вы меня возьмите в помощники, я вам помогу, — обрадовался мужчина. — Правда, Вовик?

— Мама, возьмем дяденьку, — начал было просить и Володя.

Только мама посмотрела на сына как на ненормального и, не оглядываясь, потащила его к выходу с пляжа.

Потом-то он понял глупость своего поведения.

* * *

Мама не такая уж и легкомысленная, как может показаться. Она, между прочим, лучшая медсестра в их детской поликлинике. Ее фотография висит на доске "Наша гордость", там, где регистратура. Володя на нее всегда смотрит, когда получает карточку.

К ним домой звонят днем и ночью — кто умоляет научить банки ставить, кто точечный массаж. И мама сразу срывается, бежит по адресу. Цветы, конфеты ей почти каждый день дарят. Зря она своими митингами увлеклась. Особенно, когда их не разрешают. А мама как раз на такие и бежит. Если милиция не разрешает, значит, так надо. В милиции лучше знают, что можно, что нельзя.

* * *

Как-то раз он ей сам об этом сказал. Серьезной ведь женщиной могла бы стать, сын взрослый — пятиклассник, а она по митингам бегает, ведет себя как девчонка.

Но мама на это только расхохоталась. А, отсмеявшись, проговорила:

— Ты, Вовик, будто диктатор какой. Тебе лишь бы начальство слушались и думали одинаково.

* * *

Сколько знакомых не перебирай, а женихи все те же — новых нет.

Первый раз Володя хотел выдать ее замуж за своего друга, Анатолия. Эту мысль и сейчас еще иногда он обдумывает. А что — Анатолий в июне институт кончает. И по виду он большой, взрослый, повзрослее мамочки. Подумаешь, младше на несколько лет. Володя тоже младше Анатолия на девять лет — а ведь дружат же, нормально.

* * *

С Анатолием Володя познакомился в первом классе первого сентября на первом уроке, когда учительница повела их на экскурсию в туалет.

Конечно, не только в туалет ходили они тогда. Осторожно, на цыпочках, взявшись за руки, прошли они по школьному коридору, слушая из-за закрытых дверей громкие учительские голоса. Подошли к кабинету директора, к учительской, к столовой, а уж потом к туалету для девочек и к туалету для мальчиков. Там Володя на минуту и задержался. А когда выбежал, то увидел, как по парам, взявшись за руки, все сворачивают за угол. Он, стараясь не топать, догнал их, пристроился сзади, вошел со всеми в класс, даже обрадовался, что сразу нашел свой стол — третий у стены, не то, что некоторые путались. И вдруг к этому же месту подскочил какой-то злой первоклассник и стал Володю отпихивать. Володя тоже пихнул его, но увидел, что все почему-то удивленно на него глядят, а некоторые даже смеются. Взглянул Володя на учительницу и с ужасом понял, что не та она — высокая, толстая и старая. А у них была — стройная и молодая. Учительница как раз начала его спрашивать о чем-то строгим басом, но он, с ужасом обнаружив, что пристроился к чужим и с ними зашел не в свой класс, бросился к двери, выскочил в коридор и, теперь уже громко топая, побежал опять в туалет. Ясно, что там его никто не ждал. Было там пусто, пахло свежей масляной краской, из кранов капала вода.

Володя понял, что окончательно потерялся, что класс свой он никогда уже теперь не отыщет и, отчаянно заплакав, вышел в коридор. Тут он и наткнулся на высокого то ли молодого учителя, то ли взрослого ученика, который нес связку длинных деревянных указок.

Этот то ли учитель, то ли ученик сразу все понял, своим платком вытер ему лицо и повел за руку по школьным коридорам. Он сам сказал, что зовут

его Анатолий, что учится в десятом "в". И подвел Володю к двери первого "в". Приоткрыл ее, извинился и только стал спрашивать учительницу, не потерялся ли у нее ученик, как Володя обрадовано подскочил к своему месту.

* * *

На другой день в перемену Анатолий сам нашел Володю. Володя уже освоился, уже бегал по коридору наперегонки с одноклассниками. Анатолий спустился к нему со своего этажа — кабинеты старших классов были наверху, и постоял с ним несколько минут, поразговаривал.

Для Володи это были минуты гордости, счастья. Ни к кому из их класса не приходили выпускники. И Володя настолько расхрабрился, что громко спросил:

— А ты усы сам бреешь или в парикмахерской?

У Анатолия, и правда, пробивались темные усы. Но как потом выяснилось, он не брился еще ни разу и лишь после этого вопроса попросил у родителей деньги на бритву.

— В первом классе я тоже мечтал о старшем друге, — сказал Анатолий Володе. — И во втором классе и в третьем. Я был совсем один, поэтому меня часто обижали. А в четвертом я стал здорово расти, занялся айкидо, и сам стал всех защищать. А еще решил, что обязательно возьму себе в друзья первоклассника. Если хочешь, можешь считать себя моим другом. Человек должен расти в ощущении безопасности и должен знать, что нужен всем.

* * *

Вообще-то отец у Володи когда-то был. Только они друг о друге не знали.

Однажды, Володя тогда учился в третьем классе, он шел с мамой по Невскому, и вдруг около Тассажа мама схватила его за руку, больно сжала, толкнула за столб и приказала тихо:

— Не двигайся! Видишь, мужчина в красные "жигули" садится!

Недалеко от них пожилой, очень серьезный человек открывал дверь у "жигулей" новой модели. И в эту же машину садились невысокая худенькая женщина, взрослая девушка, похожая на нее, а рядом с мужчиной — девчонка, и лет ей было, наверно, столько же, сколько Володе. Девчонка о чем-то весело рассказывала, и все улыбались.

— Это твой отец, — сказала вдруг мама.

Прежде на редкие вопросы об отце мама лишь отшучивалась, да Володя и не задавал их давно.

— Только тихо! Он о тебе не знает, понял? Вообще не знает, даже не догадывается, что ты живешь на свете. А если когда-нибудь узнает, то это принесет несчастье сразу нескольким людям. И мне в том числе, понял?

Володя так и не спросил ни разу маму, с чего бы это известие о том, что он живет на свете, сделает людей несчастными. Но сам часто про это думал.

А через год произошло страшное. Это было недавно, скоро после зимних каникул.

— Вот что, — сказала мама однажды утром. — Ты сегодня в школу не пойдешь и я на работу тоже. — Голос у нее был странный. — Мы поедем на кладбище. Умер твой отец, и там будут его хоронить. Мы постоим в стороне, а потом положим цветы.

Володя по-прежнему ничего не спрашивал, только кивнул.

Мама потом сама добавила, что про болезнь отца ничего не знала, а он, оказывается, лежал в больнице все последние месяцы.

Только вчера вечером случайные знакомые сказали по телефону...

* * *

Автобус мучительно долго тащился до кладбища, и мама нервничала — вдруг они опоздают. Но не опоздали. Группа людей как раз входила на главную аллею. Мама кого-то там узнала, ухватила Володю за руку:

— Это он, да! Пошли!

Они с мамой пошли за людьми, как бы вместе с ними, но и чуть отдельно. Мама держала большой сверток с живыми тюльпанами.

Впереди несли несколько венков, потом на большой каталке везли гроб, обшитый красной материей.

И Володя по-взрослому подумал, что теперь он никогда не увидит отца. А ведь он всю эту последнюю зиму тайно мечтал о встрече.

Володя представлял, как кончит школу, станет взрослым. И вот они встретятся — два взрослых человека. Один молодой, быть может, студент, как Анатолий, другой пожилой. Встретятся где-то почти случайно и разговоятся. Отец неожиданно удивится, какой же Володя умный, как здорово все понимает. И тут нечаянная догадка озарит его сознание. И он, отец, подчиняясь этой догадке-молнии, спросит: "Кто же ваш отец?" А Володя не ответит, он только улыбнется загадочно. Но отец сам все поймет, он взглянет в зеркало на два отражения: свое и Володино, это зеркало как бы скажет: "больше не надо слов". Они крепко обнимут друг друга. Отец, пряча слезы, голосом, полным отчаяния и страсти, станет у них с мамой просить прощения за все. И, может быть, познакомит со своей семьей. Только там никогда не догадаются, что он, Володя, — тоже сын своего отца. В той семье он появится как таинственный друг, хороший знакомый.

Примерно так представлял Володя будущую встречу с отцом.

Но все. Теперь он отца никогда не увидит. Никогда.

Вокруг выкопанной могилы были кучи снега и мерзлой земли. Мужики в ватниках опустили гроб на длинных веревках в яму. Та самая худенькая женщина, которая садилась в машину к отцу, громко, не стыдясь, плакала.

Володя по этому плачу ее и узнал. И девушка плакала. А девчонка смотрела вниз, на ноги. И мама рядом с ним тоже вдруг заплакала...

На них с мамой некоторые люди как бы незаметно оглядывались. Хотя они и стояли чуть в стороне, чтобы никому не мешать.

Потом, когда могилу уже забросали землей, сделали холмик, накрыли его венками, живыми цветами и отошли, мама с Володией тоже приблизились, развернули газету и тоже положили тюльпаны.

— Вы, извините, кем усопшему будете? — подошел к ним приотставший пожилой человек. — Близкими или так?

И Володя растерялся, не знал, как отчитываться перед этим человеком за цветы и мамины слезы.

— Я интересуюсь, усопшему вы кем будете? — настаивал спрашивающий.

Но мама посмотрела как бы сквозь него, махнула с горечью рукой и проговорила:

— А, бросьте! Разве теперь это важно!

И человек тот смутился, отошел...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Володя продолжал сидеть в прихожей и думал, как поступить с мамой. Потом решил посоветоваться с Анатолием. Только протянул руку к трубке, как телефон зазвонил сам.

— Вов, ты телевизор смотришь? — это был голос Тани Осокиной. — Включай быстрее, маму твою показывают!

Пока он подбежал к телевизору, пока тот включился, от передачи остался лишь кончик.

На мгновение появилось несколько человек и среди них — мама. А потом милицейский майор с забинтованной головой проговорил:

— С нарушителями законности мы поступаем именно так — по закону.

А дальше пошел другой кадр — о городских художниках.

Но и того, что Володя увидел, ему хватило. Ведь эти несколько человек с мамой во главе сидели в отделении милиции, за решеткой. И на них смотрел весь город, потому что показывали их в самой известной программе новостей.

Да уж, завтра в классе повеселятся!

* * *

Даже Анатолию звонить расхотелось. Но только он один мог понять, посоветовать.

Уж сколько раз, начиная с первого класса, спасал Анатолий Володю, сам чаще и не догадываясь.

* * *

Например, еще в том же первом классе сидела на соседней колонке девочка — Таня Осокина. И Володе нравилось на нее смотреть, какая она вся беленькая, и коса у нее толстая, даже пушистая, не то, что у других. И лоб высокий. Говорят, в высоком лбу хранятся большие математические способности.

Володя к ней не подходил, только смотрел иногда во время уроков.

И вдруг девчонки с мальчишками придумали жуткую игру — женить друг друга. Мальчишки тащили по коридору кого-нибудь из своих, девчонки — из своих. Те упирались, но их с хохотом подтаскивали друг к другу и не отпускали, пока они не поцелуются. Некоторые, правда, особенно и не упирались.

Но когда мальчишки схватили Володю, а девочки Таню Осокину — откуда они только узнали его тайну?! — когда потащили их навстречу, Володя понял, что лучше умрет, чем приблизится к ней, к Тане Осокиной. Он попытался растолкать всех, вырваться, но его крепко обхватили за руки. Тогда он решил упасть на пол, но его все равно потащили, с волочащимися ногами, с рубашкой, вылезшей из школьных брюк. И тут он увидел Таню, которая тоже вырывалась изо всех сил. А те, кто тащили — и девчонки и мальчишки — хохотали. И только они с Таней смотрели друг на друга с ужасом, и Володя чувствовал, что Таня ждет от него помощи, спасения. Да-да, это он должен был спасти их обоих. Но только как? Ведь и его волокли за руки и за ноги к ней навстречу.

Что произошло бы дальше — Володя представить не мог. Знал одно — такого общественного позора он бы не перенес.

И в эти секунды в их коридоре появился Анатолий. Мальчишки, конечно, Володю бросили, разбежались. И девчонки тоже оставили Таню.

Анатолий же всего-навсего принес книгу писателя Рони-старшего "Борьба за огонь", которую специально взял для него в районной библиотеке.

* * *

Но в дружбе двух людей бывают не только радости, бывают обиды и злоба. И важно не поддаваться этой минутной злобе, пересилить ее, иначе оскорбишь своего друга так, что и не восстановишь дружбу, как бы этого ни хотел.

Володя тоже однажды, в своем первом классе, подошел к Анатолию, а тот в сторону. Это оскорбило, ударило Володю, и решил он, что Анатолий предал их дружбу. Навсегда. Только что в любой момент Володя мог к нему подойти, только что они были вместе. А теперь Анатолий влюбился и ходил вдвоем с девятиклассницей, с Зинкой Крупиной.

С той самой Зинкой, которая каждую неделю встречалась с каким-нибудь новым старшеклассником, которая потом несколько лет мучила несчастного Анатолия, а теперь сама так красиво от любви к нему страдает.

* * *

Знакомство Анатолия с Зинкой происходило на виду у всей улицы: Зинка упала Анатолию в руки. Ясно, что не с неба — с неба только парашютисты падают и метеориты. Да иногда самолеты.

Володя и Анатолий шли по улице, Анатолий говорил про новгородского князя Вадима, который не подчинился Рюрику и затеял против него смуту. А в эти минуты Зинка в своем доме выскочила на лестницу поболтать с подругой и у нее захлопнулась дверь. А за дверью на кухне готовилось праздничное угощение, и в духовке пекся пирог, потому что вечером у Зинки был день рождения. Ей исполнялось пятнадцать.

Дверь захлопнулась, Зинка была на лестничной площадке, и угощению грозила гибель.

Тогда Зинка решила перелезть с балкона соседки на свой балкон. Человек она была отчаянный, в этом Володя недавно снова мог убедиться. Но тогда ей не повезло. А может быть, наоборот, повезло очень. Потому что в ту секунду, когда она сорвалась, и все люди, бывшие поблизости, ойкнули, Володя и Анатолий проходили как раз мимо ее балкона. Зинка падала со второго этажа, но летела вниз спиной и здорово бы разбилась. Анатолий ее поймал. Недаром у него была спортивная реакция. Он ее поймал и немного подержал на руках, слегка покачиваясь и озираясь по сторонам, словно раздумывая, куда бы ее поставить. На самом-то деле, Анатолий потом сознался Володе, что когда он принял ее падение на себя, он с трудом ее удержал и с трудом сам удержался на ногах и чуть не застонал от боли.

А Зинка настолько одурела во время падения, что тоже не разобрала, кто ее держит — взрослый человек или школьник, только сильно большой и широкоплечий.

— Спасибо, дяденька, — сказала она, обнимая его, а потом добавила: — Извините, пожалуйста.

Анатолий смутился, стал её ставить на ноги, а она вдруг попросила:

— Подсадите меня, пожалуйста, на балкон. У меня пирог горит.

И Анатолий снова поднял ее в воздух на вытянутых руках. Она зацепилась за перила своего балкона, перебралась через них, открыла дверь в комнату и уже из дверей победительно улыбнулась, а потом крикнула:

— Приходите сегодня на день рождения! Квартира семь.

Она, конечно, не всерьез пригласила. Просто разглядела, наконец, что Анатолий никакой не "дяденька". Но Анатолий пришел и впервые в жизни принес в подарок цветы.

* * *

Через несколько дней после этого приключения подошел Володя к школе, чтобы Анатолия встретить и вместе до его дома пройти, про князя Рюрика еще поразговаривать, и видит: Анатолий вместе с Зинкой из школы выходят. Идут, весело болтают, Зинка цветную варежку в руке несет.

— Анатолий! — закричал Володя через всю улицу.

Только тогда они и остановились.

— Тебе что? — спросил Анатолий, как будто чужой.

А Зинка его уже нетерпеливо за рукав дергает и в лицо заглядывает.

— Анатолий, пойдем со мной. Ты мне про князя Рюрика еще расскажешь... — заговорил Володя. Он уже предчувствовал, что не с ним пойдет Анатолий, но не хотел поверить в это.

— Мальчик, отойди, пожалуйста, нам некогда, — оборвала его Зинка. — Толик, пойдем.

Она произнесла последние слова командирским голосом, и Анатолий послушно пошел, только сказал виновато:

— Про Рюрика я тебе потом обязательно расскажу.

* * *

Анатолий не догадывался, что с того дня начнутся его мучения. Потому что Зинка то сама ждала его теперь после уроков, то, дернув плечами, уходила от него посреди улицы. То шла, вслушиваясь в каждое его умное слово, заглядывая в лицо, словно собачка, а то не приходила в назначенное время к театру, а когда Анатолий звонил ей домой, отвечала измененным голосом, что дома ее нет. А потом вдруг, назло Анатолию, начинала прохаживаться мимо его окон с какими-нибудь старшеклассниками.

* * *

Однажды Володя застал Анатолия плачущим у чердачной двери. Володя туда поднялся с первоклассником из чужого класса, чтобы подраться по-настоящему, но, увидев Анатолия, и драться расхотел. Да и первоклассник сразу превратился из врага в друга.

Анатолий стоял, уперевшись лбом в металлическую дверь, и негромко стонал. Володя, конечно, понял отчего, точнее, из-за кого он стонет.

— Это он из-за Зинки Крупиной! — шепнул Володя недавнему врагу, и тот понятливо кивнул.

— Не могу я без нее жить, не могу! — простонал Анатолий.

Уже две недели оскорбленный Володя не подходил к Анатолию. Две недели, проходя мимо, насильно отворачивал голову, чтобы смотреть мимо. А потом понял, кто во всем виноват. И возненавидел ее — Зинаиду Крупину.

— Володя, — проговорил Анатолий, не поворачивая головы от металлической двери. — Передай ей, пожалуйста, записку. И пусть обязательно напишет ответ. Я больше так не могу.

Записку они с первоклассником сразу прочитали. Как только спустились в коридор. Ничего такого там не было. Всего одно предложение.

"Зина, прошу тебя, приди, пожалуйста, к нашему месту, очень прошу".

— Давай припишем, чтоб знала, как Анатолия мучить, — сказал Володя чужому первокласснику и шариковой ручкой дописал:

"А будешь Анатолия еще мучить, ноги повыдергиваем".

Эту записку они отнесли Зине, найдя в расписании ее класс.

— Сказал, чтоб ответ обязательно дала, — хмуро, с угрозой в голосе, проговорил Володя. А сзади него стоял такой же хмурый другой первоклассник.

Зина прочитала записку, зло рассмеялась и, проговорив: "Ах, ответ!" — коротко что-то написала на их записке.

Ясно, что при ней читать ответ они не стали, прочли только, когда вышли на лестницу.

"Идиот!" — было написано наискосок.

Володя, уже один, поднялся к чердаку. Анатолий стоял там по-прежнему.

— Идиотка она какая-то. Взяла записку и съела. Я говорю, ответ пиши. А она — не на чем, и глотает записку.

Странно, но это вранье Анатолия вдохновило.

— Съела? — переспросил он почти восторженно.

— Ага, целиком. Как в книжке "Пакет". Знаешь?

Они спустились в коридор вместе. И было Володе радостно, потому что возобновилась их дружба.

— У тебя сегодня сколько уроков? Давай, я тебя после школы встречу. Ты мне еще про Рюрика недорассказал.

— Встретишь сегодня, и я расскажу, — пообещал Анатолий.

Но когда Володя, сделав дома письмо, снова вернулся к школе, то увидел, как Зинка опять уводит Анатолия в другую сторону.

Давно это было, будто в другой жизни. Володя тогда учился в первом классе. А сейчас...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уж сколько раз набирал Володя номер Анатолия в этот вечер, но не было его дома!

Зато звонили другие люди.

— Володя, ты только не пугайся, мальчик! Ничего такого страшного нет, просто мама твоя немножко в милиции. — Это была мамина знакомая, Полина. — Ты отвечай, слышишь! Или испугался?

— Нет, не испугался. Немножко — это как?

— Просто, мама твоя поживет в милиции и вернется. Сейчас надолго не задерживают. Она обязательно вернется. А если не вернется, мы тебе помогать будем, станем суп варить. Так что ты не пугайся.

Ничего себе "не пугайся".

Потом позвонила другая мамина знакомая:

— Вовик, привет! Мы вместе с твоей мамой были. Только что из милиции. Нас двоих отпустили, потому что мы в первый раз попались, а мама твоя — она нечаянно майора уронила. — Мамина знакомая говорила быстро, прямо захлебывалась от радости. Ей-то хорошо, она на свободе, а мама где? — Мама твоя майору стала доказывать, что он не прав, он попятился, оступился и голову разбил. Мама его прямо в машине перевязала, пока нас везли в отделение. Так что ее задержали, запиши адрес на всякий случай!

Володя записал адрес. Хотя, что с этим адресом делать — он не знал.

* * *

Собрался Володя поужинать в одиночестве, и тут новый звонок. Он сразу узнал этот строгий, слегка недовольный голос занятого человека, которого отрывают по пустякам. Мамин главврач.

— Здравствуйте, Фомин говорит. Мне, пожалуйста, Людмилу Алексеевну.

— Ее нет дома, что ей передать? — ответил Володя так же, как отвечал всем, спрашивающим маму. Мама еще когда научила его так говорить по телефону.

О том, что мама арестована, говорить не стоило, вдруг главврач не знает, а маму утром отпустят.

— Я, простите, говорю -- с ее сыном? С Владимиром?

— Да, здравствуйте.

— Это вашу маму я сейчас видел по телевизору? Я не ошибся?

Все пропало. Теперь уже скрывать глупо.

— Да, мою маму.

— Дичь какая! У нее завтра с утра десятки больных, а она в милиции дает интервью! Вы не знаете их номер телефона?

Номер Володя не знал, но адресом поделился.

И тут, наконец, позвонил Анатолий. Сам.

— Давай, одевайся, приходи ужинать! Мама твоя скоро станет городской знаменитостью. Адрес-то ее хоть узнал?

— Узнал, — отозвался Володя. — А ужинать я как раз дома буду, спасибо. Потому что надо у телефона сидеть, вдруг она еще позвонит.

— Тоже правильно. Тогда быстро перечисли, что у тебя в холодильнике. Масло, колбаса, яйца есть? Хлеб есть?

— Есть. Все есть, мне ничего не надо.

— Да я сейчас не о тебе говорю. Сделаешь рано утром бутерброды, кофе в термосе и отвезешь маме. Или, давай, я утром приду, помогу. Помочь?

— Не надо, я сам.

— Сумеешь передать, как думаешь?

— Конечно, сумею, — храбро подтвердил Володя, хотя не особенно был уверен, что все получится хорошо.

* * *

Будильник он завел на семь утра. Интересное дело, когда надо проснуться рано, в нем словно и внутренний будильник работал. Он проснулся за пять минут до звонка и сразу вскочил.

Здорово было бы испечь пирожки. Мама вынимает их в милиции, а они еще теплые. "Вот это сын!" — с удивлением сказали бы все.

Он однажды пек под маминым руководством. Но на это ушел вечер. Сейчас времени бы не хватило.

Володя поджарил яичницу, когда сковородка остыла, положил ее между двумя кусками булки. Налил кофе в маленький термос.

Что еще берут для заключенных? Где-то Володя читал, что зубную щетку и теплые носки. Еще он взял полотенце и теплые домашние тапки — не в сапогах же все время сидеть в камере.

Это слово — "камера" — его и напугало и рассмешило. Ему до сих пор казалось, что не с ними это случилось, что не по-настоящему.

Бутербродов он сделал несколько. Наверняка с мамой вместе еще кто-нибудь голодный. Жуткое это дело, когда у тебя еда, а у соседа — нет.

До милиции он доехал в троллейбусе. На плече у него была школьная сумка, в полиэтиленовом мешке — передача.

* * *

У нужного дома стояла машина с красными крестами. Неужели главврач приехал отвозить маму?

И точно: его голос Володя услышал, едва только дверь в милицию открыл.

— Это невероятно, это невозможно представить! Вы думаете, вы наказываете ее? Нет, вы наказываете десятки больных детей! — возмущался главврач.

И его слушал смущенный майор с забинтованной головой, который сидел около таблички "дежурный". Рядом была дверь, такая же железная, как в школе наверху, на лестнице, но у милицейской двери было еще и окошечко с железной решеткой.

"Там, наверно, мама", — подумал Володя.

— Кто им делает перевязки, уколы! Вы? Вы им сделаете сегодня уколы? Я их всех направлю в ваше отделение, вместе с родителями! — продолжал возмущенно говорить главврач.

— Доктор! Не волнуйтесь вы зря, доктор! — пробовал успокоить его майор с забинтованной головой. — Я же сказал, мы ваше ходатайство учтем. Поступим по закону, но ходатайство учтем. Петровская будет отпущена, но штраф ей заплатить придется. Сейчас ее приведут.

— Приведут! — передразнил главврач. — Вы подумали, на что она будет годиться после бессонной ночи? Вы сможете сделать внутривенное грудному ребенку? Я, например, не могу. А она — может. Она — лучшая медицинская сестра. Только не сегодня. И общественное порицание мы ей вынесем.

— Я знаю, знаю, доктор, какая она сестра. — Майор показал на бинт. — Сама голову разбила, сама и перевязала. Вон ее как раз и ведут.

И Володя увидел маму. Она вышла не из-за железной двери, а показалась в боковом коридорчике. Впереди нее шла милицмейская девушка.

— Зря вы меня ведете, — говорила мама девушке. — Я еще раз повторяю, что отсюда не уйду.

Увидев Володю и главврача, мама на секунду удивилась, а потом отвернулась от них, как будто это были не знакомые ей люди.

— Вы, Петровская, свободны, извините, если что не так, — проговорил майор, как будто не слышал маминых слов. — Лучше бы нам с вами иначе встречаться, не здесь. Вот, подпишитесь, — он придвинул какую-то бумагу. — А приглашение в суд для наложения штрафа мы вам пришлем.

— Не уйду я отсюда никуда, — мама не стала расписываться и бумагу отодвинула. — Отпустите девушек, тогда и поговорим. Виновата я одна, а не они. Дайте мне десять минут на свидание с близкими и начальством, а потом я вернусь в камеру.

— Да отпустим мы ваших девушек, сейчас отпустим! — Майор просительно посмотрел на главврача.

— Петровская! Вы немедленно сядете со мной в машину, возьмете у сына завтрак, Владимир тоже сядет с нами, и на работу!

— А девушек ваших мы сейчас отпустим, — повторил майор.

Только тогда мама согласилась уйти из милиции.

— Больше я вас выручать не стану, — сказал ворчливо главврач, когда машина тронулась. — Не понимаю! Серьезный работник, воспитали хорошего сына, завтрак вам привез, а вы?

“Маму бы за него замуж выдать! — подумал Володя. — Он бы ее воспитывал!”

А мама сразу переменилась, как только вышла из милиции.

— Вовик, а ты сам позавтракал? — стала допытываться она. — А вы, Игорь Петрович! Вы меня извините, что я вам неприятности причинила. Но я же из-за детей, для их здоровья устроила митинг. Сколько у нас детей болеют аллергиями, вы же сами знаете, а заводу хоть бы что. Пока его не закроют, я буду митинговать!

* * *

Итак, все заняли свои места. Главврач вошел в кабинет, мама — к больным, которые ее уже ждали, Володя — в класс, а майор с перевязанной головой остался на дежурстве. Только обманул он маму, не выпустил ее девушек. Мама переживала весь вечер, как только ей сказали об этом по телефону. Получилось, что она бросила товарищей, то есть подруг, там, в милиции. Она даже подумала было вернуться туда и требовать, чтобы ее снова заперли в камере.

Но тут ей позвонили какие-то родители, у которых было совсем плохо с маленькой девочкой, и она бросилась к ним.

* * *

Недели через две после того, как мама отсидела ночь в милиции, в субботу вечером в дверь позвонил человек. Он был в обычной куртке с капюшоном, в вязаной шапочке, в руках держал цветы и коробку конфет. Володя, когда открыл ему дверь, подумал, что это очередной чересчур благодарный родитель. И точно — он сразу спросил про маму.

— А где же Людмила Алексеевна прячется? — Человек вытирал ноги и улыбался.

— Мама! К тебе пришли! — позвал Володя.

— Здравствуйте, что-то я вас не припомню. — Мама вышла из кухни, там у нее пеклись пирожки с капустой.

— Майор Титов, собственной персоной. — Человек продолжал улыбаться и протянул навстречу маме букет.

— Какой персоной? — переспросила мама, отодвигаясь от букета.

— Собственной, — смущенно проговорил майор.

Теперь Володя узнал его — это был тот самый майор из милиции, только без бинта на голове.

— Я к вам с неофициальным визитом, так сказать, по-дружески, по-мужски. Очень вы мне симпатичны своей смелостью... — майор не договорил.

— По-дружески? — переспросила его мама. — По-мужски? Тогда я вам отвечу по-женски. — Она выхватила букет и, привстав на цыпочки, неожиданно хлестнула цветами майора по лицу.

Майор не защищался, не прятал лицо, только чуть пятился.

— Неофициально? — снова переспросила мама. — Вот и я неофициально. — И она снова хлестнула букетом, так что цветы все обломались и осыпались на пол. — Вы меня обманули, выставили перед друзьями в идиотском виде. Сказали, что их отпустите, а сами оставили в камере!

Майор снова попятился назад, он уже был на лестничной площадке, а мама продолжала махать перед ним обломком букета.

— Не виноват я! Да послушайте же! Я с дежурства сменился, — пытался оправдаться он.

— Убирайтесь отсюда вон со своими конфетами!

Мама бросила в него коробку, и шоколадные конфеты посыпались на пол. А майор, продолжая пятиться по лестнице вниз, неожиданно оступился и грохнулся головой о ступени.

— Ну вот, — грустно сказал он, медленно поднимаясь, — зачем же вы мне голову-то все время бьете? — Он поднес пальцы к голове, показал их маме с Володей. Пальцы у него были в крови. — А я ведь к вам пришел прощения просить.

— Идите в квартиру, — скомандовала мама. — Сейчас я вам сделаю перевязку, а потом составляйте на меня свой акт.

Майор прошел следом за нею на кухню, сел послушно на табурет и подставил голову.

Мама быстро достала бинт, вату, спирт.

— Придется немного выстричь волосы.

— Выстригайте, — печально согласился майор. — Хоть наголо стригите. Захочешь вот так поговорить по-человечески, а тебе!

Мама отвечать не стала, только принялась.

— Каким-то одеколоном брызгаетесь!

— Естественно, — признался майор, — после бритья.

— Естественно! — передразнила мама. — Запах у него пошлый!

— Не знаю, я им пятнадцать лет освежаюсь, никто не говорил.

Через несколько минут майорский лоб снова пересекала свежая повязка.

— Все. Можете быть свободным.

— А вы, Людмила Алексеевна, извините, пирожки сами печете? — спросил майор, продолжая сидеть на кухонном табурете.

— Нет, шеф-повар гостиницы "Москва", — сказала сердито мама.

— А вы, извините, не позволите мне угоститься? — И майор проглотил слюну. — Я как с дежурства сменился, ничего не ел...

— Угощайтесь, — сказала мама, — только учтите, говорить мне с вами не о чем.

Мама подвинула ему пирожки, взяла чайник.

— Вам покрепче или как?

— Покрепче, пожалуйста, если можно, конечно.

В тот момент, когда она понесла чайник над столом, ручка у него оторвалась и чайник грохнулся, к счастью на пол.

— Теперь чуть не ошпарилась из-за вас!

— Не из-за меня, извините. А из-за ручки чайниковой. Сейчас я вам все закреплю... Отверточку принесете?

— У меня сын есть, он и закрепит. Он уже неделю как обещал.

— У сына свои дела, мальчишеские, а тут... по-мужски.

Он поднял чайник, вылил в раковину остатки кипятка, достал отвалившуюся внутри гаечку и быстро все починил.

— А пирожки у вас очень вкусные. Давно не ел таких теплых...

Но мама продолжала сурово молчать. А когда он съел второй пирожок, потом третий, запил их чаем, она молча пошла в прихожую. Майор тоже пошел за ней, и встал рядом, глядя, как мама замечает остатки букета.

— Вы позволите, Людмила Алексеевна, пригласить вас с сыном на праздничный вечер?

— На вечер? — переспросила мама. — Вовик, ты слышишь, нас этот человек еще и на вечер приглашает! В камере будем праздновать или где?

— Ну что вы так со мной! — обиделся майор. — Это вечер смеха. В доме офицеров. Народные артисты, мастера сатиры и юмора...

— Нет уж, с вами я не пойду. Да и не до смеха мне сейчас... Будьте здоровы!

И милиционер, в который раз печально вздохнув, покинул квартиру.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Два года назад, в конце третьего класса, в апреле, шел Володя из школы, и кто-то сверху его позвал.

— Вовик!

Поднял он голову, оглянулся — Зина! Она стояла в балконных дверях и махала ему рукой.

Уж сколько раз и в первом и во втором классе он ее и прощал и снова ненавидел. В третьем же классе, зимой, Анатолий вдруг успокоился и мучаться перестал. Они с Володей не вспоминали о ней больше, и сразу стало им спокойней.

— Вовик, а я дома сижу. Поднимайся ко мне, ты мне очень нужен! Лови ключи! — и она зачем-то бросила ему с балкона ключи.

Сколько раз он видел ее в школе, сколько раз мимо дома ее проходил, и она его не замечала. А теперь вот — "Вовик! Ты мне очень нужен!"

Он поднял ключи с мокрого асфальта, обтер их рукой и подумал: "Может, их назад забросить?" Очень ему было надо подниматься к ней наверх, когда Анатолий про нее и думать перестал.

— Вовик, поднимайся быстрее, ты очень нужен! Сам откроешь?

Он решил все-таки подняться. И еще не понимал, зачем она ему ключи бросила, могла бы ведь сама отпереть дверь, да и все.

Он долго возился с ее замком, наконец, вошел. В прихожей было темно.

— Вовик, ты раздевайся, проходи! — услышал он голос Зины издалека.

По полутемному коридору, оставив ранец в прихожей, Володя осторожно пошел в комнату, откуда через открытую дверь слышал Зинаиду. Какой еще сюрприз она ему приготовила?

Зина лежала поверх кровати в длинной цветастой юбке, в кофте, одна нога у нее была полностью в гипсе, и сама она радостно улыбалась.

Володя даже подумал сначала, что это она шутит, игру такую придумала.

— А я тебя два дня высматриваю. Двойной перелом, — показала она на ногу. — На лыжах с горы съезжала. Серенада — такое место за Зеленогорском, знаешь, там сколько обломков лыж! Ты не стой, ты садись в кресло и рассказывай.

Володя не знал, про что рассказывать, и немного помолчал. Но в кресло сел.

— Ну, как живешь? Рассказывай. В школе без меня здорово изменилось?

— Здорово, — поддакнул Володя, хотя о том, что Зина сидит дома с ногой, он и не знал.

— Да, без меня, наверно, все не так, — пожалела школу Зина. — А я тут лежу. На минутку встану, потом снова лежу. И нога так под гипсом чешется — хоть плачь! Ну, расскажи, как ты живешь?

— Хорошо, — ответил Володя. Он хотел добавить что-нибудь про Анатолия, как тот готовится в экспедицию искать могилу Рюрика, но не сказал.

— Ты садись, как следует, что ты такой стеснительный — все ежишься! Конфеты в вазе, хочешь? И мне тоже брось. Ко мне из класса приходили — конфет нанесли, яблок. И еще поклонники всякие, — Зина засмеялась. — Знаешь, у меня столько поклонников! Я даже список составила, нечего делать было — и составила. Отмечала, кто звонил. Всех отшила. Буду ходить хромая, тогда посмотрим, какие у них сделаются лица. А тебе кто-нибудь из девочек в классе нравится? — спросила она вдруг, по-прежнему улыбаясь и не отводя от Володи взгляда. — Сознайся честно?

На такой вопрос Володя никому не стал бы отвечать.

— Ага, смутился! — обрадовалась Зина. — Даже покраснел!

— Ничего не покраснел, — стал отговариваться Володя.

— А я на второй год останусь, — сказала Зина беззаботно, — из-за английского и математики. Здорово, да? — В выпускном классе — и на второй! А что, в школе даже интереснее. Историю, литературу — это я дома легко повторяю, вон учебники, видишь? По математике тоже. Один третьеклассник, представляешь — третьеклассник! -- никогда бы не подумала, что такое возможно, он по стереометрии мне объясняет, во смешно! Так что, может, и вытяну. Только английский — никак. Мама хотела репетитора нанять, чтоб домой ходил — так дорого. А весной уже нету репетиторов, их зимой разбирают. Такие, Вовик, у меня дела. А что — "Зинка-второгодница" — звучит, правда? "Это кто там с костылями ковыляет? А, это Зинка — хромая второгодница".

И Володе так ее жалко стало! Если бы он учился не в третьем, а хотя бы в седьмом классе, он этот английский за неделю бы выучил, чтобы потом с

ней заниматься. А теперь оставалось только не поддаваться на ее веселье. Что уж тут веселого, если человек в выпускном классе остается на второй год!

— Ну, ты иди, чего я тебя буду держать. Тебе со мной неинтересно, наверное. Дверь захлопнешь? — И тут Зина не удержалась, спросила, наконец, про Анатолия, — Толян, приветик передавай. Ты про ногу ему не говори, ладно? Просто так скажи: "Привет от Зины". И все.

* * *

Конечно, в тот же вечер Володя сходил к Анатолию и все ему рассказал про Зину.

И хотя Анатолий с января Зинаиду не видел, тут он сразу собрал все, какие были, английские учебники и пластинки и пошел к ней. Володя шел вместе с ним до ее дома.

— Что же она сразу не позвонила, столько времени пропущено! — сокрушался Анатолий по дороге.

Он стал заниматься с Зиной три раза в неделю, а в другие дни Зинаида слушала пластинки с английской речью.

— Она сильно повзрослела за этот год, — сказал Анатолий, когда они с Володей встретились перед первым маем. — А математикой с ней занимается какой-то третьеклассник. Невероятно!

За неделю перед экзаменами у Зины сняли гипс, и она осторожно вышла на улицу. В первый день она прошла не очень уверенно и чуть-чуть. В школе не знали, что с нею делать — отменять у нее экзамены на аттестат зрелости или нет. Тогда Зина позвонила англичанке и по-английски попросила ее с экзаменов не снимать. В назначенный день она пришла и сдала этот экзамен лучше всех! Это Володя знал точно, потому что дежурил в коридоре и сразу побежал звонить Анатолию.

— Очень за нее рад, — ответил Анатолий. — Теперь будет кататься на лыжах осторожнее. — Он говорил о ней, как о посторонней. Как будто это и не он отрывал свое время, чтобы заниматься с нею всю весну.

* * *

Странное дело — любовь взрослых. Они словно больные становятся, когда влюбляются. Володя это даже из книг понял, где написано про любовь. И почему некоторые так любят про нее читать? Володя, если какие страницы про любовь — он сразу пропускает. То ли дело — фэнтези!

Даже милицкий майор — и тот стал как ненормальный после того, как мама отстегала его букетом. Володю бы отстегали — он бы обиделся на всю жизнь. А майор взял и влюбился.

Как Володя выходит из дома, так у парадной натывается на него. Он иногда в форме, иногда без формы. Но всегда с букетом. А то еще и с кожаной коричневой папкой под мышкой.

— А я твою маму ожидаю, — объясняет, — хочу у нее прощения попросить.

— Мама вернется поздно.

— А я все равно дождусь, — упрямо говорит майор.

Ну чего он такого в маме нашел? Влюбился бы в милицейскую девушку. А мама — любому мужу жизнь испортит, если будет, как сейчас, по митингам бегать. А уж майору и подавно.

Володя даже хотел это объяснить майору. Ведь потом ему же, Володе, стыдно будет перед майором, если тот на маме впопыхах женится.

Но майор не стал его слушать.

— Ты, — сказал он, — в этих делах пока не разбираешься. А вот когда втюришься, тогда и поговорим.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Некоторые с кем только ни сидят, пока учатся в школе. А Володя сидел всего с тремя людьми.

Сначала с тихой девочкой Ниной Кошеверовой. Нина приносила в школу кукол и на уроке незаметно играла с ними. Иногда она и Володе давала кого-нибудь поиграть. Потом отец Нины, военный летчик, переехал в другой город и забрал ее с собой.

Тогда к Володе посадили Шурку Абуалиева. А последние месяцы он сидит вместе с Таней Осокиной — той самой, на которую ему было так приятно смотреть в первом классе.

* * *

С Шуркой Абуалиевым случались вот какие истории.

Сначала его хотели отправить в школу для умственно отсталых. Потом Володя узнал, что Шурка живет на той же лестнице, что и Зина. Только у Зины квартира была отдельная, а у него — коммунальная.

Ко времени, когда Володя узнал об этом, Зина с Анатолием давно не встречались, хотя и не ссорились. Просто у нее был свой институт, у него — свой. Анатолий больше не мучился из-за любви, Зина — тоже.

Потом Шурка из обыкновенного идиота превратился в необыкновенного математического гения. И за отдельной партой стал учиться по отдельной программе.

* * *

Про Шурку уже с первого класса знали, что когда он отвечает незнакомому учителю, то заикается. А если его в это время ругают, он молчит и улыбка его кажется наглой.

Сначала этого никто не замечал, потому что у них была постоянная учительница, и при ней Шурка не заикался. Говорил так же нормально, как на

переменах. Может быть, потому что учительница на них не кричала, а наоборот, хвалила за любой пустяк. И все очень старались делать эти хорошие пустяки.

Потом постоянная учительница заболела. Несколько уроков ее заменяла Синусоида. В первом классе кроме Шурки никто и слова такого не слышал — Синусоида. Так прозвали ее старшеклассники. Она была немолодая и с пронзительным голосом. Если она появлялась на этаже — об этом узнавали сразу, потому что она обязательно начинала истерично кричать.

Едва войдя в класс вместо заболевшей учительницы, Синусоида и на них стала кричать оттого, что кто-то громко чихнул! И класс сидел притихший, испуганный, потому что их постоянная учительница так никогда не ругалась.

Сразу после этого Синусоида вызвала Шурку. И тот неожиданно стал заикаться. Хотя прежде на уроках читал хорошо и громко. Все подумали, что он притворяется, и начали перемигиваться, пересмеиваться. Синусоида снова прикрикнула на класс, а потом и на него. И тогда он вовсе замолчал, лишь улыбался нахально.

К счастью для Шурки, Синусоида побыла у них несколько уроков, а потом вернулась их учительница, и Шурка снова стал отвечать нормально.

* * *

Что у Шурки было в порядке — так это счет. Он любые примеры решал в уме. Другие пишут, подсчитывают, шепчут, а у него сразу готов ответ. Но записывать решение Шурка не любил, потому что почерк у него был чудовищный. Однажды Шурка сказал Володе, что считать научился в три года, когда их сосед из коммунальной квартиры был в первом классе. Шурке так понравилось считать, что сосед на него все задачи стал сваливать. Шурка задолго до школы не просто умножал и делил, а решал квадратные уравнения — и все в уме, потому что читать умел едва-едва, а писать и вовсе не получалось. Потом, в первом классе, конечно, и писать научился, но это были жуткие каракули. Постоянная учительница даже и за каракули его хвалила, а на математике разрешила писать только ответы. И Шурка писал их много — вместо одной задачи, которую задавала учительница в классе, он придумывал штук десять и сразу их решал.

Когда у них появились разные учителя, никто из них сначала не догадывался о Шуркиных способностях и недостатках.

* * *

Когда тихая девочка Нина Кошеверова уехала вместе с отцом-летчиком, Шурку в посадили к Володе. Прямо первого сентября.

Учительница математики оказалась той самой Синусоидой с пронзительным голосом.

— Почему не пишешь условия задачи? — закричала она уже на первом уроке. — К тебе мои слова не относятся?

А зачем ему было писать, если он эту задачу и так мгновенно решил и ответ обозначил в тетради. Это Володя попробовал объяснить, но Синусоида и на него закричала. А Шурку заставила взять ручку и писать под ее унылую диктовку.

На другой день она вызвала Шурку к доске и опять: не успела выговорить условие задачи, как он сразу написал ответ.

— Двенадцать.

— Чего двенадцать? — с недоумением спросила она.

— Часов, — это он проговорил уже слегка заикаясь.

— Ты что же — издеваться надо мной вышел? Я тебя разве просила подсказывать классу ответ? Если сам успел подсмотреть в задачнике, так уж веди себя прилично!

От этого крика Шурка и заикаться перестал. Стоял у доски и улыбался нахально. Эта улыбка особенно ее рассердила.

— Прекрати улыбаться! — закричала Синусоида и даже руками затрясла перед его лицом, а он дергал губами, так что получались какие-то дикие гримасы, а потом улыбка появлялась вновь.

Синусоида отправила его на место с двойкой.

Раньше Шурка Абуалиев двоек не получал. Ни одной. И был к ним не приучен. Поэтому когда до него дошло, что ему поставили двойку, да еще по математике, он отчаянно заплакал. И опять разозлил учительницу, потому что отвлекал своим плачем класс от работы.

— Немедленно встань! — скомандовала она. — Теперь сядь! Теперь снова встань! Снова сядь!

Шурка садился и вставал. Учительница надеялась, что отвлечет от плача. Но Шурка зарыдал еще громче, и тогда она выгнала его в туалет, чтобы он там умылся холодной водой и со слезами не возвращался. В туалете Шурка и пробыл до конца урока.

* * *

Через несколько уроков она уже ненавидела его. А Шурка вовсе перестал разговаривать, только дико ворочал глазами и улыбался.

— Опять улыбаешься, наглец! — кричала она. — Встань, когда разговариваешь с учителем.

И отправляла его в угол или заставляла стоять на своем месте почти весь урок.

Вот тогда Володя и подумал, что, быть может, Шурка, и правда, слегка идиот.

— Ты что — не можешь удержать свою улыбку?! — внушал он Шурке на перемене. — Или не видишь, ее это злит больше всего, так и не улыбайся!

Только что нормально говорящий Шурка уже при одном слове об учительнице начинал заикаться.

— Я н-не ул-лыбаюсь, эт-то с-само, — оправдывался он.

Но Володе верилось в такое с трудом. Ладно, замолкает, когда на него кричат — Володя и сам иногда замолкал. Но уж с улыбочкой, да еще нахальной, мог бы справиться, если бы захотел.

Они писали городскую контрольную, и Шурка решил раньше всех. Такие-то примеры он подсчитывал в уме в детском саду. Но Синусоида трясла листком перед его лицом и требовала, чтобы он сознался, откуда списал. Тем более, что почти никто в классе эти примеры решить не смог — они были трудными. А Шурка, простоявший в углу на ее уроках, сразу сдал контрольную с ответами.

— Откуда списал? — кричала в который раз Синусоида. — Я весь вечер на вас потратила, решая эти примеры!

Но Шурка, уже привычно для всех, молчал и продолжал улыбаться. Тогда она впервые и сказала те страшные слова, на которые сначала никто не обратил внимания. Даже сам Шурка.

— Таким наглецам, как ты, нет места в нормальной школе!

* * *

А через месяц она и в самом деле решила сплавить его в школу для умственно отсталых. Если бы еще она не была их классным руководителем! Получалось, что и на классных часах она на него кричала. А он и на уроках у других учителей перестал отвечать — так же крутил глазами и стоял молча. Учителя один за другим стали ставить ему двойки и писать в дневнике: "На уроках ничего не делает, у доски молчит".

Только учитель природоведения придумал для него свою систему. Отвечал вместо Шурки сам и нарочно путался. Тогда Шурка отрицательно качал головой. Если же учитель говорил правильно, Шурка согласно кивал. Учитель даже пятерку поставил Шурке за тот ответ. Но что значила одна пятерка среди стройного ряда двоек — случайная удача, она только подчеркивала невозможность для Шурки учиться в нормальной школе.

* * *

К Шурке Абуалиеву Володя первый раз попал просто так. Шли вместе из школы, Шурка и предложил:

— Зайдем ко мне? — И показал дом.

— У меня в этом доме знакомая живет, она школу нашу кончила, — сообщил Володя.

— Знаю, ее Зина зовут, я с ней на одной лестнице живу.

И Володя поднялся следом за Шуркой по лестнице.

* * *

Но сначала утром, на первой перемене, Володя отдал Шурке свой платок. В конце коридора их класс устроил рыцарскую атаку на соседний. Скакали друг на друга верхом и сбрасывали врагов. Володя был хорошим конем, на него вскочил Шурка — он был хорошим кавалеристом, вдвоем они нескольких врагов сбросили. А потом кто-то лбом попал Шурке по носу, и у того закапала на пол кровь.

Платка у Шурки не оказалось, и Володя отдал ему свой.

Шурка постоял несколько минут в туалете с мокрым краснеющим платком на носу, и к уроку кровь перестала течь.

— Я дома выстираю и завтра принесу, — сказал он на уроке Володе.

— Да ладно, что у меня платков мало.

— Я обязательно выстираю, — повторил Шурка.

А по дороге из школы он вдруг спросил:

— Скажи, пожалуйста, ты со мной смог бы дружить?

Именно так вежливо и спросил.

У них в четвертом классе все мальчишки говорили друг с другом грубыми голосами. И когда однажды к Володе подошел на улице незнакомый школьник и произнес: "Мальчик, скажи, пожалуйста, сколько времени?" — Володя очень удивился. Обычно говорили примерно так: "Ты! Сколько времени, а?"

А тут: "Скажи, пожалуйста, ты со мной смог бы дружить?"

Так Володе дружбу никто не предлагал.

— Могу, а что?

— Зайдем ко мне, — предложил тогда Шурка и кивнул на дом, в котором жила Зина.

* * *

Володя редко бывал в коммунальных квартирах и всякий раз смущался, когда входил. Ему казалось, что незнакомые жильцы смотрят на него с одним и тем же вопросом: "Это еще кто такой заявился?"

Шуркина квартира начиналась с кухни. Поперек через кухню висели на веревке пеленки, а на газовой плите стояло зеленое эмалированное ведро, в котором что-то громко чавкало. На столе, рядом с другой плитой, толстая старуха, причмокивая губами, резала морковь. Стояли еще четыре кухонных стола, и над каждым — полки с кастрюлями. Но Володя их не разглядывал. Он только тихо сказал старухе "здравствуйте", старуха не ответила, и он прошел вслед за Шуркой по длинному темному коридору, увешанному разными пальто, куртками. За одной дверью тихо, но монотонно плакал ребенок, за другой — звякали посудой.

Шуркина комната была в конце, рядом с дверью, где журчала вода.

"А у Зины квартира отдельная", — хотел сказать Володя, пока шел по коридору, но промолчал.

— У меня отец спит, но ты не бойся, он не проснется, — предупредил Шурка, пропуская Володю в комнату.

* * *

Шуркин отец в линялой майке и застиранных тренировочных штанах спал на сложенном диване поверх покрывала.

— Он в театре работает, рабочим сцены, — негромко и уважительно проговорил Шурка. — Творческая работа. Они раньше часа ночи не заканчивают. И еще он подрабатывает рядом в булочной — ночная приемка хлеба. Потому и спит днем.

В комнате стоял громадный старинный шкаф с деревянными узорами, круглый стол посередине и детская деревянная кровать.

— Это Наташкина, — сказал про кровать Шурка. — Моя сестра. Она в детском саду в младшей группе, и мама там работает нянечкой. Удобно, правда? Ты садись на стул, чего ты стоишь, и куртку, давай, снимай.

Шуркин отец заворочался, и Володя испугался, что они его разбудили. Но отец только повернулся к стене.

Шурка повесил свою и Володину куртки в коридоре за дверью, потом показал на раскладушку, прислоненную к шкафу.

— Это моя койка. Раскладываю и под стол. Под столом интересно спать, как будто крыша, и место экономится.

Володя сидел на стуле, не очень понимая, зачем его Шурка позвал и что ему надо делать.

— Полезли на шкаф! — предложил вдруг Шурка. — Я тебе свои сокровища покажу.

— А залезем?

— Да я там все вечера живу. Конечно, залезем. Смотри!

И Шурка поставил на стул табуретку, а потом ловко забрался наверх под потолок. Там он сел, свесив ноги, что-то раздвинул около себя и позвал:

— Залезай с другой стороны. Только проверь табуретку, чтоб крепко стояла.

Через минуту и Володя очутился на шкафу рядом с Шуркой.

— Ты голову пригибай, а то затылок мелом покрасишь, — посоветовал Шурка и стал показывать свои сокровища.

* * *

Для начала он достал две шоколадные конфеты в голубой и розовой фольге, одной — угостил Володю, другую съел сам.

— Мне вчера дала соседка. Я холодильник ей помог переставить. Спрятал их для праздничного часа, а сегодня и пригодились.

Картонная обувная коробка была забита баночками из-под детского питания. В них было что-то разноцветное.

— Это — коллекция песков Петербурга и области, — показал горделиво Шурка. — Смотри, из-под одного Саблино сколько: красный, синий, зеленый. Там на реке Тосно отложения. Белый — тоже оттуда. Желтый — из-под Зеленогорска, в лагере набрал. Другой, светлее, — тоже с Карельского. А этот — в Мартышкино. У нас, если захочешь, можно разные пески разыскать. Красивые, правда?

На кухонной доске в другой коробке стояла целая деревня, сделанная из спичек.

— Это я в первом классе клеил, почти весь год.

Там были два бревенчатых дома, как настоящие — с окнами, крыльцом, дверями; между домами — ветряная мельница, тоже как настоящая. С другой стороны — колодец и сбоку — церковь. Вместо травы Шурка приклеил зеленый песок, а дорожки были засыпаны красным.

Деревню Шурка дал подержать, чтобы лучше рассматривать.

— Только осторожно, а то крыши полетят, надо снова подклеить.

Рядом с картонными коробками стопкой лежали книги. Многие были в одинаковых переплетах.

— На помойке нашел. Математические книги, — объяснил Шурка. — Жаль, редко выбрасывают. Я их переплетаю сам. Набор "Юный переплетчик" купил и переплетаю.

Володя взял одну из книг. В ней были непонятные чертежи. "Стереометрия" — прочитал он название. Другая называлась "Начертательная геометрия". Третья — "Теория множеств". Математических книг было на шкафу штук двадцать.

— Я их все время читаю. А вот это, — и Шурка показал несколько общих тетрадей в затрепанных переплетах, — главное мое сокровище. Я сюда математические мысли записываю.

Тетради были изрисованы непонятными каракулями.

— Ты здесь не поймешь. В них никто, кроме меня, не разберется.

— Так это ты в прошлом году Зине по математике помогал? — сообразил Володя. — Честно? Ты?

— Ну я, — смутился Шурка. — Там и помогать было нечего. Она слегка запуталась, я и объяснил... по стереометрии. Она со сломанной ногой сидела, а у нее — аттестат зрелости, — оправдывался Шурка.

Но Володе в такое было трудно поверить. Одно дело, с ней занимался студент Анатолий, а другое — третьеклассник.

— Да я ей всего чуть-чуть объяснил, несколько чертежей, она и так способная, — снова стал оправдываться Шурка. — А у тебя дома есть свое место?

"Своего места" у Володи дома было много, но признаваться ему в этом не хотелось. И он только кивнул.

* * *

Они спускались так: сначала Володя. Потом он переставил стул с табуреткой к Шурке, и спустился тот.

— Подожди, я тебе сейчас платок верну, — и Шурка открыл дверцу могучего шкафа.

— Да ладно, зачем!

— Надо, а то с твоего кровь может не отстираться. — Он стал рыться в шкафу, и как Володя ни отказывался, вытащил-таки новый носовой платок в прозрачном запечатанном пакете. — На день рождения подарили, а я — тебе. Давай, на дружбу обменяемся.

Тут уж Володе пришлось согласиться.

Когда Шурка провожал его через кухню на лестницу, в зеленом ведре по-прежнему что-то кипело, чмокало.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В их дружбе с Шуркой ничего такого особенного не происходило. Ходили вместе из школы, разговаривали о том, о сем — и только.

— Ты в переселение душ веришь? — спрашивал, например, Шурка.

— В какое переселение? — переспрашивал Володя, потому что о такой вещи он слышал впервые.

— Некоторые народы верят, что душа человека вместе с телом не умирает, а вселяется потом в кого-нибудь нового. Может в дерево, или в животное, или опять в человека.

— Не знаю, — сказал с сомнением Володя. — А ты думаешь, она существует — душа?

— Конечно, существует! — подтвердил Шурка. — Только ты никому не скажешь? — спросил он вдруг, почти шепотом.

— Никому, — Володя тоже ответил шепотом.

— У меня, знаешь, чья душа? Живет во мне, знаешь, чья?

— Не знаю...

— Максвелла. Я это чувствую. Точно. Душа Максвелла!

— Он кто — американец?

И Шурка объяснил. Оказывается, это был гениальный математик. И физик. Жил в Англии в девятнадцатом веке. И про него сначала в школе думали, что он — идиот. А потом он сделал открытие. И об этом открытии докладывал на собрании Королевской Академии наук взрослый академик, потому что сам Максвелл был школьником и его туда не допустили.

— Надо об этом Синусоиде рассказать! — обрадовался Володя.

— С-синусоиде н-нельзя! — уже при одном ее имени Шурка начинал заикаться.

И вдруг после осенних каникул Синусоида заявила, что переводит его в школу для умственно отсталых.

* * *

К ним в школу сразу после выходных пришел психиатр. Проверять двоечников — какое у них развитие. И Синусоида решила отвести Шурку к нему в кабинет. У Шурки почти по всем предметам стояли двойки, и теперь уже никто не помнил, что прежде он был отличником.

Шурка в кабинет к психиатру не пошел. Он сидел молча, вцепившись в стол руками. Володя тоже сидел рядом, ухватившись за стол. Он уже несколько раз пробовал защищать Шурку, но всякий раз Синусоида на него кричала, обрывала.

Шурка, вцепившись в стол, смотрел вниз, под ноги, она же еще раз повторила, чтобы он немедленно встал и пошел с нею в кабинет к психиатру. Он снова не подчинился.

— Вавилов и Чернушенко, быстро выведите его в коридор! — приказала она двум классным силачам.

И те поволокли брыкающегося Шурку из класса. Шурка не удержался, заплакал, зацепился было за дверь. Володя смотрел на все это со стыдом и страхом, но только что он мог сделать, беспомощный четвероклассник!

Такого — плачущего, сопротивляющегося — и втокнули Шурку в кабинет к психиатру, а следом за ним вошла и Синусоида с классным журналом.

О чем они там говорили, и сказал ли Шурка в кабинете хоть слово — никто не знал. А Володя об этом не спрашивал. Только врач-психиатр выдал Синусоиде справку о том, что Шурка нуждается в переводе в специальную школу.

Синусоида написала записку Шуркиным родителям и велела Володе отнести ее.

До дома Володя шел один — Шурки нигде не было. Он ждал на лестнице.

— Д-дай з-записку, — пробормотал он и уставился на Володю таким же бессмысленным упрямым взглядом, каким смотрел в последнее время на многих учителей.

Володе и самому не очень-то хотелось нести записку. Получалось, что он как бы в роли Павлика Морозова выступает.

— Д-дай записку, — повторил Шурка.

И тогда Володя решился.

Тут же на лестнице они порвали записку на мелкие клочки и отнесли их на помойку.

На что они надеялись — непонятно. Неужели на то, что Синусоида про записку забудет.

* * *

— Передал записку? — строго спросила на другой день Синусоида в коридоре.

— Передал, — проговорил он растерянно.
— Они написали ответ? Где ответ? Почему ты мне его не даешь? Они сказали, когда придут за документами?
— Сказали, — ответил Володя с еще большей растерянностью.
— Что они сказали?
— Сказали, что им некогда...
— Пусть найдут время и соблаговолят зайти. Передай им, что с завтрашнего дня их сын... в общем, я его исключая из списков.

* * *

— Абуалиев, завтра без родителей можешь в школу не приходить, — объявила Синусоида на последнем уроке.
Шурка на нее не смотрел, смотрел мимо.
— Ты понял меня?
Шурка продолжал молчать, глядя в сторону.
— Петровский, напиши ему в дневник то, что я сейчас сказала. С меня хватит, намучалась.

Володя под ее взглядом написал: "В школу завтра без родителей не приходить".

Но Шурка смотрел сквозь пространство потерянными глазами, как будто ослеп.

* * *

Он пришел на другой день в школу как ни в чем не бывало и спокойно отсидел первый урок. А на второй в класс вошла Синусоида.

И Шурка вновь сидел, вцепившись в стол, глядя в сторону, она же повторяла, словно кибернетическое устройство:

— Еще раз говорю, выйди из класса.

И вновь по ее команде Вавилон с Чернушенко выволакивали его, а он, с мертвым лицом, кусая губы, цеплялся за край стола. И Володя, окаменев от ужаса, сидел рядом, не в силах помочь.

Остальные уроки он постоянно ощущал справа пустое место, словно вместе с Шуркой ушло из-за стола и пространство, в котором тот на уроках жил. У Володи даже правый бок то ли заболел, то ли замерз от чувства пустоты в том месте, где сидел Шурка.

По дороге домой Володе на мгновение показалось, что за углом мелькнула сутулая Шуркина фигура. Может быть, он дожидался Володю, но в последний момент испугался встречи и убежал.

* * *

Назавтра место рядом с Володей оставалось пустым. Перед первым звонком Синусоида специально заглянула в их класс и, удовлетворенно кивнув, вышла. Ее уроков в этот день у них не было.

А в перемену Шурка прокрался в кабинет на новый урок. Он, оказывается, первый час прятался на лестнице у железной двери. Они, уже довольные, сидели рядом, но тут Синусоида во второй раз заглянула к ним.

Шурка и в самом деле становился идиотом в ее присутствии.

Он снова упрямо и тупо цеплялся за стол, потом за дверь, когда его выталкивали из класса. И только в последнее мгновение, уже почти из-за дверей, когда Вавилон срывал его руку с дверей, Шурка отчаянным взглядом посмотрел на Володю. На одно лишь мгновение взглянул. И Володя не выдержал. Сам неожиданно для себя, он, оставив сумку в столе, выбежал за Шуркой.

Он догнал Шурку уже на лестнице. На них с удивлением оглядывались те, что поднимались навстречу.

— Пойдем, я знаю, куда мы пойдем! — утешал Володя Шурку.

Неожиданная мысль озарила его.

Они придут вместе с Шуркой к Зине. Зина поймет — она сама в прошлом году была школьницей. И это ей Шурка помог по какой-то там невысказанной стереометрии. Она пойдет вместе с ними в школу и докажет, что он — не умственно отсталый.

Они надели куртки и вышли из школы. Шурка — с сумкой, а Володя — без всего, с пустыми руками. Он впервые в жизни пропускал уроки, но даже не боялся сейчас — пусть вызывают маму, зато он будет мучиться вместе с Шуркой. Он и в школу для умственно отсталых, если не удастся доказать правду, пойдет с Шуркой вместе! После этого решения ему стало легко, свободно.

* * *

Он забыл, что было еще начало дня, и Зина уехала в свой институт.

— Ничего, погуляем по городу, а потом к ней, — обнадеживал Шурку Володя. — В Эрмитаж ходим.

Но и Эрмитаж оказался закрытым — выходной день.

Печальное получилось гулянье, бродили они по улицам, сидели на холодных скамейках, испуганно оглядывались на милиционера — вдруг спросит, почему во время уроков они болтаются по городу. Время ползло медленно, и они измучились, пока дождались середины дня, чтобы идти по крайней мере к Шурке домой.

Шуркин отец, такой же, как и сын, тощий, сутулый, с длинным лицом, только лысый, в этот раз не спал, а сидел на диване и читал газету.

Отцу они ничего не сказали. Шурка залез на шкаф и достал за чем-то тетрадь, в которую он записывал дифференциальные уравнения. Он попытался втолковать смысл формул Володе, уверял, что стоит только вникнуть в начало, а дальше и ему понятно все станет. Но Володя так и не вникнул.

Втроем они поели суп и какую-то рыбку с картошкой. Обед, оказывается, в их семье варил отец. За столом отец рассказывал им истории из театральной жизни, наверно, веселые, потому что сам он здорово хохотал, рассказывая их. Володя и Шурка тоже делали вид, что им весело от этих историй, и старались улыбаться.

Наконец, около четырех они вошли к Зине.

* * *

Зина сначала не понимала, потом не верила, а потом испугалась.

— Ой, тут надо к Анатолию идти, — сказала она. — Меня они не послушают, только Анатолий поможет. Неужели ты сам не догадался? — спросила она Володю.

И, удивительное дело, уж к Анатолию-то Володя и сам бы пошел, но Зинаида решила идти обязательно вместе с ними.

Они положили в полиэтиленовый мешок с ручками Шуркины математические тетради и отправились втроем.

— Анатолий, конечно, поможет! — говорил по дороге Володя, и снова ему было легко, даже весело. — Анатолия и директор уважает и сама Синусоида.

* * *

Знала бы Зина, идя рядом с этими двумя перепуганными пятиклассниками, что с каждым шагом она приближается к перекрестку своей судьбы. Что еще немного и ступит она на новый путь мучений и радостей из-за человека, которого самой еще недавно так спокойно и приятно ей было помучить. Знала бы она об этом, быть может, и не отправилась бы вместе с ними, осталась бы дома. И жизнь у нее, возможно, была бы другая — не та, не ее. Хотя спустя полгода это невозможно было уже представить.

* * *

И все-таки как здорово, что другом у Володи был Анатолий. Он понял и поверил всему, едва ему стали рассказывать. Только перелистнул Шуркины математические тетради, исчерканные мало кому понятными каракулями.

— Пойдемте, — сказал он, решительно поднимаясь со своего дряхлого заплатавшего дивана, на который они уселись все. — Пойдемте сразу к директору. Опаздывать здесь нельзя. И ты, Зина, ты молодец, что пришла. — Он просто похвалил ее и все. Как старого товарища. И ничего больше. И не удивился ее приходу.

Неужели эти мгновения и стали перекрестком в ее жизни? Даже если это было так — она пока о том не догадывалась.

* * *

“Лишь бы застать директора! Лишь бы он был в школе!” — молился про себя Володя.

Он едва поспевал за широким шагом Анатолия. Так то он, который привык ходить с ним помногу. Зина и Шурка отставали все больше.

— Анатолий, нам не догнать! — наконец пожаловался Володя.

— Что? Я вас загнал! — Анатолий приостановился. — Боюсь, вдруг директора не застанем.

* * *

Директора они застали.

Директор — коротко подстриженный седой человек, похожий на пожилого уставшего боксера, был в своем кабинете, а рядом с его рабочим столом на стуле сидела сама Синусоида.

Она изумленно рассматривала их всех, вошедших вместе прямо в куртках, потому что раздевалка была закрыта.

— Федор Адамович, извините нас, но мы к вам по неотложному делу, — начал сразу Анатолий. Говорил он, как всегда, умно и по-взрослому, так что слушатели сразу начинали уважать каждое его слово.

— Сейчас, ребята, только отпущу Веру Семеновну.

— Вера Семеновна, если можно, тоже пускай останется. Останется, Вера Семеновна? — спросил Анатолий.

— Да-да, я, конечно. Конечно, я останусь, — заторопилась Вера Семеновна, она же Синусоида, с непривычной для Володи и Шурки виноватой интонацией.

— Этот мальчик, Саша Абуалиев из пятого класса, обладает исключительными, если не гениальными, математическими способностями. Он сам, дома, изучил математику в объеме средней школы и продолжает изучение дальше. Вот его тетради.

Анатолий положил две толстые тетрадки на директорский стол, а директор Федор Адамович начал рассеянно их листать. Потом одну из тетрадок брезгливо, недоверчиво подвинула к себе Синусоида, открыла, где попало, и замерла.

Анатолий хотел говорить дальше, но директор его прервал.

— Это хорошо, Анатолий, что ты нас навестил, и спасибо, что заботаешься о способном мальчике. Но ты сам понимаешь, у нас не заочная школа, у нас ученик должен присутствовать на уроке. Должен присутствовать, даже если он знает предмет на “отлично”. А, кстати, давай-ка мы и проверим его способности. А то ведь сам знаешь, — директор улыбнулся, — мало ли что они дома могут понаписать. — Директор поднялся и с Шуркиной тетрадью отошел к окну. — Эх, и я когда-то увлекался математикой! Садись-ка, Саша, дорогой, в мое кресло. Вот тебе чистый лист, пиши уравнения. — И директор, заглядывая в тетрадь, стал диктовать непонятные пока для Володи слова.

У Володи даже руки задрожали от волнения, будто это ему директор сейчас диктовал. Вдруг Шурка запутается и ничего не решит!

А Шурка, наоборот, успокоился. И едва директор кончил диктовать, сразу сказал ответ.

— Да? — удивился директор. — Это ты в уме решил или по памяти?

— Он все в уме решает, — сказал за него Володя.

— Ну, а написать свое решение можешь? Уж не поленись. Вера Семеновна, как? Саша правильный назвал ответ?

— Я не знаю, такие уравнения не решаются устно...

— Но вы его сможете решить сейчас, письменно?

— Естественно, могу.

Директор подвинул листок и ей.

Она стала решать. Нервно выписывала цифры, знаки, что-то зачеркнула, кивнула головой, написала заново. И, наконец, отодвинув листок в сторону, подтвердила:

— Да, ответ сходится.

Шурка заглянул в ее листок и вдруг проговорил уверенным голосом, какого никогда от него Володя не слышал в классе:

— Вообще-то, здесь надо короче. У вас лишние преобразования. — И, взяв Синусоидин лист, он вычеркнул в нем несколько строк, а рядом написал только одну. — Так проще.

Синусоида, раскрыв рот и вытаращив глаза, посмотрела на него так изумленно, будто перед ней возник какой-нибудь Тутанхамон или Эйнштейн. И Володя тоже удивился — ему показалось, что за несколько минут Шурка стал выше ростом.

— Ты прав, я здесь напутала, — наконец выговорила Синусоида.

— Но все-таки, мой дорогой, даже блестящие способности не дают тебе права пропускать занятия. В нашей школе порядок для всех единый. А после восьмого я сам тебя отведу в гимназию для особо одаренных, — вмешался директор.

Шурка оставил директорский стул, и тот снова сел на свое место.

— Все ребята, никакого освобождения от занятий я дать не могу.

— Нет, не все, Федор Адамович, — остановил его Анатолий. — Дело в том, что Сашу переводят в другую школу, для умственно отсталых. Я понимаю, это недоразумение...

— То есть как переводят? — растерянно переспросил директор. — Чушь какая-то! Я тебя правильно понял, Анатолий? Вера Семеновна, я правильно понял Анатолия? Как можно перевести мальчика без решения педсовета?!

Все посмотрели на Синусоиду, и Володя даже хотел объяснить, что это она, Синусоида, решила применить такую хитрость, чтобы Шурку родители сами забрали из школы. Но Синусоида вдруг вскочила и проговорила, заикаясь:

— Это, это — недоразумение.

Лицо ее искривилось, и она протянула к Шурке руки, так что Володе показалось, что она хочет ударить Шурку. И самому Шурке тоже показалось что-то такое, потому что он испуганно попятился.

— Вера Семеновна, вам плохо? — спросил директор. — Вам помочь?

И тут все увидели, что по лицу ее потекли слезы. Она попыталась их остановить, что-то объяснить, но лицо ее еще больше искривилось, стало ужасно некрасивым, и, громко зарыдав, Синусоида выбежала из директорского кабинета.

— Чуть какая-то! — повторил директор растерянно.

— Мы пойдем? — спросил Анатолий тихо.

— Подождите. Сейчас она успокоится и вернется. Надо же довести дело до конца. — Несколько минут директор перебирал на столе бумаги, а все остальные сидели молча.

Наконец дверь без стука приоткрылась и снова вошла Синусоида.

— Прости меня, Саша, -- начала она прямо с порога. — И вы, Федор Адамович, простите, — повернулась она к директору. — Всю жизнь мечтала о таком ученике, а когда встретила — не узнала! Извини меня, Саша! — снова повторила она. — Это я, Федор Адамович, я одна виновата во всем!

— А ты, Абуалиев, мог бы и ко мне подойти, я разве зверь какой-нибудь, что уж так бояться! — укоризненно проговорил директор.

Шурка кивнул.

— Завтра я извинюсь перед всем классом. Хочешь, мы будем изучать высшую математику вместе? Я ведь всю педагогическую жизнь мечтала о таком ученике. Ты простил меня, Саша? — Было похоже, что Синусоида опять вот-вот разрыдается.

Но Шурка снова молча кивнул.

— Ладно. Будем считать инцидент исчерпанным, — сказал директор. И вдруг добавил: — А все перегрузка наша, давленность делами. Учителя тоже надо понять...

* * *

— Мальчишки, пошли ко мне! — предложила Зина Анатолию, Володе и Шурке, когда они вышли из школы. — Торт купим. В честь спасения человека.

— Мне к семинару надо готовиться, — неуверенно ответил Анатолий, а потом махнул рукой. — Ладно, успею.

Вчетвером они вошли в булочную. Зина и Анатолий потолкались около кассы — кому платить. А Володя чувствовал себя странно, потому что был он со школьной сумкой. Сумку вручила ему Синусоида. И удивительно: лицо у нее было теперь не злое, а просто усталое, голос совсем не противный, заботливый.

В Зининой комнате за низким журнальным столиком они попили чай с тортом и с земляничным вареньем. И Зина, не сводя глаз с Анатолия, вдруг сказала:

— Толя, ты стал такой красивый!

— Брось, Зинаида, свои штучки, — засмеялся Анатолий, — больше мне голову не закрутишь. Я самый обычный. Гомо сапиенс обыкновенный.

— Нет, — не согласилась Зинаида, — ты стал очень, очень красивым! И мужественным.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Со следующего дня Шурка начал заниматься по книгам, которые приносила ему Синусоида. Никто в классе так и не понял, что же такое произошло и почему Шурка снова сидит на уроках, да к тому же становится постепенно школьной достопримечательностью. Ни сам Шурка, ни Володя объяснять никому не стали.

А Шурка оставался после уроков, шел к Синусоиде в кабинет, и они там обсуждали вместе математические теории. И когда однажды другая учительница спросила Синусоиду, пойдет ли та в субботу в театр, Синусоида гордо ответила:

— Конечно, нет. Мы с учеником идем в Дом ученых, на лекцию академика Александрова.

— С каким учеником, с тем самым? — спросила учительница.

— С ним, у меня пока только один такой ученик, — подтвердила Синусоида.

И Володя, который слышал этот разговор на школьной лестнице, понял, что Синусоида говорила, конечно, о Шурке.

* * *

Некоторые люди, их немного, мгновенно различают остальных по национальностям — кто и к какой нации принадлежит. Володя этого не умел. Негра от китайца он, конечно, отличить мог. А на большее не был способен, потому что об этом не задумывался. До пятого класса он и вовсе считал, что все вокруг него только русские. А какие еще могут быть, если говорят по-русски, по-русски думают и видят русские сны.

Первый раз он задумался о нациях скоро после того, как Шурка Абуалиев навсегда помирился с Синусоидой и мгновенно из умственно отсталого превратился в школьного математического гения.

Они шли с Шуркой все той же дорогой из школы домой, Шурка молчал, а потом вдруг таинственно спросил:

— Как ты думаешь, я — кто?

— Инопланетянин, что ли? — Володя даже приостановился от неожиданности. Честно говоря, он был к этому готов. Но, слегка подумав, добавил: — Нет, если у тебя родители есть, значит, человек.

— Вавилон говорит, что я — чучмек.

— Какой еще чучмек?

— Ну, этот, черный. Чечен, может быть, или еще кто...

— Это ты-то чеченец?! — Володя даже рассмеялся. — Сам он чеченец, вот что. Откуда он это взял.

— У меня уже усы начинают расти, видишь. И волосы — черные.

— Волосы у тебя, и, правда, черные... Зато фамилия — русская.

— Нет, фамилия у меня — тоже не русская.

— Ну и что? В России каких только фамилий нет! Я как раз вчера по радио слышал: есть даже человек с фамилией Ю. И ничего, живет. Картины пишет.

Володя об этом разговоре больше не вспоминал, но на следующий день по дороге из школы Шурка вдруг спросил:

— А ты бы стал дружить с человеком, если бы про него узнали, что он — не русский?

— Да откуда я знаю. Негра Васю из седьмого-А знаешь? С ним же все дружат!

— То с негром, — согласился Шурка, — а то — с черным.

— Да иди ты, знаешь куда! — разозлился Володя. — Нашел о чем говорить!

Володя и не думал, что Шурка заговорит снова.

— Никому не скажешь? — спросил вдруг тот уже не по дороге домой, а в первую перемену, уведя Володю вверх к металлической чердачной двери. — Я, правда, не русский.

Шурка проговорил это почти с отчаянием и, отвернувшись от Володи, приложился, как когда-то Анатолий, лбом к железной двери.

— Кто тебе такую чушь наболтал! Выброси ее из головы и не думай об этом, — заспорил Володя. — Русский ты, понял?

— Я у отца спросил...

— А он?

— Подтвердил.

— Откуда отец-то знает? Мало ли, что он сказал! Ты — русский. Русский и все, понял?!

Шурка посмотрел на Володю с сожалением.

— А кто же еще знает? Отец сказал, что мы с ним — копты.

— Кто-кто? — переспросил Володя. — Те, которые коптят что-нибудь, что ли? Так это профессия. А национальности такой нет.

— Есть, — упрямо не согласился Шурка. — Есть такая народность. Копты — это древние египтяне.

— Не может быть!

Во всю уже дребезжал звонок на урок, но они по-прежнему стояли у металлической чердачной двери.

— Отец мне все рассказал, всю историю нашей семьи.

— То есть ты — настоящий древний египтянин? — переспросил Володя с восхищением. — Вот это да! Чего ты тогда страдаешь-то?! Этим гордиться надо, понял? На Ти-Ви выступать. Ты, может, родственник фараонам.

— Нет, — и Шурка помотал головой. — Мы — из феллахов, из крестьян то есть. А прадедущка захотел стать моряком, приплыл в Одессу и там женился на русской. И в гражданскую войну был кавалеристом.

— Колоссально! — сказал Володя с восхищением. — Вот это — история. Древний египтянин — кавалерист. Он за кого был — за Буденного или за этого, Деникина?

— Отец сам не знает. Знает, что кавалеристом.

* * *

На урок они, конечно, опоздали. А после школы Володя понес эту новость старшему другу, Анатолию. Тем более, что Анатолий был главным Шуркиным спасителем.

— А Шурка Абуалиев — по-научному копт, — сообщил он таинственным голосом, — древний египтянин. Он мне сам об этом сказал.

Володя ждал, что Анатолий удивится, но тот спокойно проговорил:

— Такой же древний египтянин, как ты — древний славянин. Мы, если разбираться, все происходим от древних людей.

— А его кое-кто евреем считает или черным.

— И что?

— Я им всем буду говорить, что он не черный, а копт.

— А что, если бы еврей или, как это — лицо кавказской национальности, так плохо?

— Конечно, плохо! Чего в этом хорошего.

— Балда ты, оказывается, Вовик! — удивился Анатолий. — Говорим с тобой, говорим, а самое главное ты не усек. Ты что, всерьез так думаешь, что еврей и чеченец хуже египтянина и русского, или только придуливаешься?

— Не знаю, — смутился Володя.

— Сам подумай, если бы Шурка оказался не коптом, а грузином или евреем, он что — сразу бы стал хуже?

— Нет, конечно.

— Ты это запомни на будущее: если где услышишь человека, который убеждает, что его нация — самая красивая, самая добрая и самая умная, сразу высекай, что этот вшивый оратор или полный идиот, или политический жулик.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Раньше многое было по-другому, не так, как сейчас, в пятом классе. Например, тогда Володя влюблялся каждую неделю, а иногда и по несколько раз в день. И в разных девочек. Кто на него посмотрит внимательней или нечаянно ему улыбнется, в тех и влюбится... А сейчас, в пятом классе, Володя вовсе влюбляться перестал. И удивлялся — чего это взрослые вокруг него как будто с ума посходили.

Уже месяц милиционер дежурит около их парадной, мерзнет на ветру, ждет маму и каждый день — с новым букетом. Мама сначала букеты эти не брала, гнала милиционера прочь, но однажды цветы пожалела — очень были красивые, редкого оттенка.

— Дамский угодник несчастный, потому в городе столько жулья и развелось, что милиция на свиданиях торчит, — ворчала мама, аккуратно подрезая цветы, чтобы поставить их в вазу. — Такую красоту ведь не выбросишь! — оправдывалась она перед Володи.

И постепенно с того дня их квартира стала все больше походить на оранжерею или цветочный магазин. Скоро цветы стояли всюду — в банках из-под зеленого горошка, в молочных пакетах, в бидоне. И милиционер продолжал ежедневно приносить новые.

Эти цветы Володе оченьгодились. Для Анатолия и Зинаиды.

* * *

Зинаиду Володя увидел в воскресенье утром, в булочной.

— Ты что такой грустный, Вовик? — спросила Зинаида, и сама печально вздохнула.

— Я не грустный, — удивился Володя и чуть не добавил, — это ты грустная.

Но выглядела Зинаида при этом так красиво, что Володя, если бы он был взрослый, как Анатолий, наверно, на ней бы женился. Обязательно бы женился! Анатолий же лишь вспоминал про нее изредка, потому что считал, что главное для мужчины — любимое дело. Так он недавно объяснил Володе. И дел у Анатолия, в самом деле, было сейчас много.

Они получили в булочной хлеб и вышли на улицу. Теперь Зинаиде надо было налево, а Володе — направо.

И Зинаида вдруг положила Володе руку на плечо.

— Что-то ты мне давно про Анатолия не рассказывал. Ну как вы там, часто про меня разговариваете? Только честно! — она пыталась спрашивать весело, а получилось грустно.

И Володе так жалко ее стало. Красивую и печальную Зинаиду.

— Часто! — произнес он вполне искренне. — Вчера как раз он меня пошел провожать и опять разговаривали.

— Честно? — обрадовалась Зинаида, как маленькая. — Честно-честно? А что он говорил?

Ну, про разное... — придумать, о чем был разговор, оказалось не так-то просто. — Ну, что он с тобой в Эрмитаж хочет пойти... Только боится, вдруг ты не согласишься.

— В Эрмитаж? — удивилась Зинаида. — Ну да! Конечно, в Эрмитаж! Он меня звал еще в восьмом классе! А я его обманула. Володь, ты только не говори Анатолию, ладно! Я же глупая была девчонка, Володя! Я же ничего не понимала! Ты ему намекни, что я каждый день себя проклиная за те годы. Я очень хочу пойти с ним в Эрмитаж. Очень! Володя, намекнешь?

* * *

Володя Зинаиде эту глупость про Эрмитаж сочинил, а в результате получилась совсем не глупость.

В понедельник, только Володя успел прийти из школы и разогреть суп, как позвонил Анатолий. Голос у Анатолия был смущенный.

— Я через час, понимаешь, должен с Зинаидой встретиться, около Эрмитажа. Обегал кругом — ни одного цветочка. Не видел, на нашей улице в цветочном киоске что-нибудь есть?

Смешно! С какой стати Володя, проходя по улице, стал бы отмечать — есть в киоске цветы или нет. Зато в квартире цветов было навалом.

— Есть! Есть цветы! — закричал Володя. — Какие хочешь! Я тебе сейчас привезу, к Эрмитажу!

Он быстро собрал все цветы, какие были в комнате. Получился огромный букет. Володя с трудом завернул его в две газеты.

* * *

С этим букетом он едва втиснулся в троллейбус. На него давили, его толкали со всех сторон и легко могли изломать цветы. Володя оберегал букет изо всех сил. Наконец, его прижали к заднему сиденью.

Там, у окна, сидела девочка, а рядом — женщина, может быть девочкина мать, и лица их отчего-то показались знакомыми.

— Мальчик, давай цветы нам, — и женщина улыбнулась Володе, — мы едем до кольца, поддержим.

И девочка тоже ему улыбнулась. У женщины на коленях была большая сумка. Она взяла Володиные цветы и протянула их дочке.

Тут Володя вспомнил их обеих, понял, почему их лица ему знакомы.

Это же была его сестра! Да-да! Если бы не цветы, он бы, возможно, и не догадался. А тогда на кладбище у мамы тоже был большой букет, завернутый в газету.

Он часто думал о том, что где-то в городе живет его сестра и даже не догадывается о нем, о том, что он существует на свете. И если они когда-нибудь нечаянно встретятся, он даже намекнуть ей об этом не имеет права, о том, что он — ее брат. Так сказала когда-то мама, и он хорошо помнил ее слова.

А сейчас Володя стоит со своей сестрой рядом. Она держит его цветы и по-прежнему ни о чем не догадывается.

Если бы не Анатолий около Эрмитажа, Володя бы так и ехал рядом с нею до конца и незаметно ее рассматривал, а потом бы узнал, где она живет, тайно проводив их до дома. И подружился бы с помощью какой-нибудь хитрости. И стал бы ей во всем помогать. Всю жизнь, до смерти.

... Но нет. Троллейбус остановился напротив Эрмитажа, Володе надо было быстро сходить.

Он взял букет из рук сестры, тихо, почти не поднимая глаз, сказал ей спасибо и двинулся к выходу. Но в последний момент снова повернулся к ней, выхватил из букета самый большой красивый цветок и протянул ей. Она растерянно его взяла, а он тут же выпрыгнул из троллейбуса.

Троллейбус поехал дальше, и Володя увидел, как его сестра удивленно смотрит на него через окно, по-прежнему ни о чем не догадываясь.

* * *

Анатолия Володя увидел издалека. Анатолий тоже его высмотрел, радостно взмахнул рукой и зашагал навстречу. А потом вдруг остановился испуганно, уставившись на огромный букет.

— Ты что, с ума сошел? Я же просил цветочек, один. Это ты сколько денег уgroхал! Мне теперь с тобой год расплачиваться.

Володя хотел объяснить, что цветы — задаром, потому что милицейские, но, к счастью, только проговорил:

— Да это так, задаром, подарок.

— Ладно, разберемся потом, — и Анатолий нетерпеливо оглянулся. — Спасибо тебе, Вовик, ты — спаситель мой. Поезжай домой, а вечером — разберемся.

В голосе Анатолия почувствовал Володя то же самое отчуждение, которое уже было когда-то в давние времена. Он, первоклассник Володя, стоял тогда рядом с огромным Анатолием, а тот все ждал и ждал мучительницу свою Зинаиду. Неужели эти времена повторяются снова!

— Анатолий! Вовик! — слышался от набережной, от моста, зов Зинаиды.

Она быстро шла к ним, почти бежала в полурасстегнутой куртке, с развевающимся шарфом. И Анатолий с букетом в руках тоже бросился к ней, наперерез машинам.

А он, Вовик, остался. Он даже не стал смотреть, как они встретились, а медленно пошел к троллейбусной остановке.

Он был не нужен им.

* * *

А вечером мама вошла в дом с новым букетом. И неожиданно спросила: — Вовка, а где цветы? Куда цветы делись? Мне же их подарили.

Не думал он, что мама станет переживать из-за милицейских букетов. Сама ругала этого милицейского майора, а теперь переживает.

— Ты их что, выбросил? Неужели ты их выбросил?

И Володя согласно кивнул. Не объяснить же, что теперь букеты стоят дома у Зинаиды.

— Вовик, Вовик, что ты наделал! — мама почти плакала. — А я пригласила его в гости... Он придет, и как я ему объясню, куда дела цветы... Ладно, — и мама протянула ему деньги. — Сходи, погуляй. Купи себе там мороженого какого-нибудь.

Так получалось, что он второй раз за день становился ненужным. Даже собственной матери.

Зато Шурке Абуалиеву Володя был нужен. Очень.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Володя и раньше видел в школе этого семиклассника. На переменах семиклассник почти всегда разговаривал по сотовому и чаще был не один, с приятелями.

Однажды Шурка остался в школе, делал лабораторные работы по химии в химическом кабинете за седьмой класс, и Володя пошел домой один. Был конец апреля, солнце приятно грело лоб и щеки, и Володя шел навстречу ему, зажмурившись. Как будто экстрасенс какой — глаза закрыты, а не спотыкается. На самом-то деле он смотрел сквозь тоненькие щелки. И вдруг его кто-то сбоку спросил:

— Что, со своим Хачиком больше не ходишь?

Володя открыл глаза и увидел семиклассника.

— С кем? — не понял он.

— С этим, чучмекским киндервудом.

Семиклассник смотрел на Володю как-то чересчур жестко, так что от этого взгляда Володе захотелось отвернуться или сказать что-нибудь плохое про Шурку. Но Володя взгляду не подчинился.

— Почему? Хожу, — проговорил он и упрямо не отвел глаза.

— А ты сам-то кто? Русский?

— Русский.

— Так-так. Это еще надо проверить, — сказал семиклассник многозначительно и отошел.

* * *

Такой разговор был недавно, а сегодня Володя слышал разговор другой. В перемену он стоял в коридоре у окна, спиной ко всем и неожиданно услышал:

— Ты сегодня куда?

— А никуда. Опустим там одного. Киндервуда.

— Из пятого, что ли? Который с десятиклассниками на олимпиаду лезет?

— Ага, чтоб не нарывался. Он как раз мимо забора ходит. Землю из-под собак поест...

— Так и я с тобой...

Володя продолжал стоять не оборачиваясь. Одного из говорящих он чувствовал даже спиной. Это был тот самый, семиклассник с волчьей улыбкой и сотовым телефоном.

О ком они говорили, было понятно сразу. Из пятиклассников только Шурка участвовал в математической олимпиаде и даже там победил.

* * *

Они шли домой, и Шурка ни о чем не догадывался.

— С тобой бывает так: подходишь к окну, видишь небо, солнце или звезды, и вдруг чувствуешь, что родился для великого дела, для всего мира. Ты такое чувствуешь? Тайные силы? Только они где-то прячутся, внутри... Чувствуешь такое? — допрашивал Шурка.

— Не знаю, — отвечал Володя с сомнением.

Хотя ему тоже стало иногда казаться, что растет он не просто так, а для чего-то необыкновенного. Только бы знать — для чего. Здорово было бы, например, спасти человечество от космической катастрофы. Или хотя бы просто — кого-нибудь спасти. А то какое-нибудь открытие совершить.

Они шли по улице, и Шурка все говорил, говорил, и не догадывался, какая его подстерегает опасность. Что через несколько минут его могут ткнуть носом в вонючую землю там, где выгуливают собак, и заставить эту землю есть.

Но только этого не будет, потому что вместо Шурки на заброшенную стройку, за забор, пойдет Володя.

Так он решил и так сделает. Он недавно в книге прочитал, что еще в прошлые века, если полагалось драться на дуэли раненому, слабому или больному, то вместо него выходил друг. И принимал бой.

Только бы Шурка ни о чем не догадался. А с Володей им будет не так-то просто управиться.

— Ты чего больше всего боишься? — спрашивал Шурка. И сам отвечал: — А я больше всего боюсь, что меня по голове ударят нечаянно или сам ударюсь, и мыслей лишусь. Потому что думать — это самое главное счастье. "Я мыслю — значит, я существую". Ноги или руки там сломаются — пускай, только бы не голова!

И тут Володя его перебил:

— Я забыл, тебя же Анатолий просил зайти, прямо сейчас. Ты ему зачем-то срочно нужен. Он мне утром, до школы, позвонил.

— Я? — удивился Шурка. — Зачем?

— Не знаю, пусть, сказал, немедленно после школы ко мне.

— А ты?

— Он тебя одного звал, так и сказал: пусть приходит один.

Шурка поверил и пошел в противоположную от забора сторону. Володя постоял немного на углу, посмотрел, как он уходит, а потом свернул к заброшенной стройке.

* * *

Там, за дырявым забором, валялись пыльные куски бетона, ржавые гнутые трубы и был утоптаный кусок земли, куда вечером со всей улицы приводили гулять собак. Володя и раньше время от времени видел там семиклассника с компанией, когда провожал Шурку домой. Эту компанию многие побаивались, старались незаметно обойти их стороной.

А теперь Володя сам шел к ним.

Семиклассника с жестким взглядом он увидел сразу. Вместе о нем были еще двое — высокий, с румяными щеками, и другой, понурый, почему-то всегда уныло смотрящий вниз.

Семиклассник уже издали улыбался ему, только эта улыбка опять напоминала волчью. А когда Володя молча приблизился и остановился перед ними, семиклассник, продолжая улыбаться, сказал сквозь зубы:

— Вали отсюда! Вали, пока по мордасам не схватил.

Володя отрицательно мотнул головой.

— Я вместо Шурки, — ему вдруг стало не страшно, а легко, даже весело.

— Вместо кого? — переспросил высокий, с румяными щеками. — Он тебе доверенность выдал, что ли?

— Ага, доверенность землю зубами грызть, — подтвердил понурый.

— Стой, — перебил их семиклассник и снова повернулся к Володе.

— Нам тебя не надо. Ты нам этого, киндервуда, приводи, понял? Значит так, сумку оставь, а киндервуда приводи. Отпустим его? — кивнул он своим, и приблизил к Володе лицо, которое опять улыбнулось волчьей улыбкой. — Приведешь — будешь жить с нами, понял?

Улыбка все приближалась, напознала на Володю. Володя даже чуть попятился, а потом медленно, будто во сне, размахнулся и несильно ударил ладонью в лицо семикласснику, в волчью его улыбку.

— Я с вами жить не буду, я вас гнать буду! — выкрикнул он и тут же почувствовал удар сбоку, там стоял розовощекий.

А дальше началась свалка, когда толком не знаешь, чью отбиваешь руку и кто тебя бьет сзади, когда крутишься между всеми врагами, прикрываешься, отбиваешь удары, нападаешь, и кулаки, ноги, плечи — действуют автоматически. И Володе уже казалось, что это никогда не кончится, и уже из носа густо капала кровь, и руки были то ли в этой своей крови, то ли в чужой.

И вдруг откуда-то он услышал близкий Шуркин зов:

— Вовик! Вовик, я иду!

Володя приостановился, повернулся на этот зов. И в это мгновение небо озарилось яркой космической вспышкой, а потом рассыпалось на тысячи искр и все вокруг потемнело.

Дальше он уже ничего про себя не помнил, не знал. Ни Шуркиных криков, ни милицейского свистка, ни топота ног...

* * *

Ему было никак не проснуться. Он слышал рядом голоса. Порой эти голоса говорили про него, про Володю, даже были знакомыми. Только он не различал их. Услышит на минуту, почувствует страшную боль внутри головы и снова исчезнет, как будто и не существует.

Он проснулся оттого, что кто-то рядом плакал. И открыл глаза. Вокруг были чужие стены, сам он лежал на чужой кровати, в комнате было темно, а в окно светил фонарь. Рядом, на другой кровати, почему-то плакал Шурка, и голова его была забинтована.

— Шурка, ты чего? — спросил Володя и удивился слабости своего голоса. И тут же по запахам догадался — в больнице они, вот где. — Шурка, мы в больнице, что ли? Под машину, что ли, попали? Ты чего, Шурка?

А Шурка повел себя странно. Он еще раз всхлипнул, как бы по инерции, а потом приподнялся, посмотрел на Володю, как бы не веря, что это он, и потому вглядываясь, и вдруг закричал необыкновенно радостным голосом:

— Анатолий, Анатолий, он в себя пришел, зови дежурного!

И тут же в темном углу кто-то вскочил со стула, едва не упав, и зажег свет. Это был Анатолий.

А Шурка, смеясь, повторял:

— Я же говорил, что он сегодня оживет! Правда, Володя, ты ведь ожил, ожил?

А у Володи снова от этих криков, шума, внезапного электрического света страшно заболела голова, но чтобы обрадовать и Шурку и Анатолия, он насильно улыбнулся и подтвердил:

— Я ожил, да. Я ожил.

Он лежал, прикрыв глаза, а Шурка рассказывал ему про какую-то драку, о которой он, Володя, совсем ничего не помнил.

— Ты же меня специально уснул, да? Специально? Я сначала не догадался, а потом понял. И сразу назад. Разве я могу тебя бросить. А ты уже был там, один против трех. Я подбегаю, а они тебя — трубой. И мне тоже — этой же трубой слегка вмазали, видишь? — и он с гордостью показал на повязку.

— Потом, потом расскажешь, — сказал Анатолий, увидев, что Володя снова лежит с прикрытыми глазами. — Напугал ты нас всех. Как ты сейчас, Вовик?

— Хорошо, — Володя едва прорвался сквозь жуткую боль в голове.

— Мы тут около тебя все передержурили, и мама твоя, и Зинаида, и майор. Ты больше так сознание не теряй, не уходи. Слышишь? Ты нам всем нужен. Слышишь? Ты нужен всем!

А Володя как раз собрался снова уйти, провалиться в темноту, потому что невозможно было дальше терпеть эту боль в голове. Но Анатолий взял его за руку, и от его руки шли тепло и покой. Покой постепенно стал вытеснять боль, и скоро Володя задремал. А когда вошел встревоженный врач, Анатолий тихо объяснил ему:

— Он очнулся, а сейчас просто спит. Теперь уж все будет в порядке.

— Я же говорил, что выживет, — радостно проговорил врач. — Лобачевским, может, и не станет, но жить будет.

Эти слова донеслись до Володи, словно из тумана.

“А я и не собирался Лобачевским. Это Шурке надо, а мне — просто человеком”, — подумал он и хотел даже сказать вслух, но вместо этого окончательно провалился в сон.

Рита́лий ЗАСЛАВСКИЙ
Киев, 1928 - 2004

Из Григория УСАЧА
(с украинского)

Впервые на рассвете

У петуха сегодня
Важнее нету дел:
Впервые на рассвете
Его сыночек запел.

Вытягивая шею,
Весёлый петушок
Задиристо горланит:
- Креку! Кукре! Крекок!

Петух сыночка учит,
С утра даёт урок,
- А ну ещё попробуй,
КукарекУ, сыночек!

Уже в разгаре лето,
И малыши растут,
Чирикают, щебечут,
Гогочут и ревут

Родителям на радость,
Едва на лапы став,
Щенок, кота увидев,
Залает: - Гав-гав-гав!

И нежный поросёнок
На мамино «хрю-хрю»
Хвостом покрутит тут же
И говорит: - Рю-рю.

Индюк своим мальчишкам
Под деревом в саду
Втолковывает хмуро:
- Балда! Балды! Балду!

Он головой качает,
Он сердится на них
За то, что индюшата
Пищат опять: - Бултых...

И так до тёмной ночи
Стоит и шум, и крик...
Ох, до чего же трудно
Дается всем язык!

Из Джеймса РИВЗА
(с английского)

Коровы

Лежат на траве коровы и молча жуют траву,
Конечно же, лучше на травке, чем в самом лучшем хлеву.

Лежат -

Молчат.

Лежат -

Мычат.

Коричневая корова

Сказала: «Какая весна!»

А белая отвечала:

«Трава в самом деле вкусна!»

Лежат на траве коровы и молча жуют траву,
Конечно же, лучше на травке, чем в самом лучшем хлеву.

Лежат –

Молчат.

Лежат –

Мычат.

Коричневая сказала:

«Какой дождливый рассвет!»

А белая отвечала:

«От мух спасения нет!»

Лежат на траве коровы и молча жуют траву,
Конечно же, лучше на травке, чем в самом лучшем хлеву.

Лежат –

Молчат.

Лежат –

Мычат.

Коричневая сказала:

«Такие у нас дела!»

А белая восхитилась:

«Какая беседа была!»

Медленно...

Медленно гальку лижет волна,
Медленно тень плывёт у окна,
Медленно лошадь поклажу везёт,
Медленно вышел старик из ворот,
Медленно стрелка считает часы,
Медленно сохнут капли росы,
Медлит улитка – но медленней всех
Мох по стене поднимается вверх.

Ветер

Вхожу в любые двери

без всякого ключа.

Бывает, листья дуба

срываю сгоряча.

Я грозowymi тучами

умею управлять.

И крепостные стены

умею сотрясать.

Но иногда на цыпочках
прокрасться я готов:
Могу пройти по саду,
не разбудив цветов.
Порой волную волны,
суда гоню на мель,
Переношу я крыши
за тридевять земель.
И вдруг утихну сразу -
и нежно, на весу
Гвоздики дикий запах
я в дом ваш принесу.

Из Робера ДЕСНОСА
(с французского)

Пеликан

Капитан Джонатан
Целый день среди лиан
Птиц ловил. И пеликан
Угодил в его капкан.

Снёс яйцо пеликан
Кругло-белое, как жбан.
- О! - воскликнул капитан, -
Будет новый пеликан!

Вылупившись, пеликан
Тоже снёс яйцо, как жбан,
- О! - воскликнул капитан, -
Вот и третий пеликан!

Это, видно, без конца
Может длиться много лет,
Если тут же из яйца
Мы не сделаем омлет.

Из Вениамина ГУТЯНСКОГО
(с идиш)

Лепица-нелепица

Не стояло,
Не летало,
Не присело,
Не упало.
Где конец
и где начало?
Вот начало...

В летний день,
Когда мороз,
Запрягает Лейбл воз:
- До свиданья,
До свиданья,
Дом, знакомый мне до дыр,
Я уехал,
До свиданья,
Я уехал в Армавир!
Привезу оттуда ржанье
Самых лучших лошадей,
Старых форточек дрожанье
Скрип несмазанных дверей.

Громко плачет Мирта-Лея:
- Вот сварила, что умею.
Лейбл, жить тебе с людьми -
Ну хоть что-нибудь возьми!
Как-никак ты едешь в гости,
Пригодятся же, ей-ей,
Маринованные гвозди,
Угощенья нет вкусней.

С возом возится наш Лейбл,
В центре ставит колесо,
Справа палку, слева балку.
Все как будто?

Нет, не всё!

Подкрепился на дорожку
(Путь-дорога не близка!),

Подковал рябую кошку,
Запрягает индюка.

Проводить пришли соседи
(Далеко ведь Лейбл едет!),
С флейтой – этот,
С скрипкой – тот,
Все толпятся у ворот.

Козы дремлют на подушке,
Детвора листву жуёт.
Машут крыльями лягушки,
«Ква-ква-ква!» – петух орёт.

Едет Лейбл третьи сутки,
Видит: дуб стоит в траве,
Видит что-то вроде утки
С чем-то там на голове.

Крикнул Лейбл: – С добрым утром!
Угощайся, вот бисквит...
Утка
 сахарною пудрой
Подавилась –
 и хрипит.

Лейбл дал ей валерьянки,
Приложил к ушам компресс,
И поставить нужно банки
Тоже, видно, позарез.

Утка дышит часто-часто.
– Едем, утка, в Армавир,
Порошок и старый пластырь
Даст аптекарь Ломпопир.

Впрочем, даст уже едва ли:
День и ночь в пути проспав,
В Армавир и не попали,
А вкатились в Богуслав.

Лейбл вынул старый рублик
И купил на рублик бублик:

- Мякиш съем, конечно, сам,
Ну а утке дырку дам!
Говорят, она лечебна,
Говорят, он целебна,
Утка дырку ест не зря:
- Всё в порядке! Кря, кря, кря!

Где же им остановиться?
Что за странная страна?
И к тому же на границе
Началась уже война.
То ли туры, то ли турки
Вон дерутся вдалеке.
Подрались опять придурки
Из-за петли на чулке.
На прогулку Лейбл вышел:
- Ах, дерётесь?

Значит, так... -
Не спеша в трубу на крыше
Быстро высыпал табак.
Всё затихло, не стреляют.
Где уж там? -
 вокруг чихают.
Слёзы целый день бегут,
И пекут, пекут, пекут.

Столько гама, столько шума,
И всего из ничего...
- Лейбл, это ты придумал? -
Как-то я спросил его.

Не стояло,
Не летало,
Не присело,
Не упало.
Где ж конец? И где начало?

Вот конец.
И вот начало.

Из Ласло БАЛЛА
(с венгерского)

Туннель в горах

Мчится поезд, мчится скорый,
Я глядел сейчас в окно -
Видел поле, видел горы...
Вдруг в купе темным-темно.

Мы в туннеле, мы в туннеле,
Мчимся, мчимся – света нет.
Но туннель мы пролетели –
И внезапно снова свет!

А потом опять – как в яму.
Тьма.

Я вовсе не дрожу,
Но на всякий случай маму,
Крепко за руку держу!

Из Киримизе ЖАНЭ
(с адыгейского)

Нарисованное письмо

«Приезжай скорее, дед!» -
Написать хотел Бахсет.
Не умеет он писать,
А умеет рисовать.
- Нарисую прежде дом -
В этом доме мы живём.
Нарисую, как дорога
Вдаль уходит от порога.
Нарисую, как джигит
К дому на коне летит.
Отошлю рисунок деду.
Дед посмотрит и поймёт:
«Раз такое дело - еду,
Внук меня в ауле ждёт!»

Из Доры ХАЙКИНОЙ
(с идиш)

Дни летят

- Дни всё летят! -
Огорчается мама.
- Как это так?
Непонятно мне, мама.
Листья летят,
И летят самолёты,
Птицы летят,
Но не видел я что-то,
Чтобы летели когда-нибудь дни...
Мама вздыхает:
- Летят и они!

- Годы бегут! -
Опечалилась мама.
- Что это значит?
Так ли уж прямо!
Вон за окошком
Бегают кошка.
Вон по дорожке
Бежит и собака.
Сам я бегу...

Но не видел, однако,
Годы бегущие -
там или тут...
Мама вздыхает:
- И годы бегут.

- Время плывёт, -
Озабочена мама.
- Странно, -
Опять повторю я упрямо, -
Волны плывут,
И плывут облака,
Если подует ветер слегка.
В море, вдали от родимой земли,
Тихо куда-то плывут корабли.
Где-то под ними
Плывёт кашалот.

А мама вздыхает:
- Время плывёт...

Из Анатолия КАЧАНА
(с украинского)

Тише, жабы

Тише, жабы,
Ни гу-гу -
Ходит цапля по лугу.
Чтобы не было беды,
Наберите в рот воды.

Месяц трав

Запела иволга - и вдруг
Зазеленели лес и луг.
Пришёл июнь, теплом обдав, -
Весёлый месяц буйных трав.
Скрипит и ночью коростель,
Тесна ему полей постель.
Кричит кукушка у реки -
Считает тёплые деньки.
Настало время летних гроз.
Не за горами сенокос.
Петь научив своих детей,
Умолк надолго соловей.
И только иволга одна
С утра до вечера слышна,
Поёт птенцам:
 «Фиу, лю-лю,
я вас люблю, я вас люблю!»

Вера ЭРХАРДТ
Шроцберг

Вера Эрхардт родилась в городе Джамбуле (Казахстан). Окончила Джамбульский пединститут, работала учителем математики в общеобразовательной школе, учителем математики и воспитателем в школе-интернате для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

С 2002 года живёт в Германии.

Писать сказки начала с 2004 года. В 2008 году издала «Сказочные приключения Максимки и Робика» на французском языке/

ПЕВЕЦ СТЕПЕЙ

- Давно это было, - начал свой рассказ внук когда-то известного в округе парикмахера Бахтияра. - Аул кочевников раскинул в степи свои юрты. Люди занимались каждый своим делом: кто овец пас, кто на охоту ходил, кто воспитывал детей. Жил в этом ауле один красивый юноша Аслан. Он играл на домбре и пел звонким голосом песни - о красоте степи, о её цветах и ковыле, о своём трудолюбивом народе. Но, вот беда, он никогда не снимал шапку. А почему? Никто не знал этого. А дело было так...

Жил в тех же местах злой человек. Он хотел, чтоб все люди подчинялись ему и беспрекословно выполняли все его пожелания.

Отец Аслана, гордый и свободолюбивый человек, отказался ему подчиняться. Тогда тот, разозлившись, сказал:

- Быть твоему сыну с рожками.

Отец Аслана кинулся к ребёнку, ощупал его голову. Рожек не было.

Успокоился немного. Не знал он, что это был не просто злой человек. Это был злой волшебник.

Шло время. Аслан начал подрастать. На голове у него появились вначале маленькие бугорки, которые долгое время скрывали волосы. Но настало такое время, когда волосы уже не могли скрыть его подросших маленьких рожек.

Родители Аслана очень сильно переживали.

- Что же будет? - шептала мать. - Что же будет теперь с нашим бедным Асланом?

- Какой стыд, - причитал отец, - увидят соседи.

Аслан и сам переживал очень. Больше всего на свете он любил своих родителей и, чтобы не расстраивать их, сказал весёлым голосом:

- Ну что же, значит, ходить буду всегда в шапке.

Надел Аслан шапку и уже больше её никогда не снимал.

Люди любили слушать пение Аслана и не обращали внимания на то, что он всегда ходил в шапке. Она была сшита из меха рыжей лисы. Сверху гладкая кожа, а изнутри мех. Мех был вывернут по краям наружу.

Жарко было Аслану в шапке, да и волосы отросли уже и мешали. Они свисали чёрными смолянистыми волнами на плечи певцу степей, отчего ему было совсем жарко. Решил Аслан подстричься. Встал он однажды рано утром и пошёл к парикмахеру Бахтияру.

Тот встретил его приветливо:

- О-о-о! Аслан! - сказал Бахтияр, недоумевая, зачем пришёл к нему Аслан. Ведь он никогда не стригся. Но закон гостеприимства не позволял Бахтияру принимать Аслана по-другому.

- Заходи, заходи, Аслан, - продолжил Бахтияр, - гостем дорогим будешь. Проходи к столу, чай пить будем.

- Не чай я пришёл к тебе пить, Бахтияр, а по делу.

- По какому делу? - любопытный румянец заиграл на щеках парикмахера.

- Подстричься надо, - отвечает Аслан. А сам стоит и не снимает шапку.

- Проходи, садись вот сюда. - Бахтияр показал на стул. - Снимай шапку.

Бахтияр дотронулся до шапки. Он хотел взять её и повесить на вешалку.

- Пстой! - закричал Аслан испуганно, схватившись обеими руками за шапку. - Подожди... - уже более спокойно сказал он. - Дай сначала слово, что никому не расскажешь о моей тайне.

- Провалиться мне на этом месте, - сказал Бахтияр, - если я выдам кому-нибудь твою тайну. Клянусь!

- Поверю тебе, Бахтияр, - сказал Аслан и снял шапку. - У меня нет другого выхода.

Бахтияр вытаращил глаза. Он открыл рот, чтоб сказать слова утешения. Но так и застыл с открытым ртом. Такого он ещё не видел. Чтоб на голове у человека росли рожки? Нет, не встречал такого в своей жизни парикмахер Бахтияр, хотя подстриг не одну сотню человеческих голов.

- Вот видишь, и ты испугался, - обиженно произнёс Аслан.

Но Бахтияр уже взял себя в руки, опомнился и заговорил с Асланом, успокаивая его:

- Клянусь, ни одна живая душа не узнает о твоей тайне. Садись вот сюда, - он показал на стул.

Аслан сел на стул. Бахтияр принялся за свою работу, про себя не переставая повторять: «Ой, баяй! Ой, баяй! Бедный Аслан! За что он так наказан? Как помочь ему?»

Закончив свою работу, Бахтияр ещё раз пообещал Аслану молчать, и тот со спокойной душой, надев шапку, пошёл к своей юрте.

А Бахтияр себе места не находит. Что бы он ни делал, постоянно в мыслях у него Аслан.

- Бедный Аслан! Ох! Бедный Аслан! - произнёс он однажды вслух свои мысли.

Эти слова услышала жена, его любимая жена Алтынай.

- Что случилось? - встревожилась она. - Ты сам на себя не похож, похудел сильно. Что случилось с Асланом? Он что - заболел? Или голос сорвал и петь не может?

Алтынай видела, как Аслан выходил из их дома.

- Рассказывай! - требовала жена.

- Нет, не проси, Алтынай, не проси. Я не могу тебе рассказать. Я клятву дал Аслану, что буду молчать. Что, пока я жив, ни одна живая душа не узнает его тайну от меня.

- Ну если так. Клятву дал. Не говори, - согласилась Алтынай.

Бахтияру стало ещё хуже. Он перестал есть, пить, спать. Ходит, как тень. Не выдержала жена и говорит ему:

- Раз ты не можешь мне или другим людям рассказать про беду Аслана, то пойди в степь и там расскажи всё. В степи людей нет.

Послушался её совета Бахтияр, да и саксаул кончился, нечем стало печь топить.

- Пойду в степь за саксаулом и там этим сухим деревьям расскажу всё про беду Аслана. Они не могут помочь, но на душе у меня легче станет, - сказал он это жене, взял верёвку и ушёл в степь.

Долго шёл по степи Бахтияр. Наконец дошёл он до саксаульного поля. Остановился Бахтияр, оглянулся вокруг. Ни одной живой души не видно. Собрал кучу сухих веток, связал их верёвкой, получилась вязанка саксаула. Сел он на неё и задумался. Он думал об Аслане. Думал и мысленно разговаривал сам с собой. Не заметил Бахтияр, как начал говорить вслух.

- Аслан! Ох! Аслан! - вздыхал Бахтияр. - Как же помочь тебе, Аслан? Кто же сможет тебе помочь? - говорил вслух Бахтияр. - Здесь только саксаул растёт и ни одной живой души. А разве саксаул может тебе помочь?

Вдруг одно дерево дёрнулось, двинулось с места и подошло к Бахтияру. Смотрит Бахтияр и не верит своим глазам. Перед ним стоит древний старик, весь высохший, сморщенный с костлявыми руками. Всем своим видом похожий на саксаул.

«Старичок-Саксауличок», - дал сразу же ему имя Бахтияр.

- Ты прав, - продолжил скрипучим голосом мысли Бахтияра старичок. - Я - хранитель саксаульного поля. Зовут меня все Старичок-Саксауличок. И я могу помочь Аслану. Я знаю про его беду.

- Откуда? - удивился Бахтияр. - Ведь об этом никто не знает.

- Я знаю о его беде из его же песен. Аслан часто приходит в степь и поёт. Он поёт о своей беде. Здесь его никто не слышит. Аслан добрый малый и хорошо поёт. Его голос разносится по всей степи и доносится до нас. Но ни разу Аслан сюда не приходил, поэтому помочь я ему не мог. Ты

передай ему. Пусть завтра до восхода солнца придёт сюда и споёт для меня. Я и помогу ему, – сказал это и опять превратился в саксаул.

Очнулся Бахтияр, взвалил вязанку саксаула на спину и пошёл в аул.

Идёт и думает: «Говорить Аслану или нет? На самом деле это был старичок или всё это приснилось мне?»

– Может, я заснул, когда сидел на вязанке саксаула? – спросил вслух сам у себя Бахтияр и тут же ответил. – Нет, не приснилось мне это. Да и не спал я вовсе.

Принёс он домой вязанку саксаула, бросил её около своей юрты, развернулся и поспешил к Аслану. Тот сидел около своей юрты и пел песню о тёплом ласковом солнце на безбрежном голубом небе.

Увидев Бахтияра, Аслан прервал своё пение.

– Что случилось, Бахтияр? – обратился к нему Аслан.

Поведал ему Бахтияр обо всём, что с ним приключилось.

– Не забудь, завтра до восхода солнца ты должен быть на саксаульном поле, Старичок-Саксауличок тебя будет ждать, – сказал на прощанье Бахтияр и пошёл домой.

Дома он поужинал с аппетитом, чего не было уже несколько последних дней.

На следующее утро Аслан встал ранёхонько и уже до восхода солнца был на саксаульном поле. «Где же искать Старичка-Саксауличка?» – думает он. – «Не буду его искать, лучше спою», – решил Аслан.

Взял в руки домбру, заиграл на ней и запел грустную песню о своей жизни нелёгкой. О том, что любит он красавицу Айшу с двумя толстыми чёрными длинными косами и такими же чёрными, излучающими свет глазами. О том, что жениться не может на ней из-за своего уродства. «И никто не может помочь мне», – закончил он такими словами своё пение.

– Я помогу тебе, – услышал Аслан скрипучий старческий голос.

Повернулся. Видит: стоит перед ним древний старичок, похожий на саксаульное дерево.

«Старичок-Саксауличок, – сразу догадался Аслан. – Так вот он какой!»

– Ты очень хорошо поёшь, – сказал старичок. – Я помогу тебе.

И, не дав Аслану опомниться, продолжал скрипеть своим старческим голосом:

– Сейчас пойдёшь к роднику. Там, около его берегов, найдёшь травку с жёлтыми цветочками. Сорвёшь её, польётся жёлтый сок. Этим соком помажешь свои рожки. Так будешь делать семь дней. А на восьмой день выйдешь в степь, выроешь ямку, тряхнёшь над ней головой – рожки и отвалятся. Засыпь эту ямку. Сверху положи шапку и смело иди в свой аул.

Собрался было Аслан кое о чём у старичка спросить, но того уже нигде не было. Оглянулся по сторонам Аслан, вокруг только деревья саксаула. «Надо торопиться, – подумал он, – а то солнце вот-вот взойдёт, и я опоздаю сорвать травку».

Взял Аслан домбру и быстро зашагал к роднику.

Травку с жёлтенькими цветочками нашёл быстро. Сорвал её, побежал жёлтый сок. Помазал им Аслан свои рожки.

На следующее утро опять пришёл к роднику. На следующее утро - опять...

На восьмой день вышел Аслан в степь далёкую, без конца и края. Вырыл ямку, как учил его старик. Нагнулся, потрянул головой. Рожки и упали прямо в эту ямку. Быстренько закопал свои рожки Аслан, положил сверху шапку и пошёл радостный в свой аул.

Первым делом Аслан зашёл к Бахтияру. Тот сидит, пьёт чай вместе со своей женой.

- Здравствуй, Бахтияр! - поприветствовал он парикмахера.

- Ой, баяй! Кто это? - встрепенулся Бахтияр. - Алтынай! Кто это?

- Так это же Аслан, - ответила та. - Аслан, только без шапки.

Посмотрел на парня Бахтияр, хотел расспросить, как было дело, но не стал. Главное: помог добрый древний Старичок-Саксауличок Аслану!

Аслан рассказал о своей любви Айше, и девушка призналась, что тоже давно его любит, и поженились они, и нарожали детей, и были счастливы. А вечерами после трудового дня, каким бы он ни был уставшим, уходил Аслан далеко в степь и пел свои песни среди зарослей саксаула, чтобы мог их слышать его спаситель - Старичок-Саксауличок. А ещё очень подружился Аслан с моим дедом Бахтияром, который и слово своё сдержал - не выдал людям чужую тайну, и с волшебным Старичком-Саксауличком Певца степей свёл.

Внук парикмахера Бахтияра закончил рассказ и добавил:

- Если у тебя беда, не прячь её, как Аслан свои рожки, под шапку. Иди к людям. Они помогут.

ДеДский уголок

Вадим ЛЕВИН

Марбург

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДСКАЗКИ

родителям и педагогам к первой книге

русской хрестоматии «Дар слова»

(Окончание. Начало см. в 5 и 7 выпусках)

Час беседы (стр. 14)

Сергей Козлов

Вы, конечно, помните эту песенку:

Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу,
Все лежу, и лежу, и на солнышко гляжу.

Так поет черепаха в мультфильме «Как львенок и черепаха пели песню» (Режиссер Инесса Ковалевская, композитор Геннадий Гладков).

И песню «Облака, белогривые лошадки» (композитор Владимир Шаинский) вы слышали не раз.

• Ну, а о том, знаете ли вы знаменитый мультфильм Юрия Норштейна «Ежик в Тумане», и спрашивать не стоит.

Значит, вы знакомы с творчеством поэта-сказочника Сергея Козлова. Потому что и эти стихи, ставшие песнями, и сценарии мультфильмов о Ежике, о Черепахе и Львенке написал Сергей Григорьевич Козлов.

И всё же, чтобы читать с детьми сказки Сергея Козлова, следует подготовиться – перечитать миниатюры, вчувствоваться в них, полюбить их. Ведь сказки непривычные. Они заставляют нас (и детей, и взрослых) вслушиваться в мир, не только в звуки, но и в краски, в движения, в настроение и переживания собеседника. Вслушиваться в каждое слово. В себя.

По-моему, сказки Сергея Козлова – открытие в литературе. До них трудно было себе представить, что ребенок, это непоседливое деятельное существо, может полюбить неспешное лирическое повествование и тихие разговоры о красоте и дружбе, о вечности и мимолетности, о жизни и смерти. А ведь дети любят слушать эти необычные сказки-картинки, сказки-диалоги, сказки-размышления! Почему? Понимают ли малыши философию и поэзию этих сказок? Думаю, они ее чувствуют. И чтобы не разрушить их поэтические эмоции, не следует втягивать детишек в обсуждение переживаний. Пусть воспринимают загадочные сказки Сергея Козлова как музыку – чувствами, а не через рассуждения. Пускай эта музыка сказок Сергея Козлова наполнит их и останется их духовным богатством. А время для осмысления еще придет.

Но сверх того от чтения этих миниатюр есть и прагматическая польза для начинающего читателя: ему легко читать завершённые произведения размером максимум – в шесть строк.

Поведите детей к этим сказкам через иллюстрации.

«У:» Посмотрите на эти три картинки на закладке. Это рисунки художницы Лидии Шульгиной. Что на них нарисовано?

«Интересно, что увидят и расскажут дети? Их восприятие может разительно отличаться от нашего, взрослого. Не исправляйте ответы детей. Ждите сюрпризов и радуйтесь свободной детской фантазии».

«У:» А теперь посмотрите на четырнадцатую страницу хрестоматии. Здесь четыре сказки, которые написал сказочник Сергей Козлов. Попробуйте догадаться, к какой сказке какая картинка. Для этого почитайте сказки Козлова «Облака», «Барашки», «Стрижи» и «Одуванчик»... А к одной сказке картинки нет. Нарисуйте сами картинку к этой сказке.

Облака

«Ученик Саша читает:» В синем небе бегут прозрачные облака. Быстро-быстро бегут, будто наперегонки.

Отчего бегут облака?

«У:» Спасибо, Саша. Как вы думаете, ребята, отчего бегут облака? – Конечно, оттого, что их гонит ветер. Так и в сказке Сергея Козлова написано: А бегут они потому, что дует ветер.

«У:» Где же тут сказка? Конечно, облака бегут потому, что дует ветер. Это ведь каждый знает. Каким бывает ветер?

– Тёплым и холодным, тихим и сильным, ласковым и злым, ровным и порывистым, солёным (если дует с моря) и горячим (если пролетел над пустыней)...

«У:» А кто может нарисовать, как дует ветер? Как он выглядит? Зачем облака гонит?.. Попробуйте нарисовать!

Дети рисуют, а потом рассматривают картинки друг друга. Если во время занятий рисовать некогда, а речь у детей достаточно развита, рисование картинок на бумаге можно заменить словесным рисованием: дети описывают свою воображаемую картинку.

«У:» А теперь послушаем сказку «Облака» от начала до конца, и, я думаю, вы все убедитесь, что это настоящая сказка. Потому что сказочник Сергей Козлов увидел обыкновенный ветер совсем не так, как мы. Ветер у него совсем другой. Вот послушайте:

.....
Сидит ветер за морем на сиреневой скамеечке, в красной рубаше сидит, в соломинку дует, облака, будто мыльные пузыри, пускает.

«У:» Какой получился ветер в этой сказке Сергея Козлова?

«Когда мы с детьми читали эту сказку, мне довелось услышать от учеников такие ответы:

– Он добрый... весёлый... немножко ленивый... Он живой! Он похож на ребёнка-великана...

Очень хотелось бы узнать, что услышите вы...»

«У:» Посмотрите на картинку еще раз. Узнаёте ветер из сказки «Облака»?

«У (продолжает):» Мне кажется, что сказки Сергея Козлова похожи на цветные волшебные картинки. Вроде бы всё так, как в жизни. И не совсем так. На этих картинках жизнь становится волшебной, не такой, какой она видится нам обычно. Прочитайте сами еще три сказки и скажите, похожи ли сказки-

картинки Сергея Козлова на то, что мы видели в жизни. А чем отличаются? Чего вы раньше не замечали, а теперь видите?

Барашки

Облака барашков на земле, барашки облаков в небе.

Стрижи

С утра стрижи стригли небо и к вечеру засыпали весь двор одуванчиками.

Одуванчик

Кажется, стоит одуванчику подпрыгнуть – и он сразу улетит на небо.

<У:> Вам понравились эти сказки? (Напомните, пожалуйста, кто их сочинил...). Давайте почитаем еще одну сказку, но другого автора – Геннадия Цыферова. Посмотрите на картинку (стр. 15) и догадайтесь, о ком эта сказка. Теперь я буду медленно читать, а вы следите и водите пальчиком по строчке, где я читаю. Можете негромко читать вместе со мной.

Книжка в книжке (стр. 15)

Геннадий Цыферов. Цыплёнок

Про меня и про цыплёнка

Когда я был маленький, я знал очень мало и всему удивлялся, и любил сочинять. Летит, например, снег. Люди скажут – осадки.

<У:> Понятно, что такое «осадки»? – Верно, то, что падает из облаков и оседает на земле, садится на землю...

А я подумаю: наверное...

<У:> Все взрослые люди увидят снег и подумают: «осадки»? Так и в прогнозе погоды говорят: «Сегодня осадки в виде снега». А как подумает сказочник? Как бы вы подумали, если бы были сказочниками?

Педагог выслушивает ответы детей и поощряет маленьких фантазеров. Важно, чтобы дети интересовались ответами друг друга. Приглашайте их: «Вы представили, что увидел Боря? Правда, Оля интересно придумала?...

<У:> Давайте посмотрим, как подумал сказочник Геннадий Цыферов.

Прочтите сами:

А я подумаю: наверное, где-то на синих лугах отцвели белые одуванчики. Или, может, ночью на зелёной крыше присели отдохнуть весёлые облака и свесили белые ножки. И если облако потянуть за ножку, оно вздохнёт и полетит. Далеко полетит куда-то.

<У:> Перечитайте, пожалуйста, эти строчки. Представьте себе, какие картинки увидел сказочник. Дома нарисуйте эти картинки. Интересно, они у вас получатся похожими или будут отличаться друг от друга? А теперь слушайте дальше, и кто захочет, пускай представит себе и нарисует такую картинку:

К чему я тебе всё это рассказываю? А вот к чему. Вчера в нашем курятнике случилась удивительная вещь: из белого куриного яйца в зелёный мир проклюнулся жёлтый цыплёнок. Вчера он проклюнулся, а потом весь день, всю неделю всему удивлялся. Ведь он был маленький и всё видел впервые.

Вот о том, как он был маленький и всё видел впервые, я и решил написать книжку.

Хорошо быть маленьким. А ещё лучше – всё видеть впервые.

<У:> Этим заканчивается вступление в сказку, а за вступлением следует первая глава. Прочтите, пожалуйста, как она называется и о чем она.

Удивление первое

Чему удивился цыплёнок вначале?

(Продолжение следует)

<У:> Здесь сказка обрывается, но не заканчивается. Видите, тут написано – прочтите! – «Продолжение следует». Мы будем читать хрестоматию дальше и непременно найдем в ней продолжение сказки. Тогда и узнаем, чему цыплёнок из сказки Геннадия Цыферова удивился вначале. А сейчас попробуйте догадаться об этом сами. Как вы думаете, чему вначале удивился? (Ответы детей). Кто-то из вас догадался правильно, молодец! Но я вам сейчас не скажу, кто именно. Вот дочитаем до продолжения сказки, тогда и узнаем, чему в этой сказке цыплёнок удивился вначале и кто из вас это угадал.

Ёжик в тумане (стр. 16-17)

Владимир Сутеев. Цыплёнок и Утёнок

При чтении этой сказки хорошо использовать рисунки В.Сутеева.

<У:> А теперь сказка про другого цыплёнка и еще про одного птенца. Цыплёнок – это ребенок, птенец курицы. А как называют ребенка, птенца утки? Сказку «Цыплёнок и Утёнок» сочинил и нарисовал художник и писатель Владимир Сутеев. Возьмите рисунки помещены на закладке. Посмотрите на первый рисунок. Я буду читать, а вы слушайте и водите пальчиком, там, где я читаю.

Вылупился из яйца Утёнок.

– Я вылупился, – сказал он.

– Я тоже, – сказал Цыплёнок.

<У:> Теперь посмотрите на следующую картинку и читайте так: Петя – первую строчку, где рассказывается про Утёнка, а про Цыплёнка... Кто будет читать строчки, в которых говорится про Цыплёнка?.. <И т.д.>

-
- Я хочу купаться, – сказал Утёнок.
 - Я тоже, – сказал Цыплёнок.
 - Я плаваю, – сказал Утёнок.
 - Я тоже, – сказал Цыплёнок. – Спасите!

<У:> А сейчас... положите на этой страничке закладку, закройте, пожалуйста, книжку и скажите, как бы вы закончили сказку. Не подглядывайте! (Ответы детей).

<У:> Можете открыть книжку и прочесть, как заканчивается сказка у автора... – Кстати, кто автор? Вы не забыли? Проверьте – прочтите!..

-
- Вытащил Утёнок Цыплёнка.
- Я иду ещё купаться, – сказал Утёнок.
 - А я нет, – сказал Цыплёнок.
- Даниил Хармс. Цыплята и утята

<У:> Закройте, пожалуйста, линейкой-закладкой последнюю строчку стихотворения и читайте до неё:

Речку переплыли
ровно в полминутки
Цыплёнок – на Утёнке,
Цыплёнок – на Утёнке,
Цыплёнок – на Утёнке...

<У:> Кто догадался, как Даниил Хармс закончил это стихотворение? (Если дети не догадываются, <У> может подсказать: «А Курица...»). А теперь опустите закладку и проверьте, угадали вы или нет.

...а Курица – на Утке.

Придумайте вместе с детьми, как инсценировать это стихотворение. Сыграйте сценку на занятиях.

Бабушкина шкатулка (стр. 17-18)

«Наши утки с утра...»

Стихотворение-игру «Наши утки с утра...» хорошо исполнять в движении: шагая по кругу, изображать уток, гусей, индюка и т.д. Как изображать? – Это лучше всего придумать вместе с детьми. Пока будете придумывать, стихотворение запомнится.

Художники подсказывают свой вариант движений уток, гусей, индюка, голубей, курочек, петушка.

Приглашаем солнышко (Народная заличка)

Приглашение солнышку легко запоминается. Вот и нужно запомнить, чтобы хором звать солнышко в хмурые, пасмурные, ненастные дни. А репетировать заличку можно в любую погоду.

Три пословицы

Если стихи, сказки, рассказы, даже притчи ребенок воспринимает сначала чувствами, а только со временем умом (рассудком), то пословицы и поговорки, пожалуй, современный малыш сначала должен понять. В наше время они стали гораздо реже употребляться в живой речи, а потому не оседают в детской памяти в связи с жизненными ситуациями, не связываются с определенными эмоциями. Поэтому сегодня без специальных усилий взрослого (носителя традиций) маленькому читателю пословицы и поговорки не освоить.

Чтобы включить малыша в осмысление пословицы или поговорки, предложите ему прочитать эти фольклорные миниатюры и спросите: «Как по-твоему, когда так говорят?» Попробуйте придумать с детьми маленькие истории (про людей, зверей или растения) с такими названиями:

При солнышке тепло, при матери добро.
Солнышко на всех равно светит.
Придёт солнышко и к нашим окошечкам.
Четыре загадки – четыре отгадки

С загадками и отгадками сыграем иначе. Предложите ребенку прочитать четыре загадки и к каждой подобрать одну из отгадок. А потом посоветуйте дома сыграть в эту же игру со знакомыми взрослыми и ровесниками.

И пословицы, и загадки с отгадками дают богатый материал для словарной работы. Например, можно поработать с традиционными эпитетами: (ветер) буйный, (солнце) ясное, (туча) грозная, (сердце) страстное. О ком (о чем) еще можно сказать: буйный, ясный, грозный, страстный? Какой это: буйный, ясный, грозный, страстный?

Каким еще бывает ветер? Солнце? Туча? Как еще говорят о сердце? А запомнили, в народных песнях и сказках ветер обычно ... (какой?) Туча? Солнце? Сердце?

Геннадий Цыферов. Цыплёнок (продолжение)

Учитель просит детей закрыть хрестоматии и читает:

Удивление первое

Чему удивился цыплёнок вначале?..

«У:» Так чему удивился цыплёнок вначале? Подглядывать нельзя! «Если подглядывает ребёнок, который читает слабо, учитель «не замечает» этого и про себя радуется: значит, у малыша появилось желание читать!» Думайте, угадывайте! (Ответы детей).

...Ну, конечно, солнышку.

Он взглянул на него и сказал:

«У:» А что сказал цыплёнок, почему он удивился и что ответила мама, – это можете прочесть сами. До слов «Надо запомнить». Читайте.

– А это что? Если это шарик, то где же ниточка? А если это цветок, то где же ножка?

– Глупый, – засмеялась мама-курица. – Это же солнышко.

– Солнышко, солнышко! – пропел цыплёнок. – Надо запомнить.

«У:» Как вы думаете, мама-курица любит цыплёнка? – А почему же она говорит о нем «глупый»? Она ругает своего сына? – А вам цыплёнок нравится? Какой он, по-вашему? – Давайте посмотрим, что с ним дальше происходит в сказке (кто ее сочинил?).

Потом он увидел ещё одно солнышко...

«У:» Как вы думаете, где он увидел еще одно солнышко?

Потом он увидел ещё одно солнышко, в маленькой капельке.

– Маленькое солнышко, – шепнул он ему в жёлтое ушко, – хочешь, я отнесу тебя в наш маленький дом, в курятник? Там темно и прохладно.

«У:» Попробуйте угадать, что случилось дальше.

Но солнышко там не захотело светить. Опять вынес цыплёнок солнышко на улицу – горит.

– Глупое солнышко! – рассердился он. – Где светло – светит, а где темно – светить не хочет. Почему?

«У:» Вы знаете, почему. А почитайте, что ответили цыплёнку в сказке.

Но никто, даже большие и взрослые не могли объяснить ему это.

«У:» Как вы думаете, почему в сказке большие и взрослые не могли объяснить ему это.

Интересно, что нафантазируют дети вам в ответ.

«У:» Пожалуйста, читайте дальше.

Удивление второе

А чему удивился цыплёнок потом?

(Продолжение следует)

«У:» Как вы думаете, чему удивился потом цыплёнок из сказки Геннадия Цыферова? (Ответы детей). Нарисуйте, кто захочет, к следующему разу цыпленка, который удивляется, и то, чему он удивляется второй раз.

Мячик (стр. 21)

Ирина Токмакова. Зёрнышко

<i>Строчки</i>	<i>Картинки</i>
Выйди, выйди, солнышко,	Руки вытянуты вперед, ладони вверх: поднимаем солнышко!
Мы посеем зёрнышко.	Присели, кладем зернышко в землю.
Скоро вырастет росток,	Ладоши сложены перед собой, тянутся вверх и мы – за ними.
Потянется на восток,	Потягиваемся и наклоняемся в сторону: ищем восток.
Потянется на восток, Перекинется мосток.	Еще раз – в другую сторону: ищем восток. Становимся друг за другом, руки на плечах у предыдущего.
По мосточку пойдём, В гости к солнышку придём.	Так «цепочкой» идем «по мосточку». Тянемся к солнышку и кланяемся ему.

«Зёрнышко» написано в стиле народной заклички. Но это еще стихотворение-зарядка, стихотворение-танец, стихотворение-спектакль, стихотворение-игра! Детям понравится такая игра: читать эти стихи хором и показывать их. Художники картинками к каждой строке подсказывают, как можно изобразить эти стихи своими движениями (подсказки художника смотрите на закладке). Только сначала при чтении вы должны помогать малышам.

А.Лёвшин. Загадка

Когда «Зёрнышко» запомнится, детям не трудно будет разгадать «Загадку» А.Лёвшина. Предложите им, если кто-нибудь захочет, нарисовать отгадку.

Под соснами, под ёлками (стр. 22–25)

Валентин Берестов. Прятки

Как дети играют в прятки, знают, наверно все ваши ученики.

<У:> Кто еще может играть в прятки? – А где можно играть в прятки? – А можно ли играть в прятки... на небе? – Давайте проверим. Почитайте стихи Валентина Берестова «Прятки».

Кто захочет, пускай нарисует, кто еще умеет играть в прятки.

Елена Благинина. Радуга¹¹

Как интересно связаны зрение человека и культура, к которой он принадлежит! Оказывается, каждый из нас обычно легко замечает и называет словами то, что уже получило в его языке свое наименование. А чтобы заметить то, у чего на моем языке названия нет, нужны специальные усилия. Вот вам пример.

Спросите в России: «Сколько цветов в радуге?» – и каждый грамотный школьник ответит: «Конечно, семь: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый». Я задавал тот же вопрос немецким школьникам и взрослым. Одни говорили, что цветов шесть, другие – семь, а некоторые – всего пять.

А вот Аристотель видел в радуге только три – четыре цвета, хотя внимательно в нее вглядывался. В своей книге «Метеорологика» он писал, что радуга «...возникает в любое время дня... И более двух радуг одновременно не бывает. Каждая из таких [одновременных радуг] трехцветна, причем и в той и в другой равное число тех же самых цветов, но во внешней радуге они бледнее и расположены в обратном порядке. У внутренней [радуги] красного цвета первая, т. е. самая большая полоса, а у внешней — самая меньшая, ближайшая к той. Соответственно [распределены] и другие [цвета]. Это почти единственные краски, создавать которые художники не умеют. Некоторые цвета они получают смешением, однако красный, зеленый и синий не могут быть получены таким способом. В радуге между тем [именно] эти цвета; впрочем, между красным и зеленым

¹¹ Прежде, чем включать этот фрагмент в окончательный текст, проверить у специалистов-филологов:

часто появляется желтый» (см.:

http://naturalhistory.narod.ru/Person/Aristotel/Aristotel_m3.htm#8; по собранию сочинений Аристотеля в 4-х томах. Том 3, Москва, «Мысль», 1981 г.).

«Когда-то в середине XX века Дж. Роули, исследователь культуры Древнего Китая, писал, что языки подчинены национальной культуре, и переводы обладают погрешностью, они «адаптируют» на другой язык, но не переносят с языка на язык всю полноту высказывания. Так, количество имен для разных цветов (красок) в языках стран Дальнего Востока превосходит в несколько раз количество имен цветов в английском, отчего богатство высказывания в описании цвета человеком китайской или японской, корейской культуры сводится до бледной репродукции того же образа у англоговорящего». Это я процитировал эссе Ирины Чмыревой (Музей Современного Искусства), опубликованное в Интернете (см.:

<http://www.lumiere.ru/main.php?pg=publications&tpid=11129656972446665312>).

<У:> Сейчас я раздам вам листочки со стихотворением Елены Благиной «Радуга» и медленно его прочитаю. А вы следите внимательно и постарайтесь представить себе, какие цвета увидела девочка, которая рассказывает о том, как она любовалась радугой. – Какие цвета вы увидели?

<У:> И еще одно задание: сейчас каждый прочитает это стихотворение негромко, про себя. Найдите все слова, которые обозначают цвет и закрасьте их на листочке этим цветом. Потом мы сравним листочки и увидим, у всех ли получилась семицветная радуга.

Домашнее задание. Каждый приготовит дома семь бумажных полосок, раскрашенных в семь цветов радуги, и на обороте полосок напишет, какой это цвет.

<В классе снова читаем «Радугу» Елены Благиной, выкладывая полоски у себя на партах, когда в стихотворении прозвучит название цвета. Если все сделаем правильно, на партах появятся семицветные радуги.>

Михаил Пришвин. Утиное купанье

<У:> Сегодня известный русский писатель Михаил Пришвин приглашает нас в лес. Мы почитаем его маленький рассказ «Утиное купанье», вместе с героем рассказа попадем на берег лесного озера и увидим, что там происходит. А что там может происходить, если рассказ называется «Утиное купанье»? – Почитайте и проверьте, правильно ли вы догадались.

Сел прохожий человек и задумался. Вдруг из дупла высокого дерева вылетает пёстрая, белая с чёрным, утка и выносит на воду из дупляного гнезда одного маленького утёночка.

<У:> Как вы думаете, что случится дальше? – Проверим, правильно ли вы догадались. (Читает:).

Эта дульная утка, гоголь, перетаскала всех своих двенадцать утят на воду, собрала всех тесно возле себя и вдруг – прощайте! – исчезла под водой.

«Здесь сделайте паузу. Подождите, вдруг дети спросят, что будет дальше.»

«У:» Дальше читайте сами.

Тогда все её сыночки и дочки тоже вниз под воду – искать мать, и что было так удивительно сидящему на берегу человеку: довольно долго никого из-под воды не показывалось.

«У:» А теперь я прочту. Слушайте.

Конечно, долго показалось человеку: он судил по себе и свою добрую человеческую душу по-своему как-то переселял в бедных утят в поисках под водой родной матери.

«У:» Человек тревожился, и ему казалось, будто утята тоже испугались, что потеряли маму. А на самом деле утята, наверно, ничуть не беспокоились.

У них же самих «у утят. – В.Л.» выходило бодро и весело: в своё утиное время мать показалась и все утята по одному в разных местах. Все увидели, узнали друг друга, мать подала сигнал по-утиному, ребятишки засвистели, все сплылись. А потом, окунув всех ещё раз, мать всех перетаскала обратно в дупло.

– Хорошо тут! – вслух сказал человек.

Сергей Козлов. Скоро осень

«У:» Сказки Сергея Козлова почитаем снова с закладкой. Приоткройте название и первую строчку. Прочитайте.

Медвежонок влез на берёзу и полизал облако.

«У:» Как вы думаете, что дальше расскажет сказочник? Обратите внимание на название сказки. – Откройте сказку до конца и прочитайте.

– Какие сегодня прохладные облака! – сказал Медвежонок. – Наверно, скоро осень...

«У:» Вам понравился сказочный Медвежонок? Вы хотели бы с ним дружить? Кто-нибудь из ваших друзей похож на доброго Медвежонка? Чем?

Муравьиные города

Эту сказку читаем так же, как предыдущую – с линейкой-закладкой. Теперь места, где учитель прерывает чтение (свое или детей) и задает вопрос, отмечены значком «>». Вопросы вы легко сформулируете сами. А вот детские ответы предугадать почти невозможно. Среди них могут быть совершенно нестандартные, которые и вам, и детям доставят большое удовольствие своей неожиданностью. Не забывайте хвалить авторов оригинальных ответов.

А что делают муравьи зимой, когда муравьиные города засыпает снегом?

<>.

Надевают белые фартуки, достают метлу и скребок.

А ещё?

<>.

Вывозят на лесных машинах снег за город.

А потом?

<>.

Ходят по расчищенным дорожкам, посыпают их шершавой сосновой корой.

Книжка в книжке (стр. 26-27)

Из предыдущих примеров видно, что, разрабатывая «партитуру чтения», педагог опирается на «скрытую партитуру» (точнее – на возможные варианты ее), заложенные автором в структуру стихотворения, сказки, рассказа. Так, вопросы, встречающиеся в произведении для детей, обычно не рассчитаны на то, что малыш найдет или угадает верный ответ. Их назначение – собрать внимание малыша, заинтересовать его тем, что будет дальше. Поэтому после авторского вопроса предполагается пауза в чтении. В паузе можно повторить вопрос, переформулировать его, добавив, например, слова: «А как ты думаешь?..». Но лучше всего, если в паузе сам слушатель задаст вопрос автору, представителем которого выступает читающий взрослый.

Эту же задачу (собрать внимание ребенка, оживить его интерес к произведению) при первом чтении выполняют паузы и вопросы перед «неожиданностями», «сюрпризами», заложенными автором в текст.

Исходя из сказанного, можно без особого труда представить себе партитуру чтения следующего фрагмента:

Геннадий Цыферов. Цыплёнок (продолжение)

Удивление второе

А чему удивился цыплёнок потом?

<>

Опять, опять солнышку.

Какое оно?

<>

Конечно, жёлтое. Таким цыплёнок увидел его впервые и решил, что таким оно будет всегда.

Но однажды... <>

Но однажды озорной ветер размотал золотой клубочек. На пути, где ходило солнышко, от зелёных холмов до синей речки протянулась разноцветная радуга.

Взглянул цыплёнок на радугу и улыбнулся...

«У: Как вы думаете, чему улыбнулся цыпленок? Что он подумал? Из-за чего ему стало радостно?..»

Взглянул цыплёнок на радугу и улыбнулся: да ведь солнышко совсем не жёлтое. Оно разноцветное. Как матрёшка.

«У: Все видели матрёшку?»

Открой жёлтую матрёшку – в ней синяя. Открой синюю – в ней зелёная. Открой зелёную – в ней голубая. А в голубой ещё красная, оранжевая.

Так и солнышко. Если раскатать, размотать его клубочек, будет...

«Что будет? Как подумал цыпленок, что будет, если размотать клубочек солнышка?»

...будет семь цветных полосочек. А если каждую из этих полосочек смотать отдельно, будет...

«Что будет? Как подумал цыпленок, что будет, если каждую из этих полосочек смотать отдельно?»

...будет семь цветных солнышек. Жёлтое солнышко, синее, голубое, зелёное, всякие солнышки.

А сколько дней в неделе?

«>

Тоже семь. Значит...

«>

Значит, каждый день взойдёт какое-нибудь одно солнышко. В понедельник, например, синее, во вторник – зелёное, в среду – голубое, а в воскресенье – жёлтое.

Воскресенье – весёлый день.

Мячик (стр. 28-31)

Структура (устройство) стихотворения таит в себе не только скрытую партитуру первого чтения, но и условия чтения-игры.

С.Маршак. Мяч

Один из возможных вариантов чтения-игры для стихотворения С.Маршака¹² нужно предварительно подготовить с парой помощников (детей или родителей). На занятиях помощники продемонстрируют движения, которые сопровождают чтение этих стихов.

¹² Отмечу, к слову, что своим литературным именем Самуил Яковлевич считал не «Самуил Маршак», а «С.Маршак» и именно так подписывал свои произведения и переводы.

Дети разбиваются на пары, попарно становятся лицом друг к другу, руки кладут на плечи к партнеру и читают, подпрыгивая на одной ноге:

Мой
Весёлый,
Звонкий
Мяч,
Ты куда
Помчался
Вскачь?

Меняют ногу и продолжают:

Жёлтый,
Красный,
Голубой,
Не угнаться
За тобой!

Протягивают левую руку вперед, ладошкой вверх, а правой хлопают по ладошке партнера:

Я
Тебя
Ладонью
Хлопал.

Меняют ладоши:

Ты
Скакал
И звонко
Топал.

Опять меняют ладоши:

Ты
Пятнадцать
Раз
Подряд

Последний раз меняют ладоши:

Прыгал
В угол
И назад.

Пауза. Снова кладут руки на плечи партнера и медленно читают, покачиваясь в стороны и переваливаясь с ноги на ногу:

А потом
Ты покатился
И назад
Не воротился.

Продолжают быстрее и дальше с ускорением:

Покатился
В огород.
Докатился
До ворот,
Продолжают, приседая и увеличивая темп чтения:
Подкатился
Под ворота,
Добежал
До поворота.
Освобождают руки, «заглядывая под ворота» и прижимая руки к щекам:
Там
Попал
Под колесо (!!!)
Замирают в паузе (на корточках, изображая ужас: руки прижаты к щекам).
Привставая после паузы:
Лопнул,
Хлопок двумя руками по коленям:
Хлопнул –
Хлопок ладонью о ладонь:
Вот и всё!

Разводят руки и застывают в позе растерянности.

Валентин Берестов. Мяч

Это стихотворение можно прочитать на занятиях как загадку. А потом ребенок может предлагать эту загадку знакомым.

Бьют его, а он не злится.
Он поёт и веселится,
Потому что без битья...

<Что? Как закончить?>

...Нет для мячика житья.

Агния Барто. Игрушки

Знаменитые стихи Агнии Львовны Барто полюбили еще дедушки и бабушки современных маленьких читателей. Книжка «Игрушки» впервые была издана в 1936 году. Обратите внимание на то, как легко стихи запоминаются. Они написаны простыми словами и несложными разговорными предложениями, естественны по интонации, нередко включают в себя звуковую игру (например, в «Грузовике»: прокатить кота, кот кататься не привык). Строчки крепко связаны полноречивыми рифмами.

А еще эти стихотворные миниатюры замечательны тем, что написаны с позиций совсем маленького ребенка, к которому и обращены. Пускай ваши дети почувствуют себя взрослыми по отношению к младшим братьям и сестрам и научатся читать эти стихи малышам.

Под соснами, под ёлками (стр. 32-36)

С.Маршак. Детки в клетке

«Детки в клетке» полюбились малышам и взрослым как только были изданы, а случилось это более восьми десятков лет назад – в 1923 году. С тех пор они остаются детской классикой, нашим богатством, которое мы с вами должны передать своим детям и внукам. Обратите внимание на то, в каких теплых и ироничных стихах живут эти добрые и трогательные животные. Постарайтесь сберечь эти чувства в своих интонациях, когда будете читать С.Маршака детям. А помогут вам в этом художники-иллюстраторы.

Сергей Козлов. Ласточка и скворец

Эта миниатюра – тоже поэзия, хотя и в прозе. Та же доброта, ирония и наблюдательность, что и в стихах С.Маршака. Та же любовь и уважение к живому.

Вадим Левин. Хитрая мышка

А это – игра и сценарий мультфильма. Можно нарисовать кадры, а можно разыграть сценку.

Проверьте: мне на последний вопрос стихотворения (Правда, хитрая мышка?) дети всегда отвечают. И всегда – утвердительно: «Да!»

Хотелось бы знать, ответят ли они вам? Как?

Николай Сладков. Лиса и мышь

Этот диалог очень удобен для чтения по очереди («чтение-мячик»): вопрос читает взрослый, ответ – ребенок. Ответ на последний вопрос (А чего же ты боишься?) предложите ребенку сначала угадать, а потом проверить по тексту свою догадку.

Андрей Усачев. Жужжащие стихи

<У: >

Встретил я в лесу Ежа.

Ёж лежал в лесу...

<У: Ни за что не догадаетесь, как лежал Ёж!>

...ЖУЖЖА.

<У: Вы когда-нибудь слышали, чтобы Ёж жужжал: ж-ж-ж-ж? – Вот и этот «я», о котором поэт Андрей Усачёв написал, что он гулял в лесу, тоже не слышал, чтобы Ежи жужжали. Поэтому он спросил Ежа... Как вы думаете, о чём?>

Я спросил Ежа: – Скажите,

Отчего вы так жужжите?

<У: Что мог Ёж ему ответить?>

Ёж сказал: – Я не жужжу,

После ужина лежу.

Я на ужин съел Ужа,

Может, он лежит жужжа.

<У: Теперь вы, конечно, догадываетесь, что будет в стихах дальше. Давайте проверим.>

.....

...Проглотила я Жука,

Жук жужжит наверняка.

Все кричат Жуку: – Скажите,

Отчего вы так жужжите?

<У: А вот теперь очень интересно угадать, чем же заканчивается стихотворение Андрея Усачёва...>

– Ну, жужжу, – ответил Жук. –

Иждаю нормальный жвук...

Я всегда, когда лежу,

После ужина жужжу!

<У: Давайте почитаем это стихотворение в лицах. Хотите?..>

К этому стихотворению мы еще вернемся, когда будем читать следующую книгу нашей хрестоматии и открывать секреты стихов и сказок.

Приведенные примеры, хочется надеяться, достаточно полно проиллюстрировали формы работы с произведениями разных жанров и с хрестоматией в целом. А это означает, что для работы со стихами, сказками, историями, которые помещены в оставшейся части хрестоматии, педагог сможет самостоятельно выстроить «партитуру» чтения, найти игры и задания, соответствующие возможностям его учеников.

В частности, читая произведение, фрагмент которого использован в качестве эпиграфа к книге, взрослый не забудет вернуть малышам к форзацу и дать им возможность убедиться в том, что теперь они знают и умеют гораздо больше, чем тогда, когда впервые встретились с хрестоматией. Не станем обсуждать этот методический прием подробнее, чтобы не наскучить взрослому читателю. Оставим место для собственного педагогического творчества учителя и родителей.

Завершая главу «По страницам хрестоматии», ограничимся только несколькими замечаниями по поводу рубрики «Что в Москве читали дети в девятнадцатом столетии».

Что в Москве читали дети В девятнадцатом столетии

Русская зима (стр. ...)

У: > В этой рубрике – стихи о зиме. Наша зима – особая. Ее любят, о ней поют песни, сочиняют стихи и сказки, ее изображают на картинах.

У: > То, что мы сейчас прочтем, читали (а многое из этого знали на память) ваши дедушки и бабушки. А есть среди этих стихов и сказок такие, которые читали и любили рассказывать наизусть даже дедушки и бабушки дедушек и бабушек.

Несколько методических пожеланий.

- Очень желательно, чтобы с произведениями этой рубрики, вошедшими в золотой фонд русской детской литературы, ребенок познакомился сначала на слух, впервые восприняв их с голоса взрослого, носителя русского языка и культуры. Постарайтесь читать стихи наизусть. Если они забылись, уж потрудитесь восстановить эту классику в памяти!
- Приготовьтесь к тому, что детское восприятие этой поэзии будет отличаться от взрослого, что не все слова и реалии будут детям понятны. Не спешите объяснять непонятные слова и толковать стихи. Важно, чтобы дети эмоционально восприняли музыку стиха, мелодику русской речи, вашу интонацию и вашу любовь к тому, что вы читаете. (Если каких-то стихотворений, вошедших в рубрику, вы не любите, поручите их читать другому взрослому). Не разрушайте целостное переживание ребенка, картинку, которая возникла в его эмоциональном восприятии, вопросами: «Всё ли понятно?», «Как ты понял?», «Что тебе понравилось?». Если непонятное слово не беспокоит детей, не вызывает вопроса, значит, они как-то по-своему восприняли стихи. Не подстрекайте маленьких читателей задавать вам вопросы. Но постарайтесь подготовиться к ответам на вопросы, которые у детей могут возникнуть.

- Читая любимые стихи, будьте естественны, не актерствуйте: дети чувствительны к фальши. Но было бы хорошо, если бы, познакомившись со стихами в «домашнем» исполнении, дети услышали бы их и в профессиональной актерской записи, в сопровождении музыки и видеоряда.
- Приступая с детьми к чтению рубрики «Русская зима», можно сразу настроить их на подготовку фестиваля «Русская зима» – в подарок родителям, дедушкам-бабушкам и другим взрослым. Пускай желающие выступить на празднике заранее готовят свои концертные номера и рисунки к «зимним» стихам и сказкам для выставки детских иллюстраций (и для альбома детских работ). В подготовке праздника непременно должны участвовать родители. Это не только облегчит вашу работу, но и повысит престиж русского языка и литературы в восприятии детей, откроет для родителей новую возможность передать детям свое отношение к искусству и жизни.

Приложение:

Что умеет детская книга,
или Когда и как ребенок становится читателем

- Школьники мало читают, – жалуемся мы друг другу и сетуем на компьютер, телевидение, молодежную моду и т.п.

А давайте вместо этого приглядимся к детству тех, кто стал любителем чтения, когда вырос. Приглядимся и попробуем выяснить:

- Как у будущих книголюбцев складываются в детстве отношения с книгой? Что зависит от нас, взрослых? Что мы можем сделать, чтобы малыш полюбил это занятие – чтение?

С чего всё начинается?

В обычной семье современный ребенок встречается с книгой, когда еще не научился различать буквы и узнавать в них звуки речи, а в сочетаниях букв – слова.

Малыш, которому меньше года или чуть больше, не способен понимать логику событий и не может следить за ними. Но при этом он с очевидной радостью и удовольствием слушает непонятные стихи и сказки. Еще не научившись говорить, он УЖЕ ЧИТАЕТ! Бессловесное дитя читает глазами старших.

Такого неискушенного читателя легко обмануть. Ему можно читать что угодно: медицинский справочник, расписание самолетов, телефонную книгу. Потому что наивный кроха воспринимает не книгу, не значение слов, не события, описанные в произведении, а нас, взрослых, читающих ему книгу. Внимательные родители и педагоги давно заметили: маленький

читатель не понимает того, что ему читают и, очевидно, не нуждается в понимании.

Пользуясь этим, некоторые хитрые папы, когда им поручают посидеть с дословесным малышом, умудряются читать вслух, например, спортивную газету: и папе интересно, и малыш слушает. Но я бы не советовал так развлекать доверчивое дитя. Потому что для ребеночка, хотя сам он этого не подозревает, тем не менее важно, насколько художественно (совершенно) произведение, которое он слышит. Во-первых, потому, что уже сейчас на маленького несмышленища, минуя значения слов, непосредственно влияют ритмичность, повторы, мелодичность, созвучия стихотворной речи. Они завораживают, включают в ритмы человеческой жизни и становятся средствами непроизвольного самовыражения, базой, на которой вырастет родная речь с ее интонациями и мелодикой. Во-вторых, «содержание и форма» стихотворения или сказки влияют на восприятие маленького слушателя косвенно: малыш не столько воспринимает саму сказку или стихотворение, сколько непосредственно и сильно сопереживает волнению взрослого. Если взрослый читает то, что ему, взрослому, действительно нравится, что его волнует, что вызывает полноценные читательские эмоции (т.е. если читает подлинно художественные произведения), то и ребенок испытывает художественные переживания, полноценные для его возраста.

Понятно, что малыш с удовольствием будет слушать и нехудожественные, бездарные тексты. Лишь бы читал близкий взрослый. Но обман неизбежно отзовется потом, когда в подростковом возрасте у ребенка вдруг обнаружится дурной вкус. Вот почему даже с годовалым слушателем всё же следует читать только по-настоящему художественные произведения.

Что дают книга и чтение ребенку, который еще не знает слов?

Прежде всего – радость общения с нами.

Книга не только повод для этого. Она задает духовное содержание и праздничный, игровой¹³ способ общения. Крохотное дитя, слушая поэтические произведения на родном языке и эмоционально резонируя читающему взрослому, навсегда запоминает мелодику родной речи – в слиянии с волнением и голосом близкого взрослого. А это означает, что первой – прекрасной! – ролью литературы в жизни каждого из нас становится миссия духовного сближения ребенка со взрослым, с предками, родной историей, памятью народа. С первых месяцев жизни ребенка книга объединяет и роднит всех троих: маленького читателя, любящего взрослого и живую родную речь. Радость от восприятия искусства становится

¹³ Это относится не только к контакту с младенцами. Далеко не всегда взрослый может придумать такую игру с дошкольником или младшим школьником, которая увлекает, развлекает и обогащает ребенка, да еще сближает дитя со взрослым. Книга предлагает материал и подсказывает форму таких содержательных совместных игр, помогает ребенку увидеть во взрослом партнера по играм и интересного собеседника.

читательским опытом малыша, его бесценным духовным багажом, почвой для произрастания внутреннего мира, оптимизма и жизнестойкости.

Очень важно, чтобы чтение (рассказывание, пение...) любящего взрослого было непосредственно и активно обращено к малютке, чтобы взрослый ожидал от дословесного ребенка ответной улыбки, движений, сосредоточенности – реакции на обращенное к малышу слово. Такое взаимодействие с крохой (назовем это общение «материнским чтением») перестает выглядеть только развлечением ребенка: «чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало». Материнское чтение не только развлекает малыша, не только развивает детскую речь и интеллект, но и успокаивает, создает у малютки ощущение защищенности, ощущение устойчивости и доброжелательности мира. Более того, это еще и взаимное удовольствие от общения друг с другом родных людей, в котором возникают общее настроение, ОБЩИЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ, общее отношение к тому, что звучит в стихах и сказках.

Читая вместе с детьми, мы добиваемся большего, чем может показаться на первый взгляд. В совместном чтении ребенок и взрослый по-особому раскрываются друг другу, становятся друг другу интересней, понятней и **НУЖНЕЙ!**

Отсюда два вывода, которые могут показаться несколько неожиданными:

1. Хороша не та детская книга, которая доступна ребенку без взрослого. Хороша именно та, которая требует участия взрослого в ее восприятии ребенком: взрослый выбирает и предлагает книгу, участвует в рассматривании картинок (даже помогает аккуратно перелистывать страницы), «делится своими читательскими эмоциями», когда читает ребенку, т.е. участвует в детском переживании произведения, а после чтения выступает собеседником ребенка, участником детского читательского «послепереживания».
2. Не следует досадовать на то, что маленький читатель нуждается во взрослом соучастнике восприятия книги, что малышу нужно время, чтобы освоить технику чтения и из читателя-слушателя превратиться в самостоятельного читателя. Читательская зависимость ребенка от взрослого – это не недостаток детского развития, который необходимо побыстрее преодолеть. Период чтения-слушания – это замечательный этап в развитии личности и в становлении Читателя, когда формируются отношения малыша с родными людьми, с родной речью и с книгой. Это огромный этап читательской предыстории первоклассника, этап, который мы, воспитатели, родители, школьные педагоги должны знать, ценить и обеспечивать условия, в которых он протекает празднично и насыщенно.

Вкусненькие поросёнки

Праздником и школой для детей и взрослых совместное чтение становится лишь при том условии, что мы, взрослые, чувствуем и понимаем маленького читателя-слушателя, учитываем возрастные особенности его общения с нами и с его ровесниками, исходим из того, что умеет детская книга. Тогда малыш для нас особенно интересен и удивителен. Тогда нам легко и радостно быть внимательными к нему. Тогда, вслушиваясь в неожиданные детские высказывания, мы не спешим исправлять ошибочные (на наш взгляд!), не спешим объяснять ребенку «правильное» (свое!) понимание, а пытаемся увидеть мир его глазами. Ведь многое вокруг нас и в искусстве давно перестало быть для нас новостью и воспринимается нами по памяти, по инерции, по привычке, механически, поверхностно, шаблонно. А ребенок еще не нажил штампов и привычек восприятия. Поэтому дитя может увидеть и открыть нам в реальном или художественном мире такое, чего мы с вами не замечаем:

– Стрекоза была хорошая, веселая, она пела и всех радовала. А муравей был жадный, злой.

Так увидеть «Стрекозу и Муравья» вряд ли можно без помощи ребенка. Еще известные примеры:

– Зачем Старик просил у Золотой Рыбки новую избу? Лучше попросил бы добрую Старуху.

– Волк был голодный, а поросёнки такие вкусненькие!

Загадки любви

И для педагога, и для ребенка важно, чтобы взрослый попытался понять, почему малыш оценивает стихотворение, сказку, эпизод, образ, поступок не так, как мы. Почему, например, дети часто подражают персонажам отрицательным, неприятным для нас? Чем злые герои притягивают ребенка? (Почему детская любовь порой зла?).

Кстати, на примере непредсказуемых детских предпочтений видно, что художественное произведение воспитывает вовсе не темой, не событиями, о которых повествует, не наглядным примером. Если дитя-слушатель часто отворачивается от положительных героев и следует как раз дурному образцу, о каком воспитании «на положительном примере» может идти речь?

Это чутьем детского писателя уловил Григорий Остер. Его знаменитые «Вредные советы» не только остроумны и веселы, но и воспитывают куда эффективнее, чем наставления педагогов и родителей или назидательные детсадовские стихи и истории.

Для женского голоса

Пожалуй, главная особенность читателя раннего возраста – острая потребность в общении со взрослыми. Думаю, именно поэтому, с учетом этой читательской потребности, и фольклорные, и авторские стихи и сказки для годовалых и двух-трехлетних детей нередко рассказывают малышу о нем самом: «Наша Маша маленькая...». Либо обращаются к ручкам, ножкам, пальчикам детёныша: «Ладушки, ладушки, Где были? – У бабушки...». И очень часто называют читателя-слушателя по имени. Причем имена, как правило, уменьшительные, ласкательные.

Произведения для детей этого возраста наполнены ласковыми, добрыми интонациями, улыбкой. Ничего удивительного, ведь они служат для непосредственного общения взрослого с маленьким. И читатель-слушатель не устает радоваться тому, что взрослый (читающий или рассказывающий) обращается именно к нему.

Малыш-читатель стремится активно поддерживать общение: подражает взрослому, повторяет за ним или «подсказывает» слова и слоги. И благодаря этому «очеловечивается»: включается в общение, запоминает многократно повторяющиеся интонации, слова, словосочетания, конструкции. И не просто запоминает, а в связи с мимикой, жестами, ситуациями, ощущениями, переживаниями. Он еще не умеет строить фразы, но уже общается, выполняя, например, игровые команды, включенные в песенки и потешки: «Ладушки-ладушки...», «Прыг-скок...» и т.д. При этом в его формирующемся сознании возникают целые ряды связей между звуками речи, звукосочетаниями, интонациями, ситуациями. Это – основа для будущих словесных связей (лингвисты и психологи называют эти связи ассоциативными рядами). Так возникают первые предпочтения одних песенок другим, одних явлений другим. Так формируется психологическая основа, на которую будет опираться вся психика ребенка, а потом и взрослого человека. Результаты этой внутренней работы, которую совершает читатель-слушатель такого смешного возраста, внешне почти невидимы. Но они бесконечно важны.

Вслушайтесь в лучшие стихи и песенки для самых маленьких малышей. Вам не кажется, что все эти потешки, пестушки, колыбельные придуманы «для женского голоса», – для мамы, бабушки, нянюшки? Наверно, потому, что первые месяцы жизни – это возраст, в котором и у девочки, и у мальчика взрослые ценят и воспитывают «женственность»: нежность, чуткость, пластичность, лиризм...

Вот почему литература для детей самого раннего возраста несколько ограничена в жанрах: сюда входят преимущественно миниатюры – как фольклорные, так и авторские – лирические, игровые, примитивно-сюжетные, но непременно ритмичные, мелодичные, музыкальные. Тема произведения, описываемые в нем события и создаваемые им образы важны

скорее для взрослого, чем для читателя-слушателя: они задают взрослому исполнению интонацию, «пафос», звучание и через это звучание влияют на ребенка. Но иные произведения для читателей-малюток поражают и раздражают некоторых взрослых.

Айны, дэву, рики, факи?

Для малюток, которые еще не научились произносить членораздельные звуки, существует огромная литература. Огромная и совершенно несерьезная. С точки зрения серьезных взрослых.

Действительно, много ли смысла в таком пятистишии:

- Ножки, ножки,
Куда вы бежите?
- В лесок по мошок:
Избушку мшить,
Чтоб нехолодно жить.

Даже если серьезный взрослый догадается, что «мошок» – это мох, а «мшить» означает конопатить мхом, то и тогда никакой мысли в этом стихотворении он, взрослый, не обнаружит. А несмышлениш слушает и радуется.

Но вот дитя подрастает, начинает декламировать стихи сам, а поэзия... умнее не становится:

Шла машина темным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес
Выходи на букву «Эс».

Или:

Шла кукушка мимо клетки,
ей попались злые дети;
раз, два, три –
это будешь ты.

А вот просто вызывающая бессмыслица да еще с долларом на конце:

Айны, дэву,
рики, факи,
торба, ёрба,
он дэсмаки,
рэус, дэус,
каснатэус,
бакс!

И эту откровенную и наглую чушь заучивают наизусть и с восторгом рассказывают дети по всей России, Украине, Белоруссии и во многих других странах (конечно, не наделяя заключительный «бакс!» достоинством

зарубежной валюты). Значит, что-то магическое есть в этих нелепых созвучиях.

По-видимому, в детстве и юности чушь бывает прекрасной.

Впрочем, до меня это уже произносила одна из любимейших моих поэтесс Юнна Мориц (голосами тоже любимых мною Татьяны и Сергея Никитиных):

Когда мы были молодыми

И чушь прекрасную несли...

Но есть у этой «чуши» и совершенно рациональное назначение. Чтобы к нему подойти, зададим себе вопрос:

Где получила педагогическое образование Арина Родионовна?

Если судить по результатам (а как иначе?), у няни Пушкина было великолепное педагогическое образование. И получила она его не в университете, а – по наследству. Как миллионы мам и пап, бабушек и нянюшек. Хранилось и хранится это наше общее наследство (педагогическое наследие предков!) в открытом хранилище: в традициях народной педагогики, запечатленных в праздничных обрядах, играх, песнях, стихах, сказках. Любой – бери – и получай наивысшее педагогическое!

Ученых поражает, до чего точно «соответствуют законам физического и интеллектуального развития ребенка» традиционные правила народной педагогики. Так пишет знаток фольклора В.П.Аникин¹⁴. «Бытовое искусство, фольклор опекает ребенка с рождения, сопровождает в детстве, отрочестве вплоть до перехода в юность».

Очень хочу обратить внимание мам, пап, молодых педагогов на такую мысль В.П.Аникина. Говоря о традиционных правилах народной педагогики в фольклорных произведениях для детей, ученый тонко замечает: «В них столько же рациональности, такта, сколько и стремления удовлетворить рано возникающую у ребенка потребность в художественном слове» (подчеркнуто мной. – В.Л.).

«Бездумные» и озорные стихи и песенки не только развлекают, но и развивают малыша, нужны ему для роста – и физического, и умственного. Они ему нужны, как корм птенцам, как пища: ими он кормится-питается, на них – всКАРМЛивается-восПИТывается.

Мамы и папы, дедушки и бабушки, няни и гувернантки давно чувствовали, а современные исследователи подтвердили, что «без этих веселых и смешных стишков, без словесной игры, которая в них содержится, ребенок никогда не овладеет своим родным языком в совершенстве, никогда

¹⁴ Аникин В.П. Начало всех начал. – Вступительная статья в книге "Мудрость народная". – М.: Худож.лит., 1991. – С.5.

не станет его достойным хозяином, способным выразить любые мысли, чувства, переживания и понять смысл речи, обращенной к нему».

Так написала Л.Е.Стрельцова в своей замечательной книге «Литература и фантазия» (М.: Просвещение, 1992). И я с нею полностью согласен. Надеюсь, что согласны и вы, родители, прародители, педагоги. На эти принципы народной педагогики, а также на положения современной педагогической психологии (Л.С.Выготский, Д.Б.Эльконин, В.С.Мухина и др.) мы опирались, составляя русскую хрестоматию «Дар слова» и разрабатывая «Методические подсказки» к ней. Хочу надеяться, что эти идеи помогут и вам в вашем общении с детьми.